АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛЬСКОЙ И ТУВИНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК И БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР, в. 11

Н. Н. ПОППЕ

АЛАРСКИЙ ГОВОР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР
ЛЕНИНГРАД 1930

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1017
30

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Июнь 1930 г.

Непременный Секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик Б. Я. Владимирцов

Начато набором в апреле 1930 г. — Окончено печатанием в июне 1930 г.

Тит. л. + 4 нен. + 130 стр. (1 фиг.)
Ленинградский Областлит № 55838. — 8 8/16 печ. л. — Тираж 1000
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение 1

Очерк фонетики . . . . . 7—75

Согласные

Заднеязычные 7
Переднеязычные смычные и аффрикаты 12
Губные 14
О смычных в конце слога и слова 15
Спиранты с, з, ш, ж 16
Спирант h 22
Спирант j 26
Звуки н, л, р 27
Палатализованные согласные 29
Таблица согласных 33

Гласные

Задние гласные 34
Передние гласные 38
Отражения старых передних гласных в аларском говоре 43
К истории *i 48
Долгие гласные. 54
Сингармонизм и губное притяжение 59
Скользящие гласные 66
Ударение и количество 67
Таблица гласных 75

Материалы для морфологии . . . . . 76—130

Имя

Числительные 76
Склонение 79
Местоимения 86

Глагол

Вспомогательные глаголы 96
Спряжение глаголов 100
Формы обращения 100
Именные формы 104
Изъявительные формы 114
Форма предположения 117
Условные формы 119
Деепричастные формы 121

Частицы

Частицы подтверждения 128
Отрицание 129
Вопрос с отрицанием 130

Настоящая работа является результатом исследований, предпринятых при деятельном участии Государственного Института культуры Бурят-Монгольской АССР, и ныне издается при поддержке с его же стороны, за что приношу Институту культуры свою искреннюю благодарность.

Н. Поппе

28 IV 1930

ВВЕДЕНИЕ

I

Несмотря на то, что по бурятскому наречию в целом существует литература, количественно превосходящая все то, что было сделано до сих пор в области исследования других монгольских наречий, бурятское наречие не может считаться изученным. Казалось бы, что приступая к исследованию какого-нибудь бурятского говора, исследователь выбирает тему не совсем благодарную, ибо после всего сделанного на долю его не должно было бы выпадать открытие новых по существу фактов. На самом же деле исследование бурятского наречия представляет собою широкое поле деятельности, работы по возделыванию которого могло бы хватить на очень и очень многих исследователей.

Бурятское наречие не представляет собою единого на всем своем протяжении языка, но группу говоров, более или менее существенно отличающихся друг от друга. Отсюда ясно, что результаты исследования одного говора всегда будут иметь лишь частное значение и не могут поэтому исключать необходимость исследования других говоров. И так как бурятское наречие распадается на значительное количество говоров, из которых специальным исследованием представлен только хоринский говор, остальные говоры могут дать обильный материал для всех, кто пожелал бы ими заняться.

Вместе с тем, в этой области, как нигде больше, можно развернуть во всю ширь метод диалектологического исследования. Бурятских говоров много, все они в известной степени отличаются друг от друга, а потому они должны исследоваться более точно, более подробно, чем языки, являющиеся на всей территории своего распространения едиными, во всяком случае более едиными, чем бурятское наречие. Исследователь таких, более единых, единообразных языков может ограничиваться лингвистическим исследованием одного-двух мест всей территории распространения этого языка и обобщить свои выводы на весь язык. Для исследования бурятских говоров такой метод неприемлем. Наоборот, приступая к исследованию бурятского наречия, мы заранее должны разбить территорию его распространения на отдельные клетки и изучать каждую клетку в отдельности,

чтобы по настоящему изучить все существующие говоры, действительного количества которых мы даже не знаем. С другой стороны, когда все эти говоры будут исследованы, необходимо было бы применить к изучению бурятского наречия методы лингвистической географии и составить своего рода атлас карт распространения отдельных явлений фонетического, морфологического и т. д. порядков. Укажу, в качестве примера, на то, как одно и то же слово в разных говорах представляет собою формы, восходящие к нескольким прототипам: таким словом является слово 'молоко' — в аларском ўhĕң, в тункинском же hўң. Последняя форма, т. е. hўң восходит к *sün, и мы находим ее в халхаском (ср. халх. сӯ), форма же ўhĕң восходит к *üsün, которая является характерной, между прочим, для ойратских говоров (ср. там ўсң). Таких примеров много и, конечно, было бы необходимо использовать их для целей лингвистической географии.

Имея дело с большим количеством говоров, мы должны применить к ним метод наиболее точного исследования, обращая особенное внимание на явления фонетического порядка, не говоря уже о том, что и морфология и словоупотребление тоже должны найти в таких исследованиях свое отражение. Но я намеренно напираю на необходимость наиболее точного фонетического исследования этих говоров. Прежде всего, коль скоро бурятские говоры иногда лишь незначительно отличаются друг от друга, можно заранее быть уверенным, что главные различия будут в фонетике. Морфология монгольских наречий вообще более или менее однообразна и, за исключением некоторых суффиксов падежных, образования глагольных форм и т. д., все они будут одинаковы почти во всех наречиях. Другое дело фонетические расхождения отдельных наречий и говоров: они всегда значительно более многочисленны и характерны.

Стоя на точке зрения необходимости точного фонетического исследования отдельных бурятских говоров, я считаю крайне важным отмечать мельчайшие оттенки произношения тех или иных звуков и притом такие оттенки, которые никакого психологического значения не имеют. Если мы будем передавать в нашей транскрипции только фонемы, то различие в говорах сотрется и получится единый язык, которого в действительности нет. Такая транскрипция недалеко уйдет от правописания монгольского письменного языка. И когда бурятские говоры окажутся исследованными в том духе, как это представляется мне желательным, мы сможем установить количество говоров и их взаимные отношения. Нам часто приходится говорить о говорах балаганских, унгинских, боханских и т. д. бурят. Но имеем ли мы дело с действительно существующими отдельными говорами балаганских, унгинских и боханских бурят? Не имеем ли мы здесь дело, может быть, только с двумя или, наоборот, более чем тремя говорами? Ведь говоры эти называем мы говорами, предполагая, что в этих трех прежних ведомствах говорят не на совсем одинаковом всюду диалекте.

И вместо лингвистических критериев мы в данном случае руководствуемся административными делениями. Между тем, границы административные, конечно, не совпадают с лингвистическими. Так напр., нынешний Аларский аймак представляет собою территорию, куда вошло, с одной стороны, прежнее Аларское ведомство, а с другой стороны — Унга, и говоры, распространенные в Алари и Унге, несколько отличаются друг от друга, а между тем они одинаково распространены в Аларском аймаке. И так как было бы неправильно судить о говорах, руководствуясь административным делением местности, необходимо делить бурятское наречие на говоры, действительно существующие и устанавливаемые по признакам лингвистическим.

Наконец, укажу, что для доведения дела до успешного окончания, необходимо исследовать бурятские говоры стационарно. Необходимо уделять исследованию каждой местности как можно больше времени и внимания. Конечно, можно, казалось бы, описывать тот или иной говор, пользуясь в качестве объекта изучения одним жителем какой-нибудь местности даже не на территории Бурятии, напр., бурятами-учащимися в Ленинграде и др. городах, как это сделал в свое время А. Д. Руднев, но я считаю такое исследование недостаточным. Язык необходимо изучать в его родной обстановке, пользуясь сразу многими объектами изучения, иначе результаты такого исследования будут очень односторонни. К тому же, необходимо на месте посетить как можно больше пунктов данной территории, чтобы установить границы говоров.

II

Под аларским говором, как сказано, нельзя понимать диалект, распространенный в Аларском аймаке вообще, ибо в Унге, входящей в состав этого аймака, распространен уже другой говор. Под аларским говором я понимаю и в качестве такового изучал лишь говор собственно аларский, т. е. распространенный на территории прежнего Аларского ведомства. Территория эта не велика, и количество говорящих на нем тоже не очень значительно. Объяснять точно, где распространен аларский говор, я не буду, ибо границы его распространения даны на приложеной к настоящей работе карте (см. стр. 5). Как видно, аларский говор распространен на территории между р. Голуметью и железной дорогой с юга на север и между 102° и 103° с запада на восток.

Мое первое знакомство с аларским говором относится к 1926 г., когда я имел возможность в Ленинграде заниматься с рядом аларских бурят, слушателей Восточного Института, главным образом, с Г. Д. Санжеевым. На тогдашние свои занятия я смотрел только как на учебные, и потому

своих наблюдений того времени я не использовал для своей работы. Летом 1928 г. мне удалось на средства Академии Наук СССР при поддержке Бурят-Монгольского Ученого Комитета совершить совместно с Г. Д. Санжеевым поездку к аларским бурятам, причем лично я занимался тогда аларским говором, а мой спутник Г. Д. Санжеев — унгинским. В течение лета названного года я занимался стационарно в летнике Элзетуй, совершив несколько поездок в окрестные улусы. Результатом занятий того времени и является настоящая работа.

Что касается моих сведений по говорам боханских бурят и эхрит-булгатов, особенно бурят Ольхонского края, то почерпнул я их главным образом из материалов А. К. Богданова, собиравшего их в 1928 и 1929 г. на средства Государственного Института Культуры БМАССР.

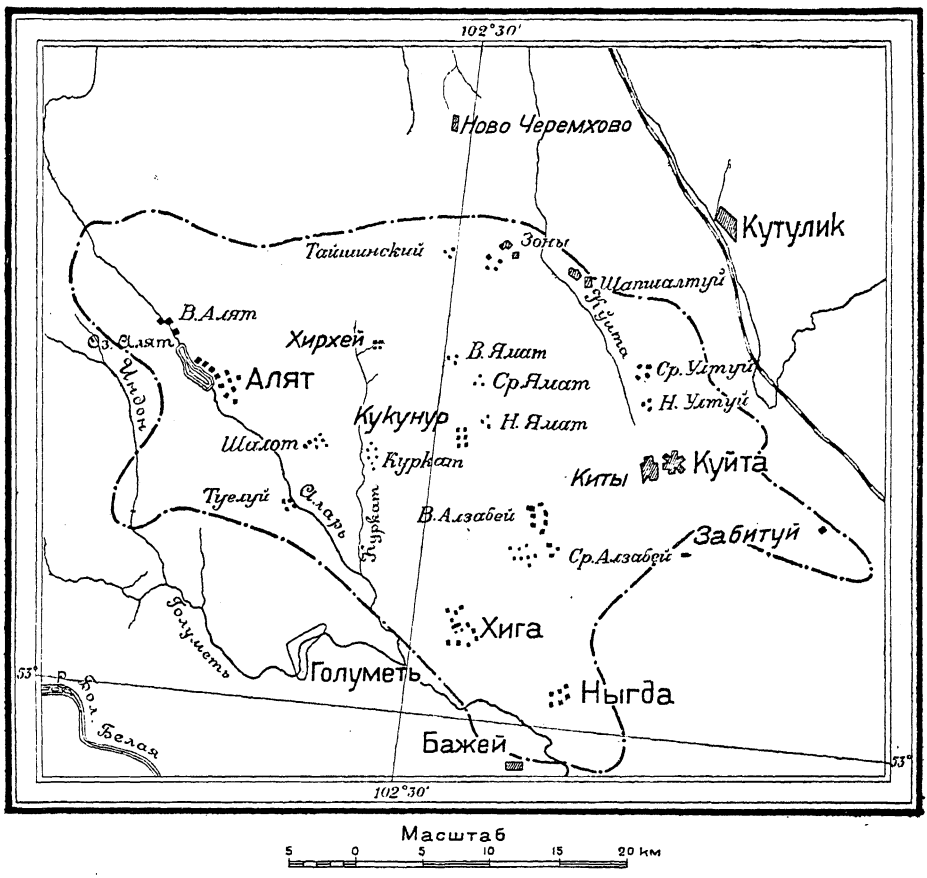
III

Издавая настоящую работу, я очень далек от того, чтобы считать ее безупречной в каком бы то ни было отношении. Я сознаю, что при всем том, что есть в ней положительного, она неизбежно должна страдать рядом недостатков и, вероятно, очень крупных. Что же касается желательного типа подобных описаний отдельных говоров, на основании которых впоследствии может быть составлен специальный труд о бурятском наречии в целом, с учетом особенностей всех говоров, то я признаю, что таковым является все же тип данной работы. Я полагаю, что для доведения до успешного окончания дела исследования бурятского наречия в целом необходимы работы именно этого типа — монографические описания отдельных говоров, из которых первым является пока работа А. Д. Руднева (Хори-Бурятский говор), по образцу которой составлена и настоящая работа. Заимствовав этот тип, внешнюю сторону, я старался развить отдельные положения более подробно и коснулся ряда вопросов, пока еще никем не затронутых в отношении бурятских говоров. В этом сходство и разница моей работы и прежних.

Обратив внимание, главным образом, на точное фонетическое обследование аларского говора, я даю здесь прежде всего очерк фонетики аларского говора. Записав ряд текстов, которые я предполагаю издать дальше вместе с переводом, я извлек из них все, что могло иметь значение для характеристики аларского говора с морфологической точки зрения. Считая необходимым в будущем дать подробную описательную и сравнительную грамматику всех бурятских говоров, я озаглавил свой морфологический очерк „Материалами для морфологии“, ибо очерк этот очень далек от того, чтобы мог считаться грамматикой. И повторяя, что во многом я, вероятно, неправ, что кое-что мною упущено из виду и представлено,

быть может, в неверном освещении, я все же считаю, что будущие исследования других говоров должны быть построены по этому же типу. Я счел бы себя вполне удовлетворенным, если бы такие работы, дополняющие и исправляющие эту, появились в будущем.

В заключение укажу, что мои переводы и записи текстов были просмотрены Г. Д. Санжеевым, причем он дружески указал мне на некото-



Границы распространения аларского говора.

рые промахи. Точно также он помог мне разобраться во многих непонятных мне местах текстов и перевести их. Многое, о чем речь идет в очерках фонетики и морфологии, было мною обсуждено с ним и дополнено его материалами, в частности его материалами по говору Окинских бурят из его поездки 1929 г. Приношу ему свою самую искреннюю благодарность за занятия со мной в бытность его студентом, за добрую помощь на месте, в Алари, когда благодаря ему мне удалось познакомиться с рядом полез-

ных для меня людей, за создание для меня обстановки спокойной работы на его родине и, наконец, за дружескую помощь при составлении этой работы. Я не могу не выразить своей благодарности также лицам, сообщившим мне те произведения народной словесности, которые я предполагаю издать впоследствии. И last not least выражаю свою глубокую признательность Б. Я. Владимирцову за те ценные указания, которыми он поделился со мной при просмотре моей работы.

ОЧЕРК ФОНЕТИКИ

СОГЛАСНЫЕ

ЗАДНЕЯЗЫЧНЫЕ

§ 1. Аларский говор знает следующие заднеязычные: 1) kʿ, 2) кʿ, 3) ґ, 4) г, 5) х, 6) ҕ и 7) ӊ.

Подвергая эти звуки более детальному рассмотрению, начнем с х. Этим знаком здесь передается заднеязычный глухой спирант с резким шумом вследствие сильного сужения. В зависимости от того, с какими гласными он сочетается, с задними ли или передними, звук этот подвергается некоторым комбинаторным изменениям: в сочетании с гласными заднего ряда это велярно-заднеязычный, в сочетании с гласными переднего ряда это звук более передний (средне-палатальный). В виду того, что качество этих двух х находится в прямой зависимости от вокализма слова, я не счел необходимым передавать их двумя различными знаками. Палатализованный х, т. е. х̀, является значительно более передним звуком, чем велярно-заднеязычный и даже средне-палатальный х: знак палатализации здесь указывает не только на палатализацию (смягченность), но и на то, что звук этот вообще артикулируется значительно менее глубоко, чем х.

В начале слова х довольно часто чередуется с аффрикатом ^{k}х, напр., ^{k}хадӑ ʿгора', ^{к}хӧл ʿнога'. Для однообразия, однако, я пишу всегда х.

Как во всех современных бурятских говорах (исключая, впрочем, говор Нижнеудинских бурят) и в большинстве других монгольских наречий, х является здесь закономерным отражением: в словах с вокализмом заднего ряда старого $\chi < {}^{*}q$, а в словах с вокализмом переднего ряда старого k. Соответствиями аларского х в словах с вокализмом заднего ряда являются в письменном языке χ, а в большинстве живых монгольских наречий х. Соответствиями аларского х в словах с вокализмом переднего ряда являются в письменном языке k, в ойратских наречиях, могольском[1]

[1] G. J. Ramstedt. Mogholica. JSFOu XXIII, 4. Helsingfors, 1905, S. 43—45. (Дальше цитируется, как Mogholica).

и дагурском к, в других же наречиях, как напр., в халхаском, в говорах восточной Монголии[1] и т. д. заместителем старого *k* является уже х, только в западно-халхаском *k* в начале слова, в положении после ң и после глухих слабых отражается как ᵏх.[2] Как в аларском говоре совпали старые **χ* и **k*, точно также они совпали и во всех известных бурятских говорах,[3] исключая говор Нижнеудинских бурят, где письменному *χ* соответствует в одних положениях kʿ (аспирированный k), а в других аффрикат ᵏх, но письменному *k* — к.[4]

Примеры: хусӑ 'некладеный баран' = мо.[5] *χuča* | хуһӑң 'береза' = мо. *χusun* | халӯң 'выдра' = мо. *χaliγu* | бухӑ 'пороз' = мо. *buχa* | ґаха̄[1] 'свинья' = мо. *γaχai* | хӗл 'нога' = мо. *köl* | хӯрзӗ 'лопата' = мо. *kürje* | техӗ 'козел' = мо. *teke*.

§ 2. Палатализованный (смягченный) х, т. е. х̇, возник в аларском говоре из х в положении перед ї и гласными, восходящими к **i*. Палатализация этого звука, следовательно, того же происхождения, что и палатализация других согласных в аларском говоре (см. § 22). Палатализованный х̇ очень часто чередуется с с̀, при этом можно указать, что в языке старшего поколения аларских бурят преобладает х̇, а в языке более молодого поколения с̀. Можно поэтому полагать, что переход с̀ < х̇ (< **ki*, **kei* и т. д.) здесь недавнего происхождения. В относительно редких случаях отмечено также чередование х̇ ~ с̀ ~ т̇, напр., тїтхӗхӗ 'провеять' = мо. *keyiske-* 'развеять'. Это развитие х̇ > т̇ или ш̇ наблюдается также в соседних говорах, напр., в боханском говоре х̇ > т̇ ~ ш̇, в унгинском и бур. НУ т̇,[6] в говоре бурят Ольхонского края т̇.[7] Действию этого закона х̇ > с̀ (~ т̇) подверглись не только исконно-монгольские слова, но и некоторые русские заимствования, напр., урма̄с̀ӑ ~ арма̄с̀ӑ 'рубаха' (< *урма̄х̇ӑ < рубаха). Объяснять этот переход х̇ > с̀ влиянием „малороссийских" форм дательного падежа ед. ч., как это делает А. Н. Боржонова,[8] нет никаких осно-

[1] А. Д. Руднев. Материалы по говорам восточной Монголии. С. Петербург, 1911, стр. 175. (Дальше цитируется, как Мат.).

[2] G. J. Ramstedt. Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch verglichen. JSFOu XXI, 2. Helsingfors, 1902, § 7. (Дальше цитируется, как SU).

[3] Ср. А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. I Опыт исследования. Петроград, 1913—1914, § 45. (Дальше цитируется, как ХБГ).

[4] Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора Нижнеудинских бурят. Ленинград, 1930, стр. 1. (Дальше цитируется, как бур. НУ); Кастрен, как известно, в обоих случаях пишет к. Ср. M. Alexander Castrén's Versuch einer burjätischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1857. Wörterverzeichnis. (Дальше цитируется, как Castrén).

[5] Письменно-монгольский язык.

[6] Г. Санжеев. Песнопения аларских бурят. ЗКВ III, стр. 465. (Дальше цитируется, как ЗКВ III).

[7] Дальше сокращенно бур. Ольх.

[8] А. Н. Боржонова. К вопросу о взаимоотношении между бурятами и русскими. Бурятоведческий Сборник. Вып. II. Иркутск, 1926, стр. 31. (Дальше цитируется, как БС II).

ваний, ибо случаи, как армāсă 'рубаха', лāбҫă 'лавка' и т. д., входят в общую систему: на это прямо указывают такие формы, как хулӳсă ~ сулӳсă 'ключ' < русск. и множество исконно-монгольских слов, которые не могут быть объяснены, как появившиеся под влиянием украинских форм.

Примеры х ~ с: дахĭн ~ дасĭн 'опять' = мо. *dakin* | нaсăхă 'сторожить' = мо. *saki-* | хăлăр ~ сăлăр 'косоглазый' = мо. *kilar* | сăнсăр саӷăӈ 'ослепительно белый' = мо. *čangkir* 'беловатый' | зоҫсӧ 'веко' = мо. *jubkis* 'угол' | сӳрhăӈ 'гнида' = мо. *kiɣursun* | сĭлгăhăӈ 'обрезки конского хвоста или гривы' = мо. *kilɣasun* 'конский волос, струна' | сохӧхӧ ~ соҫӧхӧ 'бить' = мо. *čoki-* | сĕмхĕ < **kime-* 'грызть' = мо. *kemeli-* | хĭ ~ сĭ 'сухой навоз для подстилки скота' = як.[1] кĭ | ӧмсĕ < **ömeki* 'гнилой' = мо. *ömekei* 'вонючий'.

§ 3. Звуки kˁ — велярно-заднеязычный сильный смычный и кˁ — заднеязычный сильный смычный, как „самостоятельные" звуки, в аларском говоре не существуют, и во всех случаях, где они встречаются, они возникают при ассимиляции ɣ (или г) и х или диссимиляции х — х. Обычно эти звуки можно наблюдать в быстрой речи, когда звуки ɣ (г или х) и х, принадлежащие двум соседним слогам и разделенные кратким гласным, сливаются по исчезновении данного гласного. Оба эти звука — сильно аспирированы. Из них kˁ встречается только в словах с вокализмом заднего ряда, а кˁ в словах с передними гласными. Нет надобности указывать, что все формы с kˁ или кˁ имеют параллельные формы с ɣ + гласн. + х, г + гласн. + х или х + гласн. + х.

Примеры: хадăлăкˁкˁă ~ хадăлгăхă 'схоронить' = мо. *χadaɣalaχu* 'сохранять' | ɣарăкˁкˁа ~ ɣарɣăхă 'заставлять выходить' = мо. *ɣarɣaχu* | ӧ'лӧкˁкˁӧ ~ ӧ'лгӧхӧ 'понимать' = мо. *oyilɣaχu* | ӳкˁкˁĕ ~ ӳхĕхĕ 'умирать' = мо. *ükükü* | мӧрĕкˁкˁĕ ~ мӧргĕхĕ 'кланяться' = мо. *mörgükü* | шӧӈкˁкˁĕӈ ~ шӧӈгĕхĕӈ 'жидкий' = мо. *singgeken* | ӈĕмкˁкˁĕӈ ~ ӈĕмгĕхĕӈ 'тоненький' = мо. *nimgeken*.

То же самое наблюдается на стыке двух слов в предложении, напр., јĕкˁ кˁӧгшĕӈĭн ~ јĕхĕ хӧгшĕӈĭн 'его старшая жена'.

§ 4. Звук ɣ есть велярно-заднеязычный слабый смычный и наблюдается только в сочетаниях с гласными заднего ряда, соответствуя письменно-монгольскому *ɣ*. Звук г есть более передний заднеязычный слабый смычный и наблюдается только в сочетаниях с передними гласными, соответствуя письменно-монгольскому *g*. Ввиду того, что согласные эти встречаются только в сочетаниях с гласными определенного ряда, их можно было бы передавать одним знаком г с оговоркой, что г в сочетаниях с задними гласными является звуком более задним, чем в сочетаниях с передними гласными, как это делает Руднев.[2] Однако, ввиду того, что на слух разница между ɣ и г очень велика, такое упрощение транскрипции

[1] Якутский язык.
[2] ХБГ, § 21.

было бы нецелесообразным. Что касается соответствий в других монгольских наречиях, то там тоже всюду соответствуют им два звука типа г — один более задний, другой более передний.

В положении между гласными вместо ґ и г (смычных) наблюдается звонкий спирант ɣ, который в сочетаниях с задними гласными является более задним (велярным), а в сочетаниях с передними гласными — более передним. В более точной транскрипции следовало бы знаком ɣ передавать только велярный звонкий спирант, а соответствующий более передний спирант другим знаком, напр. ɣ̄. Однако, ввиду того, что практически это различение никакого значения не имеет, я оба варианта этого спиранта передаю только одним знаком ɣ.

Таким образом, в аларском говоре существуют три (точнее даже четыре) типа согласного г. В прежних работах по бурятским говорам различались не все звуки типа г. Так напр., Кастрен передает г всех оттенков одним только знаком.[1] Не различает их и Б. Б. Барадин.[2] Руднев вводит уже два знака, а именно г (для велярно-заднеязычного и другого, менее глубокого) и ɣ (для спиранта заднеязычного и велярно-заднеязычного). Два знака мы встречаем и у Ц. Ж. Жамцарано, который пользуется ими совершенно так же, как Руднев.[3] Однако, как выше было уже указано, двух знаков безусловно слишком мало и можно помириться только на трех знаках (и то с оговоркой, что ɣ передает собою два звука — один более задний, другой более передний). Три знака для г необходимы и для транскрипции халхаских форм, хотя Рамстедт и удовольствуется только двумя.[4] В этом отношении безусловно необходимо отдать предпочтение системе, принятой Б. Я. Владимирцовым, который в транскрипцию халхаских текстов вводит три знака, а именно ґ, ɣ и г.[5]

С большим удовлетворением укажу, что в новейшем исследовании ордосского наречия Mostaert вводятся четыре знака для передачи звуков типа г — два для слабых смычных (велярного и менее глубокого = нашим ґ и г) и два для звонких спирантов (велярного и менее глубокого = нашим ɣ и ɣ̄).[6]

Примеры: ґал ‘огонь’ = мо. *γal* | ґалӯӈ ‘гусь’ = мо. *γalaγun* | гӯдĕһĕӈ ‘кишки’ = мо. *gedesün* | есĕгĕ ~ есĕɣĕ ‘отец’ = мо. *ečige* | нуɣăлхă ‘согнуть’ = мо. *nuγul-* | баɣă ‘маленький’ = мо. *baγa.*

[1] Castrén, § 2.

[2] Б. Барадин. Отрывки из бурятской народной литературы. Санктпетербург, 1910, стр. 4.

[3] Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Том I. Петроград, 1918.

[4] SU, § 15.

[5] Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Северная Монголия, II. Ленинград, 1927, стр. 1—11. (Дальше цитируется, как Исследования).

[6] A. Mostaert. Le dialecte des mongols Urdus (Sud). Anthropos, T. XXII, 1927, § 46, 50.

Что касается аларск. ґ и г, то они восходят закономерно к *γ и *g. Наряду с этим наблюдается переход *γ и *g в положении между гласными > аларск. х, напр. тух^{а}р̀ӯӊ 'журавль' = мо. *tuγuriγun* | сахăр̀ăk 'кружок, обод колеса' = мо. *čaγariγ* 'кружок, обод' | дохŏлхŏ 'хромать' = мо. *doγula-* и т. д. В ёт̀хĕхĕ 'верить' = мо. *itege-* | єсхĕјē 'своего отца' = мо. *ečige-ben* и т. д. развитие *g* > х объясняется комбинаторным влиянием соседних т̀ и с, оказа̀вшихся рядом с г после выпадения разделявших их гласных.

Как сказано выше, г и х, оказываясь рядом, дают к', но иногда г в этом положении просто исчезает, напр., ӧхĕп 'я дам' = мо. *ögkü bi.*

Замена г звуком б под влиянием губного гласного произошла в у̀бē' 'нет' = халх.[1] у̀г^{у}ī, мо. *ügei* (ср. тунг.[2] Баргузинск. у̀беї) и ту̀бēхĕ 'раздавать' = мо. *tüge-*. Наоборот, соответствие ґ = мо. *b* наблюдается в уґжă 'соска' = мо. *ubuǰi* (~ *uγuǰi*).

О ј < *g см. § 20.

§ 5. Знаком ӊ передается заднеязычный носовой, близкий к немецкому *n* перед *g*, напр., *singen*, но без слышимого *g*.[3] Звук этот, как и в письменном языке и во всех живых монгольских наречиях, наблюдается только в конце слога или слова.

В письменном монгольском языке, как известно, существуют в конце слова два звука типа н: это *n* и *ng*. В значительной части монгольских наречий эти два звука совпали и одинаково дали ӊ, напр., в халхаском (в конце двух- и многосложных слов, а также односложных с долгим гласным, он сильно редуцирован и вместо сочетания гласн. + ӊ появляется назооральный гласный.[4] Очень обычно ослабление конечного ӊ в бур. Ольх., напр., алтą̆ 'золото', долǭ 'семь'). Совпали эти два звука и в дагурском и т. д. Во всех известных бурятских говорах эти два звука тоже совпали, и в конце слова, за исключением н (суффикс притяжания третьего лица) < *inu*, наблюдается только ӊ.[5] Вторым исключением, которое можно привести для аларского говора, является сохранение н в конце слова перед словом, начинающимся на д или т, напр., уһăн дēрĕ 'на воде' или хон та̄'жă 'Хонг Тайджи': такие сочетания образуют уже в такте речи одно неразрывное целое и по существу мало чем отличаются от таких форм, как андăлдăхă 'обменяться'. В редких, правда, случаях, конечный ӊ в аларском говоре является редуцированным: мне приходилось, в сущности, наблюдать его только в повелительной форме ӧгĕг̬тį̄ 'дайте!', ёд̀ĕг̬тį̄ 'ешьте!' и т. д., где вместо ī + ӊ наблюдается уже назооральный į̄.

[1] Халхаское наречие.
[2] Тунгусский язык.
[3] Ср. ХБГ, § 29.
[4] SU, § 32.
[5] ХБГ, § 54–55.

Примеры: аӊ 'дичь' = мо. *ang* | уhăӊ 'вода' = мо. *usun* | гӧрӧhĕӊ 'козуля, антилопа' = мо. *görügesün* | hуӊґāхă 'растягивать' = мо. *sungγa-* | хӯӊгĕӊ 'дешевый' = мо. *könggen* 'легкий' | бул̀ăӊґăр̀ ~ бул̀ăӊхāр̀ 'мутный' = мо. *bulanggir*.

Любопытно отметить исчезновение *ŋ (*ng*) в середине слова в форме мāлā¹ 'лоб' = мо. *manglai*.

Сочетанию ӊн некоторых монгольских наречий (= мо. *ngn* < *ngl*) соответствует в аларском ґн (гн), ср. аґнă- 'охотиться' = мо. *angla-*, тегнē 'вьюк' = мо. *tengnege* и т. д. Такое развитие наблюдается, впрочем, и в хоринском говоре, в халхаском наречии (ср. аґнă- 'охотиться', маґнᵃē 'лоб' и т. д.).

О чередовании ӊ ~ н̀ см. § 20.

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СМЫЧНЫЕ И АФФРИКАТЫ

§ 6. Как все бурятские говоры, аларский говор имеет два переднеязычных зазубных смычных — т (сильный) и д (слабый). О произношении их можно только заметить, что т, если и является аспирированным, то в значительно меньшей степени, чем т халхаского наречия[1] или ордосского и других южно-монгольских наречий.[2] Что касается д, то в халхаском[3] и некоторых других наречиях это не звонкий, но глухой. В аларском же говоре, как вообще во всех бурятских говорах, д скорее звонкий, чем глухой и приближается к д ойратских говоров, где и т значительно меньше аспирирован, чем халхаский т.

Письменным *t* и *d* в аларском, за некоторыми редкими исключениями, соответствуют т и д.

Примеры: техĕ 'козел' = мо. *teke* | хатăӊ 'царица' = мо. *χatun* | далā¹ 'море' = мо. *dalai* | одŏӊ 'звезда' = мо. *odun*.

Озвончение **t* наблюдается в форме адăлă = мо. *atala* (converbum terminale от глагола *a-* 'быть'). Любопытно отметить, что от всех других глаголов это деепричастие образуется при помощи суфф. -сăр (-сŏр и т. д.). Можно полагать, что -сăр является именно закономерным развитием суфф. **-tara* (> хоринск. -тăр, северно-халхаск. -'т'ăр)[4] ~ **-tala* (> мо. *-tala*, халх. -'т'ăлă ~ -д̬ăлă и т. д.). Обратное явление **t* > д, т. е. **d* > т наблюдается в таӊхă 'чайник для тарасуна' = халх. д̬аӊхă 'чайник', мо. *dangχa* 'горшок для варки клея', а также в хоб̬тŏ 'сундук' = мо. *χobdo*, халх. хоб̬д̬ŏ 'ящик'.

[1] SU, § 5.

[2] Mostaert, § 58.

[3] SU, § 13.

[4] К северу от города Уланбатора к границе СССР суфф. -'т'ăр прослежен мною всюду от верховьев реки Хары до слияния Орхона с Селенгой.

В ряде случаев такое оглушение *d произошло в бур. Ольх., напр., ґутăhăӊ 'сапог', гӯтĕhĕӊ 'желудок', ґатăhăӊ 'кол'.

Под влиянием палатализации *d* дал j в формах jёбĕшшĕ 'разостлав' = мо. *debisčü* и jёб̬тēхĕ ~ деб̬тēхĕ 'намочить' = мо. *debtege-*. Подобное изменение претерпел в говоре эхрит-булгатов в начале слова старый *ǰ* (> ж остальных бурятских говоров), ср. jадă 'копье', jiл 'год' и т. д., а также форму яргаланг, приводимую Орловым без указания говора.[1]

Наконец, остается упомянуть, что д перед с или ш, как правило, ассимилируется с последними или исчезает, ср. бошшŏ ~ бошŏ от бод̬- 'вставать' = мо. *bosču*, сасрā 'досыта' от сад̬- = мо. *čadtala* и т. д.[2]

О чередовании д (т) ~ h см. § 19.

§ 7. Единственным переднеязычным аффрикатом аларского говора является ч или чʿ, т. е. сильно аспирированный ч. Звук этот возникает во всех случаях из ж перед глухими, по выпадении разделявшего их гласного, напр., хāˡчʿхēт, хачʿхēт, хачʿхĕбĕ и т. д. = мо. *χayaǰu orkiγad*, *χayaǰu orkiba* 'бросивши', 'бросил'. Такой комбинаторно появляющийся ч, между прочим, существует и в хоринском говоре.[3] Поэтому утверждение, что бурятский язык не знает звука ч,[4] не совсем точно: ч отсутствует как самостоятельный звук, но комбинаторно, а также в заимствованиях все же наблюдается довольно часто. Вообще же, старый *č дал в аларском говоре, как во всех бурятских говорах, с или ш (см. § 12 и сл.).

В связи со звуком чʿ следует заметить, что в некоторых системах транскрипции принято передавать этот звук знаком *tʿš* — так пишут Рамстедт,[5] Mostaert[6] и др. Соответственно этому они передают цʿ знаком *tʿs*, ʒ — знаком *ɒz*, ц̣ — знаком *ɒž*. Другими словами, они один звук передают сочетанием из двух букв. Пока дело касалось исследования халхаского наречия и некоторых южных, в которых существуют только аффрикаты чʿ, цʿ, ц̣ и ʒ, эта система транскрипции была вполне приемлема и к недоразумениям приводить не могла, ибо в этих наречиях отсутствуют сочетания согласных тш, тс, дж и дз, произносимых раздельно и не слитно, т. е. не являющихся аффрикатами. В бурятских же говорах такие сочетания наблюдаются, ср. напр., аларск. ӯˡлāтшхĕ 'плакав даже', сад̬сăр (почти сатсăр) 'досыта'. Теперь, если приняв латинскую транскрипцию, писать *ӯˡłātšχɒ* 'плакав даже', *satsɒr* 'досыта', обозначая совершенно правильно знаками *tš* и *ts* соче-

[1] А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878, § 4.

[2] Ср. И. А. Подгорбунский. Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскрипции бурятских текстов. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. XLI. Иркутск, 1911, стр. 25.

[3] ХБГ, § 36.

[4] Боржонова, БС II, стр. 30.

[5] SU, § 5.

[6] Op. cit., § 58.

тания тш и тс, произносимые как два звука, а не один (т. е. не как аффрикаты ч и ц), и с другой стороны сохраняя прежнюю систему транскрипции халхаских форм, писать *uʿtʿs̥ɪr* 'случай' (читай уʿчʿĭр) и *ūʿtʿsɒ* 'крестец' (читай ӯʿцʿă), этим самым может быть внесена путаница. Поэтому теперь, когда будущим исследователям в их работах в области монгольского сравнительного языкознания придется иметь дело и с бурятскими формами, знаки *tʿš* и *tʿs* в значении чʿ и цʿ должны быть изъяты из употребления и заменены в латинской транскрипции знаками *čʿ* и *cʿ*, тем более, что это будет и в других отношениях больше соответствовать требованиям научной транскрипции, построенной на принципе обозначения одного звука одной буквой.

ГУБНЫЕ

§ 8. Из губных аларский говор имеет б и м, а также — в словах заимствованных — п и w и аффрикат пф.

Согласный б является билабиальным слабым смычным. Взрывным он является в начале слова, а в середине слова между гласными это звук с постепенным разжатием.[1] Правильнее всего было бы обозначать его в этом положении знаком *β*, но для простоты я пишу всегда б. Во многих монгольских наречиях б в положении между гласными дает w, напр., в халхаском,[2] но здесь в аларском говоре это звук, лишь акустически близкий к w (спиранту), т. е. *β* (смычный с постепенным разжатием). На ряду с этим *β* имеется билабиальный спирант w. Этот w в заимствованиях подставляется на место русского в, напр. пowōсхŏ < русск. повозка.

Аларский б восходит к **b* и соответствует мо. *b*.

Примеры: баjăң 'богатый' = мо. *bayan* | будăk 'краска' = мо. *buduγ* | абā 'взял' = мо. *abuγa* (от *ab-*) | албăң 'пóдать' = мо. *alban* | ёбĕр 'рог' = мо. *eber*.

§ 9. Звук м является губным носовым и соответствует русскому м. Обычно он восходит в аларском к **m* и соответствует письменному *m*.

Примеры: мал 'скот' = мо. *mal* | манăң 'туман' = мо. *manan* | мёр 'след' = мо. *mör* | ēм 'плечо' = мо. *egem* | амăң 'рот' = мо. *aman*.

В монгольских наречиях довольно обычным является развитие **b* > м. В аларском отмечены следующие случаи соответствия м звуку *b* письменного языка: нол̀мŏhŏң 'плевок' = мо. *nilbusun* ~ *nilmusun* | намтăр 'низкий' = мо. *nabtar* 'малорослый' | намā или намшă 'лист' = мо. *nabči* | алăмх̀ăхă ~ алăб̥х̀ăхă 'скакать на коне' = мо. *alabki-* | гу̀л̀мĕр 'ящерица' = мо. *gürbel* и т. д. Сюда же относится у̀ндĕ- 'ломать': у̀ндĕ- < *у̀мдĕ- < *емдĕ- = мо. *ebde-* ломать. Такое же развитие б > м наблюдается и в некоторых русских

[1] Ср. ХБГ, § 20.
[2] SU, § 15.

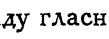
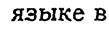
заимствованиях, напр., урмāсă 'рубаха'.[1] В jімбӯ 'нашивка из раковин' наблюдается „лишний" м: ср. мо. *ibaγu* 'раковина'. Впрочем, значительно чаще слово это встречается в форме jібӯң.

§ 10. Сильный смычный п аларскому говору, как вообще большинству современных монгольских наречий, не свойствен и наблюдается исключительно в заимствованных словах.

Как известно, звук **p*, некогда существовавший в древне-монгольском языке, в большинстве современных монгольских наречий исчез, сохранившись в известных положениях как ф в наречии монгор провинции Ганьсу.[2] Заместителем его в языке XIII и XIV вв. был спирант *h*, как об этом свидетельствуют памятники квадратного письма и китайские и мусульманские словари монгольского языка той эпохи.[3] Сохранился этот h теперь в некоторых наречиях Ганьсу и в известных говорах дагурского наречия. В современных наречиях, однако, наблюдается теперь вторичный п в заимствованиях из китайского и тибетского языков.[4] В аларском, как сказано, он тоже встречается в заимствованиях, ср. палāт 'платок' < русск. плат.[5] Во многих же случаях на место п подставляется б, особенно в середине слова. В форме hўнтĕ ~ hӯнтĕ 'фунт' наблюдается любопытная подстановка h на место ф, обычно воспринимаемого бурятами как п.[6]

В заключение, что касается аффриката пф (точнеее ⁿф), то он замечен мною только в междометии ўпфēх 'тьфу!'.

О СМЫЧНЫХ В КОНЦЕ СЛОГА И СЛОВА

§ 11. Все, что выше было сказано о смычных, имеет значение только для смычных в начале слова и в положении между гласными. Что касается смычных в конце слога (и слова), то в древнем языке в этом положении встречались только слабые (lenes). Поскольку письменный монгольский язык не различает *t* и *d*, такие написания, как  могут читаться и как *arat* и как *arad*. Как доказывает, однако, ойратский письменный язык, смычные в этом положении были всегда слабыми, ср.  . Далее, можно указать,

[1] Ср. Боржонова, БС II, стр. 29.

[2] A. Mostaert et A de Smedt. Le dialecte Monguor parlé par les mongols du Kansu occidental. Anthropos, t. XXIV, p. 805.

[3] Ср. G. J. Ramstedt. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. JSFOu XXXII, 2, S. 8—10; P. Pelliot. Les mots à *h* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles. JA Avril — Juin 1925, p. 193 e. s.; N. Poppe. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. ИАН 1928, стр. 1030—1031 (дальше цитируется, как Sprachmaterial).

[4] Ср. SU, § 9.

[5] Ср. А. Н. Боржонова. К вопросу о влиянии русского языка на бурятский. Бурятоведческий Сборник. Вып. III—IV. Иркутск, 1927, стр. 27. (Дальше цитируется, как БС III—IV).

[6] Боржонова, l. c.

что конечный смычный во всех живых монгольских наречиях, попадая в положение между гласными, всегда является слабым, ср. халхаск. арăт 'арат, человек из народа, простой человек', но genitivus ардı̯ и т. д.[1] Что касается теперь аларского говора, то там, как и в халхаском наречии, в абсолютно-конечных слогах, т. е. перед паузой, имеются глухие звуки, т. е. k, к, т, п; в слогах же, за которыми следуют другие слоги, и в слогах, где голос, продолжаясь от предшествующего звонкого, через смычный переходит в следующий за ним звонкий, имеем ґ, г, д и б. Эти слабые з этом последнем положении произносятся безусловно более глухо, чем в начале слова или в положении между гласными и, вернее всего, их можно охарактеризовать, как глухие lenes. Поэтому вместо ґ, г, д и б я пишу во всех таких случаях ґ̮, г̮, д̮ и б̮. В абсолютно-конечных слогах, вследствие уменьшения энергии артикуляции, краткий гласный произносится с недостаточным голосом и поэтому инкурсия конечного смычного является глухой. Поэтому, как это принято в отношении халхаского, я пишу в таких случаях k, к, т и п на конце многосложных слов, и ґ̮, г̮, д̮ и б̮ на конце односложных.[2]

Примеры: туґ̮ 'флаг' = мо. *tuγ* | алăk 'пегий' = мо. *alaγ* | ёг̮ 'дай!' = мо. *ög* | бєhĕлĕк 'перстень' = мо. *bilčeg* | хад̮ 'хаты, божественные герои' = мо. *χad* (мн. ч. от *χan*) | маӈґăт 'русский' = мо. *mangγus* 'злой дух' (к семантике ср. тунг. лӯча 'русский' = мандж.[3] *loča* 'злой демон') | аб̮ 'колдовство' = мо. *ab* | олōп 'я нашел' = мо. *oluγa bi* (от глагола *ol-*).

В положении перед глухими согласными, напр., х, т, с наблюдаются глухие lenes, напр., шуд̮хăхă 'выливать', бод̮хōхŏ 'воздвигнуть', аґ̮тă 'мерин', хоб̮тŏ 'сундук', аб̮сăр 'пока возьмет' и т. д. В общем, к тому, что было сказано выше, здесь прибавить нечего. Можно лишь заметить, что б в халхаском в положении перед или после согласных обычно дает w, но, поскольку выше уже было отмечено, что точно такого звука в аларском нет и близким до некоторой степени к нему звуком является *β*, т. е. б с постепенным разжатием, сочетаниям вроде халх. арwą̆ 'десять' здесь будет соответствовать ар*β*ăӈ ~ арбăӈ. Как оговорено выше, знак *β* мною в транскрипцию не вводится.

СПИРАНТЫ с, з, ш, ж

§ 12. Из этих спирантов с является альвеолярным глухим спирантом, соответствующим русскому с; з является соответствующим ему звонким, т. е. соответствует русскому з; ш и ж являются соответствующими ранее названным шипящими спирантами и соответствуют русским ш и ж.

[1] Ср. SU, § 14.
[2] Ср. SU, l. c.
[3] Манджурский язык.

Все эти спиранты (общие для всех бурятских говоров) восходят к аффрикатам — с $<$ *ц̑ $<$ *č, ш $<$ *ч $<$ *č̣,[1] з $<$ *ʒ̑ $<$ *ǰ, ж $<$ *ц̣ $<$ *ǰ̣. Соответствиями их в письменном языке являются: для с и ш — č, для з и ж — ǰ. В халхаском наречии и в ойратских говорах этим спирантам соответствуют:

Бурятский	Халхаский	Ойратский
с	ц̑	
ш	ч	
з	ʒ̑	з
ж	ц̣	

Это обстоятельство, т. е. наличие в бурятском наречии со всеми его говорами, в том числе и в аларском, двух заместителей каждого из старых аффрикат *č и *ǰ, является весьма важным указанием на то, что наречием-предком современных бурятских говоров было какое то наречие типа нынешнего халхаского или ойратского, где в противоположность южномонгольским наречиям и говорам восточной Монголии (где имеются только ч и ц̣),[2] было два сильных аффриката — *ц̑ (свистящий) и *ч (шипящий) и два слабых аффриката — *ʒ̑ (свистящий) и *ц̣ (шипящий). Таким образом, это двоякое соответствие старым *č и *ǰ звуков с и ш, з и ж в бурятских говорах может послужить еще лишним указанием на северо-монгольское происхождение бурятского наречия, ибо восходи бурятское наречие к наречию типа южномонгольских, в нем заместителями старых *č и *ǰ были бы только ш и ж.

§ 13. Теперь остается выяснить вопрос, чем объясняется двоякое соответствие старым *č и *ǰ звуков с и ш, з и ж в бурятских говорах.

Если мы обратимся к халхаскому наречию, то увидим, что письменно-монгольским формам *čaγan* 'белый', *čaγasun* ~ *čaγalsun* 'бумага', *čad-* 'насытиться', *čaγ* 'время', *čečeg* 'цветок', *čerig* 'войско', *čoχo* 'боковые возвышения лба', *čoχur* 'пестрый', *čolo* 'титул', *čuγ* 'вместе', *čöl* 'тина, грязь, пустыня' и т. д. соответствуют ц̑аӈа̨, ц̑ас, ц̑аᵭ-, ц̑аᵲ, ц̑еᵲц̑ᵉк, ц̑ерᵉк, ц̑оххо̆, ц̑о̄хо̆р, ц̑олло̆, ц̑уᵲ, ц̑ᵒöl. Но таким формам, как *či* 'ты', *čina-* 'варить', *činegen* 'величиною с', *činua* 'волк', *čingγa* 'тугой', *čida-* 'быть в состоянии', *čidür* 'треног',

[1] Кроме того, ш восходит к *s перед *ı.

[2] Mostaert, § 58; Мат., стр. 178.

čilaγun 'камень', *čimeg* 'украшение', *čikin* 'ухо', *čigig* 'сырость' и т. д. соответствуют в халхаском ч'і, ч'анă-, ч'інę̄, ч'онŏ, ч'аңґă, ч'ад̥д̥ă-, ч'ȯд̥д̥ȯ̆р, ч'улӯ, ч'імĕк, ч'іххї, ч'ї̨г̥. Нетрудно заметить, что свой шипящий характер этот аффрикат сохранил в халхаском в положении перед **i*, развившимся теперь часто в другие гласные, и утратил свой шипящий характер там, где гласный был какой-нибудь другой, но не **i*.

Если мы обратимся теперь к бурятскому наречию и специально к аларскому говору, то увидим, что во всех случаях, где в халхасском наблюдается ц', там имеем с, а где в халхаском ч', там в аларском ш: ср. саҕāң 'белый', сāрhăң 'бумага', сад- 'насытиться', саґ̥ 'время', сесĕк 'цветок', серĕк 'войско', сохŏ 'боковые возвышения лба', сōхŏр 'рябой', сулă 'титул', шī 'ты', шанă- 'варить', шёнēң 'величиною с', шонŏ 'волк', шаңґă 'тугой', шадă- 'мочь', шӧдĕр 'треног', шулӯң 'камень', шёхĕң 'ухо', шį̄г̥ 'сырость'.

§ 14. Если мы обратимся к старому **ǰ*, то увидим, что там, где следующим за ним гласным был **i*, этот аффрикат в халхаском сохранил свой шипящий характер и отражается как ц, в остальных же случаях он дал ʒ. Так, письменно-монгольским *ǰai* 'промежуток', *ǰanu-* 'грозить', *ǰanggila* 'узел', *ǰaχa* 'край', *ǰaγun* 'сто', *ǰabsar* 'промежуток', *ǰasa-* 'исправлять', *ǰaru-* 'употреблять на службе', *ǰegün* 'левый', *ǰuγa* 'забава', *ǰoba-* 'страдать', *ǰolγa-* 'встречаться', *ǰoki-* 'приличествовать', *ǰöb* 'правильный', *ǰögelen* 'мягкий', и т. д. в халхаском соответствуют ʒȧĕ̆, ʒанă-, ʒаңґїлā, ʒаххă, ʒӯ̨, ʒаб̥сăр, ʒассă-, ʒар-, ʒӯ̨, ʒуҕā, ʒowŏ-, ʒолґŏ-, ʒоххї-, ʒȯб̥, ʒȱlӯ̨. С другой стороны, письменным формам *ǰilγa* 'долина', *ǰil* 'год', *ǰiluγa* 'повода, возжи', *ǰiγsaγa-* 'расставлять в ряд', *ǰiran* 'шестьдесят', *ǰirγa-* 'наслаждаться', *ǰirmaχai* 'малявка' и т. д. в халхаском соответствуют ц̣алґă, ц̣il, ц̣олō, ц̣аґ̥сā-, ц̣арą̆, ц̣арґă-, ц̣арāх^{а}ē.

Что касается бурятского наречия, то там в случаях халх. ʒ будет з, а в случаях халх. ц — ж, ср.: заǹǰăлā 'узел', захă 'край, конец', зӯң 'сто', забăhăр 'промежуток', заhă- 'исправлять', зарă- 'заставлять', зӯң 'левый', зуҕā 'беседа', зобŏ- 'страдать', золґŏ- 'встретиться', зосŏ- 'подобать', зӧб̥ правильный', зȱлхĕң 'мягенький', жалґă 'падь', жіл 'год', жолō 'повода', жорŏң 'шестьдесят', жарґа- 'наслаждаться', жарāхā^{і} 'пескарь'.

§ 15. Все, что сказано выше относительно отражений **č* и **ǰ* как с и ш, з и ж в бурятских говорах и как ц' и ч', ʒ и ц в халхаском, справедливо лишь в общем, в частных же случаях наблюдаются в халхаском иногда формы с ц', а в аларском со звуком с, когда гласным, следующим за старым **č*, был **i*, т. е. обратное тому, что наблюдается как общее правило. То же можно сказать и относительно отражений **ǰ*.

Так например, можно указать на ряд случаев, когда письменному *č* перед *i* в халхаском соответствует ц', а в аларском говоре с, ср.: халх. ц'āд̥, аларск. сāдă 'находящийся по ту сторону' от того же корня, что мо. *činadu* |

халх. ц‘уґлă-, аларск. суґлă- ‘собираться’ = мо. *čiγul-*. Аналогичными случаями развития **j* являются: халх. ʒўрўх, аларск. зўрхĕң ‘сердце’ = мо. *jirüken* | халх. ʒўс, аларск. зўhĕң ‘цвет, масть, лицо’ = мо. *jisün* | халх. ʒур-, аларск. зурă- ‘рисовать’ = мо. *jiru-* | халх. ʒаґăс, аларск. заґăhăң ‘рыба’ = мо. *jiγasun* | халх. ʒā-, аларск. зā- ‘указывать’ = мо. *jiγa-* и т. д.

С другой стороны, есть случаи, где в халхаском **č* дал ч‘, но в аларском не ш, а с, напр., мо. *čimügen* ‘костный мозг’ = халх. ч‘ӧмўґ, аларск. семĕгĕң. Но такие случаи редки и количественно уступают обратным случаям, т. е. случаям закономерного соответствия мо. *č* перед **i* в аларском ш, в то же время, как в халхаском незакономерно появляется ц‘, ср.: мо. *čisun* ‘кровь’ = аларск. шуhăң, но халх. ц‘ус | мо. *čirai* ‘лицо’ = аларск. шара[1], но халх. ц‘ар[a]ē. Точно также в аларском часто наблюдается ж, закономерно развившийся из **j* перед **i*, в то время, как в халхаском ему соответствует ʒ, ср. мо. *jiryuγan* ‘шесть’ = аларск. жорґōң, но халх. ʒурґă (зато ср. мо. *jiran* ‘шестьдесят’ = аларск. жорŏң и халх. царă!). Обратными случаями, когда халхаскому ц соответствует незакономерно в аларском з, являются аларск. заґсā- ‘расставлять в ряд, наводить в порядок’ = халх. цаґсā- и мо. *jiγsaγa-* | аларск. шорґōлзŏң (~ шорґōлжŏң) ‘муравей’ = халх. шорґŏлцґ и мо. *sirγuljin*.

Как объяснить такие случаи ненормального развития **č* и **j* в положении перед **i*? Во многих случаях объяснение возможно очень простое, а именно, что письменно-монгольские формы с *či* и *ji* восходят вовсе не к формам с **či* и **ji*, но к формам с **č* + другой гласный (не **i*) и **j* + другой гласный (не **i*), и что формы халхаские с ц и ʒ и аларские с с и з гораздо лучше и более закономерно отражают старые формы, действительно существовавшие некогда в языке. Так напр., форма мо. *jirüken* ‘сердце’ восходит не к **jirüken*, но к **jürüken*, как показывают тюркские формы: уйг. *yürek*, осм., тел., леб.[1] jўрăк ‘сердце’ от глагола *yür-*, jўр- ‘жить, быть в движении’. Тюркский вокализм во многих случаях гораздо более устойчив, чем монгольский, и сомневаться в том, что jўрăк действительно восходит к форме с **ü*, не приходится. Укажу еще, что форма *jürke* ‘сердце’ засвидетельствована в одном старом мусульманском словаре монгольского языка XIII ст., ср. там جورکه.[2] Теперь остается только объяснить, откуда в письменном монгольском языке появилась форма *jirüken* и все подобные ей формы. Известно, что графемы *či* и *ji* по правилам монгольской письменности ассоциируются с воспроизведением звуков ч и ц, независимо от вокализма слов в произношении.[3] Поэтому

[1] Сокращения — уйгурский, османский, теленгитский, лебединский диалекты

[2] Sprachmaterial, ИАН 1928, стр. 1024.

[3] Б. Я. Владимирцов. Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Петроград, 1921, стр. 53—54. (Дальше цитируется, как Pañcatantra).

пишут *čі* и *ǰі* вовсе не для того, чтобы произносить чі и ці, но произносить ча, чу, ца, цо, цу и т. д. Знак *і* в данном случае вовсе не передает звука і, но указывает, что нужно читать ч и ц независимо от вокализма слова. Так пишут *čilaγun* и произносят чʿулӯ камень, где *čilaγun*, однако, действительно восходит к форме с **i;* по аналогии с этим пишут *ǰiyaγan*, чтобы читалось цаја̨ и где *і* отражает собою не **i*, ибо *ǰiyaγan* восходит к **ǰayaγan* > бур. заја̄ң.

Но для чего же, спрашивается, требовалось писать *і*, чтобы *č* читалось как ч, а *ǰ* как ц, если *ǰiyaγan* восходит к *ǰayaγan* и в интересующих нас наречиях произносится как ʒаја̨, заја̄ң? Дело в том, что в наречиях южной Монголии в этих и подобных словах письменным *č* и *ǰ* соответствуют ч и ц и иначе, как южномонгольским влиянием этого явления объяснить нельзя.[1] С другой стороны, известно, что в большинстве монгольских наречий наблюдается тенденция ц, ч, ш и ј, а также некоторых других согласных, стремящаяся превратить в і всякий другой последующий согласный независимо от его характера и происхождения.[2]

Итак, часть этих случаев, но именно часть, но не все, объясняется таким образом. Это объяснение недействительно в частности для случаев, когда в халхаском наблюдается цʿ (ʒ), а в аларском ш (ж) или наоборот, в халхаском чʿ (ц), а в аларском с (з). Аномальные развития аффрикат в этих случаях, когда письменно-монгольские формы с **i* действительно восходят к формам с **i*, стоят уже в связи с историей вокализма. Как известно, старый **i* в живых наречиях ассимилировался с гласным следующего слога, т. е. получилось то, что в монгольской диалектологии хорошо известно под названием „переломов“.[3] Так вот, можно полагать, что „переломы“ эти произошли всюду не в одну и ту же эпоху и что в известных случаях **i* дал напр., у перед тем, как **č* дал, скажем, цʿ: таким образом, **čisun* дало **čusun* прежде, чем **č* в иных случаях дало цʿ. Впоследствии, когда *č* дал цʿ, форма **čusun* закономерно развилась в халх. цʿус. Имели место, повидимому, и обратные случаи, когда „перелом“ произошел после того, как **č* дал цʿ: такие формы под влиянием сохранившегося дольше „нормального“ *і* удержали свой шипящий аффрикат после того, как шипящий аффрикат в иных положениях уже стал свистящим. Таким образом, можно полагать, что цʿ и вместе с ним бурятский с в случаях, когда следующий за ними гласный восходит к **i*, являются результатом „перелома“ **i*, завершившегося „ранее срока“. Наоборот, сохране-

[1] Ср. Pañcatantra, l. c.

[2] Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград, 1929, § 107. (Дальше цитируется, как Сравнительная грамматика).

[3] SU, § 55.

ние чʿ > ш свидетельствует о том, что *i удержался дольше „нормального срока“. В отделе о „переломах“ к этому вопросу еще придется вернуться, а пока можно ограничиться этим.

Наконец, в ряде случаев в аларском прежний аффрикат сохранил свой шипящий характер даже тогда, когда гласный определенно восходит к иному гласному, чем *i. Такой формой является, например, аларское жолō ʿтемя' = халх. ʒулᵃē, мо. *ǰulai* или жорō ʿиноходец' = халх. ц̣орō, мо. *ǰiruγa*. Последний пример жорō = мо. *ǰiruγa* может подать повод думать, что мы имеем здесь дело с закономерным случаем развития ж < *ǰ перед *i. Однако, как показывает вокализм соответствующих тюркских форм осм., джаг.[1] *yorγa*, алт.[2] jорҕо ʿиноходец' от глагола уйг. *yorī-* ʿходить', алт. jорт- ʿехать скоро, рысью', мы имеем здесь форму с *o, а письменно-монгольский *i* здесь только орфографическая особенность и обозначает только, что *ǰ* должно читаться как ц̣, т. е. ц̣оруҕā, а не ʒоруҕā. Форма жорō является, таким образом, любопытным примером сохранения шипящего в положении перед другим гласным, чем *i. Такие формы наблюдаются и в других наречиях, ср. вышеприведенное соответствие халх. чʿȯмӯг̣ ʿмозговая кость' = аларск. семĕгĕн̨ = мо. *čimügen*: здесь, как показывают тюркские формы, мо. *čimügen* восходит к форме не с *i, но с другим гласным, ср. орх.[3] *söŋük*, тел., алт. сӧ̄к, джаг. *sönggek* ʿкость'; на основании этих форм можно заключить, что закономерной является как раз аларская форма семĕгĕн̨, а халхаская представляет собою интересный пример незакономерного сохранения шипящего, также как форма мо. *čimügen* являет нам опять *i*, вовсе не отражающий старого вокализма этого слова.[4]

Выше было сказано (§ 6), что в эхрит-булгатском говоре *ǰ в начале слова в положении перед *i дал j, ср. jарґăлăн̨ ʿнаслаждение'. Это развитие собственно аларскому говору чуждо, но на периферии района его распространения, как свидетельствует запись Ц. Ж. Жамцарано былины „Алтан Шагай“, сделанная в 1906 г. в улусе Кундулун в 12 *км* от Черемхова, такое развитие наблюдается, ср. там jолōрō ʿсвоими поводами' и т. п.[5] В бур. НУ *ǰ в этих положениях дал д̇.[6] Развитие *ǰ > j в эхрит-булгатском наблюдается, насколько можно судить по материалам Богданова, также в положении перед другими гласными, напр., jаhăхă ʿисправлять', jӱhĕн̨ ʿцвет', jӱд̯хĕхĕ ʿтянуть' и т. д.

1 Джагатайский.

2 Алтайский диалект.

3 Язык орхонской письменности.

4 Ср. Сравнительная грамматика, § 107 и сл.

5 По устному сообщению Г. Д. Санжеева население улуса Кундулун происходит от эхрит-булгатов.

6 Санжеев, бур. НУ, стр. 3.

Под влиянием следующего *n в слове наншăхă 'бить' = мо. *janči-* — *ǰ дал н.

§ 16. Общебурятский, в том числе аларский, ш восходит, кроме *č перед *i, также к *s перед *i и соответствует халхаскому ш.

Примеры: шарă 'желтый' = мо. *sira* | шā- 'ударять' = мо. *siγa-* | шубӯӊ 'птица' = мо. *sibaγun* | шӧлĕӊ 'суп' = мо. *silün* | шӧлĕhĕӊ 'слюни' = мо. *silüsün*.

СПИРАНТ h

§ 17. Знаком h передается гортанный глухой (комбинаторно звонкий) спирант. Этот свойственный из монгольских наречий главным образом бурятским говорам звук совершенно чужд русскому языку, откуда проистекает постоянное смешение его русскими с х — велярным или менее глубоким заднеязычным спирантом. В работах по бурятскому языку его обычно различали: так напр., Орлов передавал его знаком х',[1] Подгорбунский знаком гх,[2] Кастрен же ввел знак h,[3] что более правильно, ибо h с х ничего общего не имеет. Вслед за Кастреном стали употреблять этот знак Bálint,[4] Жамцарано,[5] Барадин[6] и Руднев.[7] Определение этого звука, даваемое Орловым,[8] как нечто среднее между „буквами х и г", т. е. „х с густым (?) придыханием" (!), конечно, в корне неправильно.

Знак h некоторыми авторами употребляется в значении ҕ, так напр., эта система принята, между прочим, в тунгусском словаре Е. И. Титова, в котором звук h, наоборот, передается знаком ҕ.[9]

Звук h восходит во всех бурятских говорах к *s.[10] Любопытно отметить, что это же развитие s > h между гласными (и нуль в начале слова) наблюдается в якутском языке,[11] а также в некоторых тунгусских наречиях

[1] Орлов, § 15.

[2] Подгорбунский, стр. 16.

[3] Castrén, § 2.

[4] Bálint Gábor. Az éjszakı burját-mongol nyelvjárás rovıd ismertetése. NyK XIII. Budapest, 1877, p. 207.

[5] Записи текстов.

[6] Op. cıt., p. 5.

[7] ХБГ, § 25.

[8] L. c.

[9] Е. И. Титов Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, стр. XII. Ср. мою рецензию в Asia Major, Vol. IV, стр. 477 и сл.

[10] ХБГ, § 49.

[11] W. Radloff. Die jakutische Sprache in ıhrem Verhältnisse zu den Türksprachen. Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. VIIIe Série. Vol. VIII, № 7, St. Pétersbourg, 1908, S. 14—16.

(между гласными).[1] Другими словами, это явление характерно не только для бурятского наречия, самого северного из монгольских, но и для всех языков, территориально примыкающих к бурятскому наречию.

Примеры аларского h < *s: hобŏhŏӊ 'жемчуг-бисер' = мо. *subud* | hӯ 'сиди!' = мо. *saγu* | hахӯл 'борода' = мо. *saχal* | hомŏ 'стрела' = мо. *sumun* | hāдăk 'лук' = мо. *saγadaγ* 'сайдак' | hā- 'доить' = мо. *saγa-* | гӧрѿhĕӊ 'козуля' = мо. *görügesün* | yhăӊ 'вода' = мо. *usun* | hелĕhĕӊ 'желчь' = мо. *süsün* | ӧрѿhĕӊ 'один из парных предметов' (напр., ӧрѿhĕӊ хӧл 'одна нога') = мо. *örügesün* 'половина' | hудăр (заjāнĕ шарă hудăр 'судеб желтая книга') = мо. *sudur* 'сутра'.

В некоторых случаях h восходит к иным звукам, чем *s. Так напр., в hӯнтĕ[2] 'фунт' h является подстановкой русского ф. В беhĕлĕк 'перстень' = мо. *bilčeg* (с метатезой) и в суффиксе исходного падежа -hā = мо. *-eče* спирант h восходит к *č. По поводу этого развития можно заметить, что суффиксом исходного падежа во всех монгольских наречиях является -āс (-ēс и т. д.) и что повидимому *č здесь настолько рано развился в с, что суффикс этот мог участвовать в бурятском развитии *s* (с) > h, когда это развитие началось. Возможно, впрочем, что суффикс исходного падежа является одним из примеров очень старого чередования *č ~ *s, и в таком случае бурятский суфф. -hā входит к -*sā ~ -*ča.[3] Далее, в форме тоhŏт (~ тоҕŏт) шубӯӊ 'павлин' = мо. *toγus*, халх. т'оґŏс h является заместителем старого *γ, а в hӯрĕк 'изображение бурхана' = мо. *körüg* 'картина' старого *k. По поводу этого развития можно заметить, что ряд слов с *χ (*k), в которых мы ожидали бы х, теперь в аларском говоре произносятся так, что почти невозможно различить, h ли там или х. На этой почве наблюдаются иногда чередования h ~ х.[4] Интересно отметить, что развитие χ > h наблюдается в восточно-халхаском.[5] Далее укажу, что по справедливому замечанию Боржоновой подстановка h на место х наблюдается в аларском часто в русских заимствованиях.[6] Очень возможно, что и в вышеприведенных случаях соответствия аларского h звукам ҕ и х других наречий спирант h является подстановкой названных согласных, что, следовательно, соответствующие формы являются в аларском заимствованиями.

Итак, за некоторыми исключениями, h восходит к *s. Когда же произошло это изменение? Если принять во внимание, что *s перед *i отражается

[1] M. A. Castrén's Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1856, § 17.

[2] По сообщению Г. Д. Санжеева также hӯмтĕ.

[3] Сравнительная грамматика, стр. 406 и 252.

[4] Санжеев, ЗКВ III, стр. 466.

[5] Владимирцов, Исследования, стр. 3.

[6] Боржонова, БС II, стр. 29.

в бурятском как ш, а *č перед иными гласными чем *i, как с, далее, что s перед иными, чем *i гласными дал h, то вопрос этот становится более или менее ясным и относительную (конечно, не абсолютную) хронологию этих развитий дать не трудно. Прежде всего, что произошло раньше: *č > *ц̆ > с или *s > h? Единственным ответом может быть, конечно, только то, что *s, повидимому, раньше начал утрачивать свой первоначальный характер, чем *ц̆ стал изменяться в с, ибо, если бы *ц̆ сперва дал с, а *s потом дал h, то в переходе в h участвовали бы и слова с *č. Повидимому, когда *ц̆ еще существовал как таковой, *s или уже дал h или промежуточную стадию развития *ϑ (звук типа английского *th*). С другой стороны, *s перед *i развился в ш раньше, чем *s в иных положениях дал h, ибо в противном случае вместо шарă 'желтый' в бурятском теперь были бы формы *hарă и т. п. Отсюда можно полагать, что в наречии-предке современных бурятских говоров существовали звуки *ц̆, *ш и *h, из которых ш сохранился до нынешнего времени, а *h к моменту, когда *ц̆ начал развиваться в соответствующий спирант, уже успел развиться из *s.[1]

Во многих случаях наблюдается исчезновение h, а именно в положении между гласными, преимущественно такими, из которых один долгий. Так, в быстрой речи, вместо тōhŏ 'пыль' (accusativus) можно наблюдать форму тō или тō'о.[2] Часто в начале слова h является настолько редуцированным звуком, что производит акустически впечатление нуля, напр., hӯнă 'сидит' часто произносится почти как ӯнă. Наиболее верным обозначением этого редуцированного звука будет ʰ, напр., ʰӯнă 'сидит', но для простоты я всегда пишу h.

§ 18. Старый *s, как видно из вышесказанного, в бурятском дал h. Однако, в эпическом языке, как видно по записям Ц. Ж. Жамцарано (ср. гесĕр хӯбӯӈ имя Гесер Хана, метĕр гесĕӈ бéjēрē и т. д.), старый s уцелел как с. Это подтвердил устно Г. Д. Санжеев, заметивший это же самое в эпическом языке бурят Унгинского района. В моих записях формы, как са'хăӈ ~ ha'хăӈ 'красивый' = мо. *sayiχan* наблюдаются тоже. Затем, книжные заимствования, как гесĕр Гесер-Хан, асăрă 'Асурии' = мо. *asuri* и т. д., тоже сохраняют свой s. Кроме того, в положении после согласных s обычно сохраняется или чередуется с h, ср. заʻсāхă 'расставлять в ряд', борсŏӈŏр ~ борhŏӈŏр 'вспученный' и т. д.

§ 19. В конце слога и слова старый *s закономерно развился в д̆ (т), например: алӯт 'мимо, через' = халх. аллăс, мо. *alus* | маӈʻăт 'русский' = халх. маӈʻăс, мо. *mangγus* 'злое чудовище' | бод̆- 'вставать' = халх. б̆ос-,

[1] Бурятское наречие в ту эпоху, повидимому, было на той же стадии развития, что баргузинское наречие тунгусского языка, где сохранился ч, но *s уже дал h в положении между гласными, ср. там баĭча 'скала' но баĭтаhун 'яловая'.

[2] Ср. Санжеев, ЗКВ III, стр. 465.

мо. *bos-* | дӯд̬- 'кончать' = халх. д̬ӯс-, мо. *daγus-* | улăт 'народ' = халх. уллӯс, мо. *ulus* и т. д.

В некоторых, редких случаях, *s* удержался, ср. єсхĕ- 'кроить' = мо. *eske-*.

Такое развитие *-s* > д̬ (т) известно во всех бурятских говорах.[1] Это развитие наблюдается в некоторых частных случаях в разных говорах восточной Монголии,[2] в ордосском наречии.[3] Чередование с ~ д̬ наблюдается и в халхаском наречии, ср. нāс- ~ нāд̬- 'играть', д̬ellĕс- ~ д̬ellĕд̬- 'ударять' и даже в письменном языке.[4] Ср. также такие развития в тюркских наречиях: каз.[5] нарат сосна = халх. нарăс < *narasun* и развитие конечного *с > т в якутском языке, напр., отут 'тридцать' < *отус < **otuz* и т. д.[6] В ряде бурятских говоров конечный д̬ (т) при наращении суффиксов, начинающихся на гласный, сохраняется, ср. у Орлова тэмēт — тэмēди,[7] в хоринском модŏт — модŏдōр[8] и т. д. Что же касается аларского говора, то в этом положении старый *s* дает закономерно h, как во всех случаях, где **s* был в положении между гласными: ср. улăт 'народ' — улăhā (genitivus), маӊґăт 'русский' — маӊґăhāр (instrumentalis), ёт̀хĕхĕ 'квасить' ~ ёhēхĕ 'заставить киснуть' (мо. *iske-* ~ **isege-*) и т. д.

В общую систему входят и такие слова, конечный д̬ (т) которых восходит не к **s*, но к **d*, и даже русские заимствования, ср. ėд̬ 'имущество' — ėhē (accusativus с притяжанием), булăт 'сталь' — булăhījĕ (accusativus), пăлāт 'плат' — пăлāhāр (instrumentalis) и т. д.

Наблюдаются, конечно, и чередования, ср. бодŏбŏ 'встал' ~ боhŏӊ 'вставая' от бод̬-, тудăӊ ~ туhăӊ 'попадая в точку' и т. д. Но в общем, в положении между гласными чаще наблюдается в именах h, чем д, но от глаголов как бод̬- и т. д., преобладают формы с д. Это в аларском говоре, в унгинском же и от глаголов преобладают формы с h, напр., боhōт 'вставши' от бод̬- 'вставать'. Частично это явление чередования наблюдается и в хоринском, ср. хубӯт ~ хӯбӯшīӊ и т. д. По собственному признанию Руднева это явление ему осталось непонятным,[9] но теперь, после сделанного выше разъяснения относительно отражения **s* как h в положении между гласными и как д̬ (т) в конце слога и слова, все неясности устраняются.

[1] Ср. ХБГ, § 46, 49, Подгорбунский, стр. 27.
[2] Ср. Мат., стр. 181.
[3] Mostaert, § 80.
[4] SU, § 16.
[5] Казанско-татарский диалект.
[6] O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. St. Petersburg, 1851, § 185.
[7] Op. cit., § 14.
[8] ХБГ, § 129.
[9] ХБГ, § 46.

СПИРАНТ j

§ 20. Знаком j передается среднеязычный звонкий спирант, соответствующий немецкому j. Звук этот в современных монгольских наречиях разного происхождения. В аларском говоре он восходит к *y, *d, *g перед *i, далее в начале слова он обычно является протетическим при *i, или в комбинации с любым гласным кроме i, восходит к *i, подвергнувшемуся ассимиляции со стороны гласного следующего слога.

Рассмотрим все эти случаи отдельно.

Старый *y отражается как j, ср.: jабāт 'пошедши' = мо. *yabuγad* | joh̆ŏŋ 'обычай' = мо. *yosun* | бajăŋ 'богатый' = мо. *bayan* | хojŏр 'два' = мо. *χoyar* и т. д.

Как j в аларском отражается *g в положении перед *i (везде кроме начала слова), ср.: дєjĕ- 'махать руками' = мо. *degigür* 'опахало' | ėр̀jĕ 'берег' = мо. *ergi* 'яр' | дол̀jōŋ 'волна' = мо. *dolgiyan* | зал̀jăхă 'проглотить' = мо. *ǰalgi-* | бул̀jăбăш 'ты брыкнул' = мо. *bulgiba* (*či*) | болдŏjĕ genitivus от болдŏk 'сопка' = мо. *boldaγ* 'кочка'.

В некоторых случаях такое развитие *g получил и перед *e, напр., сєр̀jĕ ~ сєргĕ 'коновязь' = мо. *čerge* | ёр̀jĕ 'кладеный баран' = мо. *irge* | hєjē 'войлок' = мо. *isigei* и т. д. Точно также иногда удерживается и г, напр., зал̀г̀ă- ~ зал̀jă- 'проглотить'.

Когда перед *g был *ŋ (= мо. *ng*), то под влиянием j < *g он дал н̀, напр., ан̀jăр 'турпан' = мо. *anggir* | ан̀jĕ genitivus от аŋ 'дичь' = мо. *ang* | тėн̀jĕр < тėŋгĭрĭ 'небо' = мо. *tengri* | ман̀jăhăŋ 'лук' = мо. *manggir* | зан̀jăлā 'узел' = мо. *ǰanggila* | далăн̀jĕм 'мой загривочный жир' < *далăŋгĭм = мо. *dalangi minu* и т. д.

Это развитие *g > j наблюдается не только в одном аларском говоре, но отмечено также в хоринском.[1] В бур. НУ в этом положении наблюдается д̀.[2]

О *d* > j см. § 6.

Если сопоставление правильно, то в hобō̄[1] 'клык' наблюдается б || *y*, ср. мо. *soyuγa*.

Что касается протетического j при *i-, то примером такового могут служить jілāhăŋ 'муха' = мо. *ilaγa* | jёр- 'приходить' = мо. *ire-* и т. д. (см. § 37).

Делее, к j + гласн. восходящему к *i- и образовавшемуся в результате перелома, ср. jамāŋ 'коза' = халх. jамā, мо. *imaγan*.

Наконец, в качестве примера отпадения начального *y ср. ėхĕ далā̄[1] 'великое море' = мо. *yeke dal̄ai*. Это отпадение, впрочем, наблюдается

[1] ХБГ, § 45.

[2] Санжеев, бур. НУ, стр 3.

только в этом примере и возможно, что тут сыграла роль контаминация с ехĕ 'мать' ('мать море' *eke dalai*).

ЗВУКИ н, л, р

§ 21. Знаками н, л и р передаются соответствующие русским н, л и р звуки. Из них л вполне соответствует русскому твердому л в сочетании с гласными заднего ряда. Обычно в монгольских наречиях наблюдается два звука л — один вполне соответствующий русскому л в словах *лапа, алкать* и т. д., а другой (l) звуку *l* немецкого или французского языков. Первый встречается при гласных заднего ряда, а второй при гласных переднего ряда и перед ч и ц̣. В бурятских говорах этому l халхаского и др. наречий соответствует или л, ср. аларск. хёл 'нога' = халх. хөl, или ӆ, т. е. палатализованный л, напр., ӆē ~ ėӆē 'коршун' = халх. elē. Помимо того, в аларском наблюдается перед ш < *č и ж < *ǰ непалатализованный звук л, но более передний, для которого ввожу знак l, напр., jабӯlжă 'заставляя итти' = халх. jawӯlцӣ, мо. *yabuγulǰu*.

Таким образом, для аларского говора я устанавливаю три звука типа л — 1) л, 2) l и 3) ӆ.

Примеры: жіл 'год' = мо. *jil* | нӯгĕл 'грех' = мо. *nigül* | баӆă- 'отнимать' = мо. *buliya-* | ґулăмтă 'очаг' = мо. *γolumta* | далăң 'загривок' = мо. *dalang* | буӆжăмӯр 'жаворонок' = мо. *boljimur*.

В ā'шăң (~ ā'ӆшăң) 'гость' = мо. *ayilčin* наблюдается выпадение л.

Что касается р, то он восходит к *r, ср. барăң 'правый' = халх. ḇарă, мо. *baraγun* | орӧ' 'макушка' = халх. ор°ē, мо. *oroi* | ерĕ 'мужчина' = халх. ерĕ, мо. *ere*.

Наблюдаются случаи чередования р ~ л, ср. аларск. емēлшĕң 'ветер с востока' = унгинск. емēршĕң (= мо. *emegelǰi* 'лоскутки, вешаемые с лицевой стороны юрты', к семантике ср. 'лицевая сторона' — 'перед' — 'восток', ср. мо. *emüne* 'спереди'); аларск. ґӯрăмшă 'нищий' = мо. *γuyirinči* ~ *γuyilinči*, ср. халх. ґуjлăґ'ч'ӣ 'нищий' и т. д.

Выпадение р наблюдается в охīт 'бросьте!' = мо. *orki-* 'бросать' и утă 'длинный' = дэрб. Астр.[1] ут[a], халх. ур'т'ӯ, мо. *urtu*. Иногда р и л меняются своими местами в слове, ср. гӯӆмĕр 'ящерица' = мо. *gürbel*.

В заключение о л и р необходимо заметить, что, как и в халхаском, наречии рекурсия л и р в положении перед сильными смычными глухая.[2] Точно так же и на конце слова голос обрывается раньше, а выдыхание еще продолжается, и надставная труба сохраняет отчасти свое прежнее

[1] Дэрбетский говор Астраханской губ.

[2] SU, § 28.

положение. Для простоты я, однако, этих глухих л̥ и р̥ не обозначаю особыми знаками.

Относительно *n можно заметить, что он отражается как н, но в конце слова, как сказано, как ӊ, совпав с *ng* (см. § 5). Здесь можно заметить, что чередование на конце слова ӊ с нулем в ряде монгольских наречий играет роль морфологического показателя: так напр., в ойратских говорах именные формы образуют accusativus путем отбрасывания конечного н, то же самое наблюдается и в бурятских говорах,[1] в том числе и в аларском, ср. уhăӊ 'вода' — асс. уhă, хӯбӯӊ 'сын' — асс. хӯбӯ.

В халхаском, как известно, формы с конечным ӊ или назооральным гласным играют роль прилагательных, а формы без него — существительных, ср. мод̥ 'дерево' — мод̥д̥ǫ̆ 'деревянный', ус 'вода' — уссў 'водяной' и т. д., причем иногда по аналогии с конечным ӊ образуются прилагательные от основ, никогда не имевших в конце *n*, напр., шil 'стекло' — шillę̆ 'стеклянный'.

Здесь можно высказать предположение, что в халхаском формы, как ус, утвердились в значении существительных именно в результате образования от старых основ типа *usun* accusativ'а путем отбрасывания *-n*. Прилагательные же сохранили *n*, ибо accusativus от форм, вроде *usun*, употребляемых аттрибутивно, будет равняться старому nominativ'у, т. к. аттрибут, как известно, не склоняется, ср. уссў д̥ал^{а}ēг 'водяное море' (accusativus). Очевидно, по аналогии со случаями уссў д̥ал^{а}ēг 'водяное море' (где уссў аттрибут) и б̥i ус ӯцӣ wȧĕн (где ус объект в винительном падеже, т. е. существительное) формы без *n* распространились в именительном падеже тоже без *n* в значении существительных, а формы с *n* распространились в том же падеже уже в значении прилагательных.

Отпадение конечного *n > ӊ наблюдается в аларском лишь в немногих словах, ср. нарă 'солнце' (реже нарăӊ, но genitivus всегда нарн̀ĕ) = мо. *naran* | hомŏ 'стрела' = мо. *sumun* и т. д. Как правило, отпадает конечный ӊ < *n, если слово является определением к другому, начинающемуся на гласный, напр., барăӊ ґарā 'свою правую руку', но бар амāн̀ 'его правый угол рта'.

В монгольском языке, как известно, нет согласования в падежных формах, и показатель того или иного падежа получает из нескольких имен лишь последнее. В аларском говоре действует это же правило, при этом, однако, первая из форм, если она представляет собою основу на -*n > ӊ, теряет свой *n, напр., модŏ шулӯҕāр 'деревом и камнем', алтă мӧӊгĕнhѿн̀ 'из своего золота и серебра' и т. д. В случаях, однако, когда первое из имен в таких сочетаниях играет роль прилагательного, т. е. является определением второго, оно сохраняет свой конечный ӊ. Так напр., алтăӊ шулӯнhа значит 'из золотого камня', но алтă шулӯнhā 'из золота и камня'.

[1] Ср. ХБГ, § 115.

Таким образом и в аларском говоре различение существительных (без ӊ) и прилагательных (с ӊ) тоже наблюдается, но оно выражено только в слабой степени и сводится лишь к нескольким определенным случаям.

Письменному *n* в положении в начале слова и в середине соответствует в аларском н, напр., нохӧ̄[1] 'собака' = мо. *noχai* | нарăhăӊ 'сосна' = мо. *narasun* | єнĕ 'этот' = мо. *ene* | н̀ēӊ 'корова' = мо. *üniye* и т. д.

В положении перед ж звук н является часто церебральным, напр., в таких случаях, как ӧнжĕхĕ 'проводить две ночи' = мо. *önǰi-*. Простоты ради такой церебральный н здесь особым знаком не отмечается.

В редких, сравнительно, случаях, **n* перед **i* через **н̀* дает j, ср. зоӊ 'народ' — зӧ̄[1]ҕō < *зоjĭґō < *зон̀ĭґō < **ǰon-yuγan* 'свой народ' (асс. с притяжанием). Наоборот, изредка j, назализуясь, дает н̀, ср. хон̀ӯлăӊ ~ хоjӯлăӊ 'вдвоем' = мо. *χoyaγuľa* | н̀амāӊ ~ jамāӊ 'коза' = мо. *imaγan*.[1] Изредка наблюдается появление лишнего н в начале слова, ср. аjăґă ~ наjăґă 'чашка' = мо. *ayaγa* и т. д. или на конце основы в косвенных падежах, ср. ӧглѡ̄ 'утро', но ӧглѡ̄н̀ĕ (genit.), у̀дĕшĕ 'вечер' — у̀дĕшн̀ĕ (genit.) и т. д.

В положении перед б следующего слова конечный **n* > ӊ дает часто м, напр., баjăм-б̀i < баjăӊ-б̀i 'я богат'.

ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЕ СОГЛАСНЫЕ

§ 22. Палатализация является обычно результатом следовавшего за данным согласным **i*. Теперь этот **i* дал в аларском часто другие гласные, но следом его является палатализация. Как можно установить, палатализация обычно появляется под влиянием непосредственно следовавшего за согласным **i*, а также **i*, ненепосредственно следовавшего за ним. В ряде случаев роль **i*, как палатализующего фактора, по данным письменного языка не может быть установлена. Палатализация играет в бурятском наречии и во всех его говорах, в том числе и в аларском, большую роль. Палатализованные и непалатализованные согласные, как правильно отметил Руднев,[2] являются фонемами, ср. напр., болōт 'став' — бол̀ōт 'перестав' | алă 'убей!' — а̀лă 'который' | єл̀ĕhĕӊ 'изношенный' — єлĕhĕӊ 'песок' и т. д.

§ 23. В связи с палатализованными согласными считаю необходимым сделать несколько указаний в области транскрипции. Знаком палатализации является и у Руднева[3] и здесь одинаково `. Очень часто в записях народных произведений бурят и других текстах палатализация остается вовсе не обозначенной. Так напр., Жамцарано в разных местах т. I Образцов Народной Словесности Монгольских Племен пишет ур̀āнаi

[1] Санжеев, ЗКВ III, стр. 497.
[2] ХБГ, § 15.
[3] ХБГ, l. c.

уріндоло . . . . . сāрhоӊ jӯнеі німеҕендӯ и т. д., но с другой стороны шаҕāбаṛтаі, іṅēлҕежі и т. д. Из приведенных примеров видно, что им не обозначается палатализация перед і. Здесь, несомненно, сыграли роль ассоциации с русским произношением и письмом. Знак і в значении не только гласного і, но и знака палатализации употребляется и Барадиным, который пишет *niuur* 'лицо' (вместо ṅӯр).[1] Действительно, если писать в таких случаях, как моṛӣӊ 'конь', после р — і, то можно было бы обойтись во многих случаях без знака палатализации. Однако, написание морӣӊ не вполне приемлемо по другой причине. Дело в том, что, как мы дальше увидим, в таких случаях нет никакого і, но очень неясно произносимый редуцированный гласный качества гласного первого слога, т. е. ŏ, почему написанию морӣӊ следует предпочесть написание моṛŏӊ. Руднев совершенно основательно всюду ставит знак палатализации, хотя вместо моṛŏӊ и т. д. он всегда пишет моṛӣӊ. Ставит же он знак палатализации в таких случаях не только потому, что в точной транскрипции должны найти свое отражение все качества звуков, но и для того, чтобы отличать такие формы, как харӣӊ 'черного' и хаṛӣӊ 'чужого', из которых первая содержит непалатализованный, а вторая палатализованный р. При этом он говорит: „ī в рī и в ṛī (т. е. собств. ṛī) не вполне равнозначущи, но разница значения зависит не от оттенков і и ī, а от палатальности или непалатальности предшествующего согласного и, при невозможности для бурята (да и для русского) произнести хаṛīӊ, как хаṛӣӊ, такая натяжка на мой взгляд вполне допустима. Эти то соображения и привели меня к значительному упрощению транскрипции (без маленьких букв для glide'ов) с приближением вместе с тем к более точному обозначению звуков живой речи; но они же вызывают с другой стороны необходимость пользоваться знаком палатализации, если согласный смягчен, хотя бы за ним следовал передний гласный, который по русской психике, в силу одного этого, вынужден был бы произноситься „мягко". Жамцарано (ОНС МП I) вынужден писать хараіӊ и харӣӊ, т. е. вводить русские ассоциации, жертвуя точностью, желая избежать надстрочного знака палатализации; но избежать его ему все же не удалось".[2]

По поводу этого замечу, что различая харӣӊ 'черного' и хаṛӣӊ 'чужого', Руднев поступает вполне правильно. Однако, ввиду того, что харӣӊ 'черного' произносится в хоринском в действительности как хар^{а}ӣӊ, я склоняюсь к системе передачи glide'ов особыми знаками (надстрочными маленькими буквами). Конечно, имея в виду оговорку, сделанную Рудневым, можно было бы писать харӣӊ 'черного' и хаṛӣӊ 'чужого'. Однако, ввиду того, что в аларском, по крайней мере, говоре, кроме случаев с ī без палатали-

[1] Op. cit., p. 3
[2] ХБГ, § 16—17

зации предшествующего согласного, с которым он соединяется glide'ом, Рудневым не обозначаемым, существуют еще случаи с ī, соединяющимся с предшествующим согласным, не палатализуя его, непосредственно, без посредства glide'а, я считаю необходимым различать три рода случаев:

1) ī с палатализацией предшествующего согласного, напр., аларск. хар̀īн̨ 'чужого';

2) ī без палатализации предшествующего согласного, соединяющегося с ī, при помощи скользящего гласного, напр., аларск. ар^{а}īн̨ 'теневой стороны';

3) ī без палатализации предшествующего согласного, соединяющегося с ī без посредства скользящего гласного, напр., аларск. jаб̮хăдīмн̀ĕ 'когда я ходил'.

Но если бы и не требовалось различать три рода случаев, я все равно был бы более склонен различать ар^{а}īн̨ и хар̀īн̨, стоя на той точке зрения, что транскрипция на службе у диалектологии, особенно когда имеешь дело иногда с рядом несущественно отличающихся друг от друга говоров, когда приходится предусматривать все, чтобы система транскрипции, принятая в первом исследовании, не находилась в противоречии с фактами говора, который будет исследован еще только через многие годы, должна быть точной и без упрощений там, где это не требуется настоятельно.

§ 24. Переходя к рассмотрению отдельных случаев, когда наблюдаются палатализованные согласные, начнем с тех, в которых палатализация появилась под влияиием непосредственно следовавшего за согласным *i. Ср. следующие примеры: н̀ӱдĕн̨ 'глаз' = мо. *nidün* | н̀ӯр 'лицо' = мо. *niγur* | н̀уhăн̨ 'сопли, нагар на свече' = мо. *nisun* 'сопли' | н̀ēхĕ 'смеяться' = мо. *iniye-* | н̀ӱдӯр 'пестик' = мо. *nidügür* | н̀урґăн̨ 'спина' = мо. *niruγun* | н̀утăk 'родина' < **nituγ* ~ мо. *nutuγ* | н̀īдĕ- 'летать' = мо. *nis-* | hєбӯр 'опахало' = мо. *sebigür* 'веер' | дєл̀ӯн̨ 'селезенка' = мо. *deligün* | бал̀ā- 'отнимать' = мо. *buliya-* | тух^{а}р̀ӯн̨ 'журавль' = мо. *toγuriγun* | н̀ӯ- 'прятать' = мо. *niγu-* | н̀одŏнŏн̨ жіл 'прошлый год' = мо. *nidunan jil* и т. д.

В ряде случаев, однако, *i не оказал своего палатализующего влияния на предыдущий согласный, и наблюдаются чередования, ср. нӱсĕгĕн̨ (~ н̀ӱсĕгĕн̨) 'голый' = мо. *ničügün* | нар̀ā^{i}лă- < *nirayila-* < **n^{i}arayila-* 'родить' = мо. *nirayila-* | нол̀мŏhŏн̨ (~ н̀олмŏhŏн̨) 'плевок' = мо. *nilmusun* ~ *nilbusun*.

Такие колебания между палатализованными и непалатализованными согласными наблюдаются и в халхаском,[1] ср. н^{i}ӯр ~ нӯр 'лицо', н^{i}ус ~ нус 'сопли', н^{i}ӱд̮ ~ нӱд̮ 'глаз' и т. д. Вероятно, отсутствие палатализации в таких случаях в аларском объясняется тем, что перелом произошел раньше,

[1] Вернее, там палатализованных согласных нет, и вместо них наблюдаются сочетания согласного + скользящий гласный ^{i}.

чем согласные начали палатализоваться, т. е. то же, что при с < *ц̣ < *č + *i (см. § 15). Любопытно отметить, что в отношении палатализованных согласных даже отдельные бурятские говоры часто не соответствуют друг другу, ср. напр., бур. НУ ідēлкĕ 'кормить' = бур. Алар. ёд̀ēлĕхĕ, бур. НУ у̀нēн̣ 'корова' = бур. Алар. н̀ēн̣ и т. д.[1]

С другой стороны, наблюдаются палатализованные согласные там, где мы их не ожидаем, напр., хур̀ăҕăн̣ 'палец' = мо. *χuruγun*. Здесь, однако, мы имеем дело с очень распространенным чередованием *u ~ *i, ср. мо. *doluγa-* ~ *doliya-* 'лизать' и т. д.[2]

Можно указать также на случаи появления палатализации под влиянием предыдущего *i, напр., хот̀ŏґŏ 'нож' = мо. *kituγa* | од̀ŏґŏн̣ 'шаманка' < *ідŏґŏн̣ (ср. тунг. ідокон) = мо. *udaγan* | ёд̀ĕ- 'есть' = мо. *ide-* и т. д.

В ряде случаев палатализованным оказывается не тот согласный, за которым следовал *i, но соседний, напр., бул̀ăн̣хāр 'мутный' = мо. *bulanggir* | са̀бдăр̀ 'игреневый' = мо. *čabidar* и т. д.

К случаям, когда палатализация является результатом влияния следующего *i, можно прибавить еще такие, когда палатализация совсем иного происхождения. Сюда относятся, напр., такие случаи, как н̀удăрґă 'кулак' = мо. *nidurγa*, где казалось бы, все обстоит вполне благополучно, т. е. где палатализация н может быть объяснена влиянием *i, давшего у в результате перелома (см. § 39). Однако, как показывают тюркские формы jудрук || ц̣удрук || нумзурук 'кулак' здесь никогда не было *i. Здесь *i* в письменном языке является вторичным, развившимся под влиянием *ṅ,[3] т. е. палатализованного *n*, ибо несомненно, что в н̀удăрґă и некоторых подобных этому случаю примерах мы имеем дело с отражением старого палатализованного *n*, т. е. *ṅ.[4]

Далее, имеются такие случаи, в которых согласный оказывается палатализованным под влиянием *i — второго компонента старого дифтонга, напр., хар̀ā¹лґă- 'заставить скакать' = мо. *χarayilγa-* | ор̀ō̈¹ ~ орō̈¹ 'макушка' = мо. *oroi* и т. д.

В ряде случаев палатализация является результатом влияния не *ī но ī нового происхождения, ср. напр., т̀īмĕ < *teyimü 'такой', с̀īд̣хĕхĕ < *keyiskekü 'развеять' и т. д. Это доказывает, что палатализация в аларском говоре более позднего происхождения, чем развитие *eyi > ī.

Наконец, палатализация иногда появляется под влиянием следующего *e, напр., хел̀ĕн̣ 'язык' = мо. *kelen* или шипящих согласных, напр., хон̀шōр 'морда' = мо. *χongsiyar*.

[1] Санжеев, бур. НУ, стр. 4.

[2] Сравнительная грамматика, стр. 320.

[3] Сравнительная грамматика, стр. 185.

[4] N. Poppe. Altaisch und Urtürkisch. Ungarische Jahrbücher. Bd. VI, Heft 1—2, S. 119.

Что касается особых развитий $*k > \grave{c}$, $*g > \grave{j}$, $*\eta > \grave{n}$ под влиянием следующего $*i$, то о них см. § 2 и 20.

§ 25.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХ

По характеру			По органу					
			Гортанные	Заднеязычные: Велярные	Заднеязычные: Заднеязычные	Средне-язычные	Передне-язычные	Губные
Шумные	Аффрикаты	Сильные	—	[^{k}х]	[^{к}х]	—	[ч^{с}]	[пф]
		Слабые	—	—	—	—	—	—
	Смычные	Сильные	—	[k^{с}]	[к^{с}]	—	т	п
		Слабые	—	г [г̆ k]	г [г̆ к]	—	д [д̆]	б [б̆ β]
	Проточные	Глухие	h	х		—	ш с	—
		Звонкие	[h]	ɣ		j	ж з	[w]
Плавные	Боковые	Глухие	—	—		—	[л̆]	—
		Звонкие	—	—		—	л l	—
	Дрожащие	Глухие	—	—		—	[р̆]	—
		Звонкие	—	—		—	р	—
	Носовые		—	ŋ		—	н	м

В качестве палатализованных появляются: h̀, х̀, г̀, т̀, д̀, (д̀), с̀, з, ш̀, ж̀, л̀, р̀, н̀, п̀, б̀, м̀. Заднеязычные соответственным образом артикулируются ближе к передней части полости рта.

ГЛАСНЫЕ

ЗАДНИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 26. В аларском говоре имеются следующие задние гласные: а, о, у.

Знаком а обозначается здесь гласный low-back-wide, артикулируемый со значительно более назад отодвинутым языком, чем русский нормальный а. По сравнению с халхаским а — делаю это сравнение потому, что халхаское наречие мне лучше известно, чем другие монгольские наречия — гласный а аларского говора представляет собою гласный еще более задний. Рамстедт, как известно, в своей характеристике этого гласного сравнивает его с итальянским *a* в слове *padre*.[1] Для аларского а это сравнение безусловно не подходит и ближе всего к нему, пожалуй, будет а казанско-татарского наречия, с той только разницей, что казанско-татарский а производит впечатление несколько более лабиализованного гласного.[2] Подобный звук, между прочим, существует и в некоторых других тюркских наречиях, напр., в башкирском.[3] Что же касается сверхдолгого а, т. е. â, то этот звук в аларском говоре почти не отличается от татарского и башкирского а и на слух производит часто впечатление слегка лабиализованного гласного. Как бы то ни было, было бы правильнее аларск. а и â передавать не этими знаками, но какими нибудь другими, однако, поскольку в этом говоре делать разницу между „чистым" а типа русского и другими близкими звуками не приходится, ввиду наличия только этого последнего гласного, я с вышеприведенными оговорками передаю этот гласный знаком а (соответствующий долгий знаком ā и сверхдолгий знаком â).

Знаком о я передаю гласный mid-back-wide. Гласный этот в отличие от халхаского о характеризуется большей вялостью артикуляции. Как и в хоринском говоре, и здесь, при произнесении этого гласного, губы играют очень незначительную роль.[4] Насколько вяло артикулируется этот гласный в аларском, показывает то обстоятельство, что краткий о первого слога, за которым следует слог с долгими гласными (напр., ȳ), производит часто впечатление гласного, близкого к а: на этой почве в моих первых записях, когда я только начинал заниматься аларским говором, я мог наблюдать смешение а и о. Зато долгий о, т. е. ō, представляет собою, по

[1] SU, § 38. Ср. Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика письменного монгольского языка и халха'ско-ургинского говора. С.-Петербург, 1908, § 38.

[2] Ср. Галимджан Шараф. Палятограммы звуков татарского языка сравнительно с русскими. Казань, 1927, стр. 33.

[3] N. K. Dmitriev. Étude sur la phonétique bachkire. JA Avril — Juin 1927, p. 204 e. s.

[4] ХБГ, § 3.

моему мнэнию, в аларском говоре такой же сильно лабиализованный гласный, как и халхаский о. Более того, аларский ō во многих случаях производит акустически впечатление более закрытого гласного, чем халхаский ō, занимает место приблизительно между халхаским ō и ȳ (такой „средний" между ō и ȳ звук в халхаском мне приходилось наблюдать в произношении форм письменного языка, напр., халх. ар'ɣӯхӑ̨ — почти как ар'ɣōхӑ̨ 'чистый, святой'), другими словами, это звук, приближающийся к тому, который принято в работах по монголоведению передавать знаком ō̆. Ввиду того, что это качество долгому ō отнюдь не всегда присуще, я обозначаю долгий о знаком ō. С другой стороны, однако, ввиду того, что о и ō отличаются друг от друга в аларском говоре не только количественно, но и качественно, было бы, пожалуй, правильнее вместо о писать ɔ, с каковым знаком в то же самое время могло бы ассоциироваться представление о вялой артикуляции этого гласного. Ввиду того, однако, что различать о типа русского о и вышеохарактеризованный звук в аларском говоре не приходится, я всегда пишу о и ō, с оговоркой, что ō звук действительно лабиализованный и более или менее соответствующий долгим ō других монгольских наречий, а о — гласный с вялой артикуляцией и почти не лабиализованный.

Знаком у передается здесь гласный, лишь относительно близкий к русскому у, но ненапряженный, знаком ȳ тот же самый, но долгий и напряженный. Гласный у аларского говора, как всюду в бурятском,[1] а также и в халхаском наречии,[2] представляет собою звук, значительно более задний, чем русский у, и точнее может быть охарактеризован, как полуузкий. Руднев сравнивает у хоринского говора со шведским о.[3] Звук у монгольских наречий нередко путают с о, но все же у настолько отличается от монгольского о, что это смешение безусловно не допустимо. Правильнее всего было бы передавать аларский у знаком ů, но для простоты я пишу всюду у, тем более, что другого звука, близкого к нему, который следовало бы от этого у отличать, здесь нет.

Как правило, старые **a*, **o* и **u* отражаются в аларском говоре как а, о, у.

Примеры: халзӑ̨ 'плешина у коня' = мо. *χaljan* | арɣāдӑ̄hӑ̨ 'аргал, кизяк' = мо. *arγal*, лэрб. Астр. арᵹ̣ᵊсо̨̤ | холӧ̆ 'далеко' = мо. *χola* | олтрӧ̆k 'остров' = мо. *olturiγ* < тюркск. | hоɣо̤̄ӈ 'самка оленя' = мо. *soγu* | урӑ̆k 'родня' = мо. *uruγ* | уɣжӑ̆ 'соска' = мо. *ubuǰi* ~ *uγuǰi*.

Соответствия эти, однако, наблюдаются лишь как общее правило. В частности, имеются и другие. Так напр., довольно обычным является

[1] ХБГ, § 9.
[2] SU, § 38.
[3] ХБГ, l. c.

развитие *u > о, ср. номŏ 'лук' = мо. *numun*, халх. нум | hомŏ 'стрела' = мо. *sumun*, халх. сум | одŏґŏӊ 'шаманка' = мо. *udaγan*, халх. уд̣д̣ăґặ. С другой стороны, соответствие аларск. у = мо. *о* и халх. о наблюдается в ґулăмтă 'очаг' = мо. *γolumta* и халх. ґ̣оллŏм'т'ŏ.

Соответствие аларск. а письменному *u* и халх. у наблюдается в бал̄ā- 'отнимать' = мо. *buliya-*, халх. б̣улā-. Обратное явление у = мо. *а* наблюдается в булґāhăӊ 'балаган' = мо. *balγasun* 'город', в старом языке 'дворец', а также в дурhăӊ 'тарасун, молочное вино' = мо. *darasun*. По поводу этих последних форм можно заметить, что здесь мы имеем дело не с развитием *a > у, но с одним из очень старых чередований: ср. форму *bolγan* 'город', засвидетельствованную еще в языке квадратной письменности = мо. *balγasun*, халх. б̣алґăс 'город'.[1]

§ 27. В слогах неударенных, т. е. в не-первых, задние гласные утратили свою специфическую артикуляцию и, как в халхаском[2] и других монгольских наречиях, заместителями старого гласного в этом положении являются в аларском гласные неполного образования.

В более упрощенной транскрипции можно было бы условиться обозначать эти редуцированные гласные знаками ъ (задние) и ь (передние), но в более точную транскрипцию необходимо ввести большее количество знаков, которыми можно было бы передавать гласные неполного образования всех качеств.

Что касается задних гласных неполного образования, то ясно различаются ă и ŏ, т. е. один гласный качества а, а другой качества о. Последний, т. е. ŏ, производит акустически впечатление гласного среднего между а и о и, может быть, правильнее было бы передавать его знаком ѿ, но для простоты я передаю его знаком ŏ, который в таком случае остался бы неиспользованным. Кроме того, я стою на той точке зрения, что лучше всего передавать гласные неполного образования тем же знаком, что и гласный первого слога, как это принято в русских работах по монголоведению, с той лишь разницей, что я избегаю знака ў. Дело в том, что гласный неполного образования, следующий за у ударенного слога, по качеству своему, скорее напоминает а неполного образования, чем у. В слогах, следующих за ō̄, гласный неполного образования тоже часто качества а, т. е. ă, но иногда и ŏ.

Таким образом, я пишу:

после а — ă
„ у — ă
„ о — ŏ

[1] Сравнительная грамматика, стр. 146 и сл.
[2] SU, § 39.

Примеры: ахă 'старший брат' = мо. *aχa* | захă 'воротник' = мо. *ǰaχa* | уhăң 'вода' = мо. *usun* | хулăhăң 'тростник' = мо. *χulusun* | холŏ 'далеко' = мо. *χola* | борŏ 'серый' = мо. *boro*.

Этой системы обозначения редуцированных гласных я придерживаюсь довольно последовательно и исключение делаю только для гласных в суффиксах, когда они восходят к **i*, следом которого является палатализация конечного согласного основы: тут вместо ă и ŏ я нередко пишу ĕ, напр., ґаṙĕ 'руки' (genitivus), ґоḷĕ 'долины' (genitivus) и т. д., так как редуцированный гласный в этих положениях имеет качество е (лучше было бы, быть может, писать в таких случаях ə). Необходимо отметить, что в ряде монгольских наречий до сего времени прекрасно сохранился вокализм непервого слога, ср. напр., ордосское наречие, где гласные непервых слогов целиком сохранили свою первоначальную артикуляцию.[1] Интересно упомянуть явление перестановки гласных двух смежных слогов из числа непервых, наблюдаемое в бур. Ольх., с сохранением первоначального качества этих гласных, напр., са̄рўhăң 'бумага' = мо. *čaγasun* | адўhăң 'скот' = **adasun*, ср. мо. *adaγusun* | заҕўhăң 'рыба' = мо. *ǰiγasun* и т. д. Аналогичное явление мною наблюдалось в баргу-бурятском наречии (Хайларский округ).

§ 28. В тех случаях, когда за а, о и у следовал **i*, гласные эти передвинулись несколько вперед, и получился ряд более или менее палатализованных гласных. При этом можно заметить, что на слух легко различимы лишь а в положении перед **i* и а в других положениях. Также различаются и о обоих качеств и почти не различимы лишь у в обоих положениях. Поэтому я в своей транскрипции различаю лишь а и о обоих качеств. Соответствующими знаками являются — ȧ и ȯ.

Примеры: бȧṙа̄т 'схватив' = мо. *bariγad* | зȧбăḷă- 'сидеть с поджатыми ногами' = мо. *ǰabila-* | хȧṙă- 'возвращаться' = мо. *χari-* | мȯṙŏң 'конь' = мо. *morin* | бȯḷŏ- 'перестать' = мо. *boli-*.

В заключение прибавлю, что ȯ от о отличается значительно более энергичной артикуляцией, почему я не счел возможным оставить этот звук без особого обозначения. Таким образом, задние гласные аларского говора можно подразделить на два ряда — более задний а, о, у и более передний — ȧ, ȯ. Что касается других монгольских наречий, то аналогичное развитие получили в положении перед **i* задние гласные в халхаском,[2] в говорах восточной Монголии,[3] в ордосском,[4] в ойратских говорах (ср. мӧṙн̥ 'конь') и т. д.

[1] Mostaert, op. cit, § 28.
[2] SU, § 39.
[3] Мат., стр. 188, 191.
[4] Mostaert, § 45.

ПЕРЕДНИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 29. Качественно различных передних гласных в аларском говоре можно насчитать тринадцать: ā, e, ē, ē, ė, ë, ı, i, ō̄, ū̄, ë, ẏ, ÿ.

Начнем с ā. Этим знаком передается широкий (открытый) гласный — low-front-narrow, несколько более задний, чем соответствующий звук халхаского наречия (а тем более финского языка), а также ā говора астраханских дэрбетов. По сравнению с ā говора астраханских дэрбетов гласный ā аларского говора оказывается значительно менее открытым гласным. Правильнее всего было бы его передавать знаком ē<, но по соображениям технического характера я пишу всегда ā. Гласный этот встречается только в качестве долгого и восходит к дифтонгу *ai, соответствуя письменно-монгольским *ayi, ai* (см. § 43), напр., āл 'сосед' = мо. *ayil*. Акустически близким к ā гласным является ē, который в качестве краткого не встречается. Этот ē — звук менее открытый, чем ā и в то же время значительно более передний и занимает промежуточное между ā и ē место. Так как я его наблюдал только в суффиксе -tē при основах с а или у (напр., ахătē 'со старшим братом', yhătē 'с водой' и т. д.), то в транскрипции можно было бы не различать ē и ē и писать всегда одинаково ē.

Тоже только в качестве долгого встречается ō̄. Он точно так же дифтонгического происхождения, напр., ō̄ 'лес' = мо. *oi*.

Гласный ō̄ есть mid-front-narrow и акустически производит впечатление очень узкого долгого ō̄ приблизительно как французский *eu* в *deux*.

Дифтонгического же происхождения и ÿ̄, т. е. долгий ÿ. О последнем см. дальше (§ 43). Любопытно отметить, что старые задние гласные в роли первого компонента прежних дифтонгов в аларском говоре передвинулись значительно дальше в передний ряд, чем старые передние гласные, особенно, если взять такие пары, как ō̄ и ū̄ или ÿ̄ и ȳ̄.

§ 30. Рассмотрим теперь все гласные типа e. Их всего четыре, а именно e, ē, ė и ë.

Знаком e обозначается $\frac{\text{high}}{\text{mid}}$ -out back-wide. Встречается он только в качестве нормального или редуцированного (в последнем случае ĕ) и никогда не бывает долгим.[1] Этот звук, не что иное, как более задний e. Его часто пытались передавать знаком ы, но в действительности это совсем другой звук. Он является общим для всех бурятских говоров, а также для дагурского наречия, где он часто произносится с легкой лабиализацией (т. е. ê). Из родственных монгольскому языков этот гласный встречается еще в тунгусских говорах.

[1] В качестве долгого гласный e, т. е. ē, наблюдается в бур. НУ, см. Санжеев, op. cit., p. 6.

Как правило, аларский e восходит к *e, в известных случаях к *i, а также к *ü. Ввиду того, что история *e будет ниже подвергнута более детальному рассмотрению, привожу пока только следующие примеры: есхĕ- 'кроить' = мо. *eske-* | ендĕ 'здесь' = мо. *ende* | гер 'юрта' = мо. *ger* | техĕ 'козел' = мо. *teke*.

Гласный e никогда не встречается при палатализованных согласных и при j. Вместо него в таких положениях наблюдается только ė (см. ниже).

Соответствующим e долгим гласным является ē (mid-front-narrow). Как e не бывает долгим, так e никогда не встречается кратким в ударенном слоге, но в неударенных слогах после палатализованных согласных и j мы находим вместо ĕ всегда только ĕ. Долгий ē такого же происхождения, как вообще все долгие гласные аларского говора: в известных случаях он восходит к комбинациям *ege, *eβe и т. д., в других случаях к дифтонгам. Так как эти случаи подлежат рассмотрению дальше, то ограничиваюсь пока приведением лишь одного примера — аларск. дĕрĕ 'наверху' = мо. *degere*.

Знаком ė я обозначаю закрытый (узкий) e, соответствующий халхаскому ė.[1] Этот гласный никогда не встречается в качестве долгого, равно как и редуцированного. Долгим его эквивалентом является ē, а кратким ĕ. Наблюдается этот гласный только в ударенном слоге. Восходит он к *e в положении перед *i, напр., ėжĕн 'хозяин' < *ejin = мо. *ejen*.

Знаком ë передается гласный, находящийся на грани между ė и i, т. е. между закрытым узким ė и i (high-front-narrow), и вернее всего этот звук может быть охарактеризован как high-front-wide. Он встречается только в ударенном слоге и никогда не бывает долгим (долгий эквивалент его ī). Руднев этот звук обозначает знаком i, но это обозначение неприемлемо для нас, так как знаком i, как дальше будет видно, нам придется передавать звук high-front-narrow, который в аларском говоре существует, как долгий и как краткий. Всего нам приходится различать три звука — ë (high-front-wide) и i (high-front-narrow) передний и более задний i (т. е. ı). Эти три звука в применявшихся до сих пор транскрипциях не различались.

Руднев совершенно правильно говорит в отношении нашего ë (в его транскрипции i) следующее: „особенный характер бур. i (понимай ë)[2] вызывает очень разнообразную запись у лиц, незнакомых с языком... Сами буряты часто затрудняются сказать, как нужно писать какое-нибудь слово — с i (т. е. ë)[2] или с e. Русские e, которые в неударенных слогах заменены везде i, конечно и бур. Хор. воспринимают как i... С акустической стороны замена всех i посредством e (кроме случаев ji и Či) не

[1] SU, § 42.

[2] Скобка со всем заключенным в ней — моя.

представила бы собою несоответствия с действительностью".[1] Действительно, решить, писать-ли шенĕ 'новый' или шĕнĕ иногда бывает затруднительно, но я все же нахожу, что различение это отнюдь не представляет собою чего-либо особенно трудного. С другой стороны i (high-front-narrow), однако, так сильно отличается на слух и от e и от нашего ё, что спутать их невозможно. Дальше мы увидим, что i (high-front-narrow) встречается только в словах с вокализмом заднего ряда, а также в односложных словах, во всех же остальных случаях наблюдается только ё. Последний является заместителем *i в словах двух- и многосложных с вокализмом переднего ряда, напр., шĕхĕӈ 'ухо' = мо. *čikin*, а таже гласного *e в положении после j, напр., jĕхĕ 'большой' = мо. *yeke*.

Подробнее об этом придется поговорить в связи с развитием старого *i (см. § 37).

В заключение считаю необходимым в оправдание введения нового знака ё в транскрипцию прибавить, что знак ё и именно этот знак, а не какой-нибудь другой, которым я мог бы воспользоваться для передачи звука ё, я ввел совершенно сознательно, считая, что знак ё, т. е. е с двумя точками, более всего подойдет к нашей транскрипции, в которой находим ряд аналогичных знаков без точки, с одной точкой и двумя, ср. а — ȧ — ä. С этой точки зрения ё вполне входит в нашу систему транскрипции, в которой находим еще знаки e и ė. Мне могут возразить, что я мог бы ввести знак i для этого звука, но, ввиду того, что ё отнюдь не передает собою звука качества i, но очень узкий e, это было бы нецелесообразно. Кроме того, знак i мне нужен для передачи звука high-front-narrow, кроме которого имеется еще ı, т. е. более задний i. Конечно, мне могли бы предложить вместо ё писать i, вместо моего i ввести знак ï и т. д., но это привело бы опять-таки к введению нового знака, на этот раз ï.

§ 31. Знаком i, как уже сказано выше, передается гласный high-front-narrow. Это, если можно так выразиться, „чистый" i без оттенка какого бы то ни было другого гласного. Наряду с ним имеется еще другой гласный i, а именно несколько более задний i, артикулируемый с оттянутым назад языком и широко раздвинутым отверстием рта. Акустически он производит впечатление звука близкого к ы, но все же не такого заднего и русскому ы не тождественного.

Что касается i и ı, то первый наблюдается только в словах односложных, напр., ші (~ шī) 'ты' = мо. *či*, а также в словах с вокализмом заднего ряда при палатализованных согласных, напр., мĭнā 'плеть' = мо. *milaγa*. Звук ı наблюдается в немногих тоже односложных словах, напр., жıл 'год' = мо. *jil*. Подробнее о происхождении этих звуков см. § 37.

[1] ХБГ, § 8.

Долгим эквивалентом этих двух звуков является ī, т. е. high-front-narrow долгий, напр., hīxĕ 'серьга' = мо. *süikü*. Этот долгий ī разного происхождения, и о нем речь будет впереди еще неоднократно.

§ 32. Остается рассмотреть еще звуки ō̆, ë, ẏ, и ÿ.

Знаком ō̆ передается звук, промежуточный между low-front-wide-round и low-mixed-wide-round. Он встречается только в качестве долгого и восходит всегда к сочетаниям **öge*, **öβe* и т. д. или **üge*, **üβe* и т. д., ср. tō̆ 'пядь' = мо. *töge* и т. д. Подробнее о происхождении этого звука см. § 42. Звук этот является долгим эквивалентом ë. Этим звуком мною передается гласный, средний между high-mixed-wide-round и mid-mixed-wide-round, относительно близкий к аналогичному звуку халхаского наречия.[1]

Что касается артикуляции этого звука, то аналогично артикуляции o, она очень вялая. Эта индифферентность органов речи при воспроизведении этого гласного и ненапряженность его несколько отличает этот звук от халхаского ȯ. Тот, кому приходилось слышать речь казанских татар или башкиров, открыл бы некоторое сходство этого ë с казанско-татарским (и башкирским) ë,[2] являющимся несколько более задним, чем халхаский ȯ. Как бы то ни было, аларск. гласный ë можно охарактеризовать как звук, несколько более задний, чем халхаский ȯ и артикулируемый более вяло. Что касается происхождения этого гласного, то он восходит, как правило, к **ö*, ср. хëхĕ 'синий' = мо. *köke* (об этом подробнее в § 35). Звук ë никогда не встречается в качестве долгого.

Знаком ẏ передается гласный high-mixed-narrow-round. Встречается как в качестве краткого, так и долгого. Он вполне соответствует халхаскому ẏ[3] и норвежскому *u* в слове *hus* 'дом'. Восходит этот гласный, как правило, к **ü*, напр., hẏnĕhĕn̨ 'душа' = мо. *sünesün*. Отношение ẏ к ë такое же, как у к o, т. е. ẏ : ë = у : о.

Наконец, знаком ÿ передается звук, тождественный французскому *u* или немецкому *ü*. Этот гласный встречается так же в качестве долгого, т. е. ȳ. Краткий ÿ того же происхождения, что ẏ и наблюдается после j и палатализованных согласных, напр., jÿhĕn̨ 'девять' = мо. *yisün*. Долгий ȳ восходит к дифтонгам **uyi* и **üi*, напр., ȳlăxă ~ ȳ'lăxă 'плакать' = мо. *uyila-* | tȳmĕr ~ tȳ'mĕr 'лесной пожар' = мо. *tüimer* 'пожар'.

§ 33. Рассмотрим теперь передние гласные редуцированные.

Передних редуцированных гласных можно различить всего два. Это— ĕ и ĕ.

Когда гласными первого слога являются гласные оттенка e (т. е. e, ē, ė и т. д.) или ẏ, то в следующих слогах редуцированными гласными являются

[1] SU, § 40.
[2] Шараф, стр. 32; Dmitriev, p. 211.
[3] SU, l. c.

ĕ при j и при палатализованных согласных и ě в остальных случаях. По поводу этого можно заметить, что ŷ первого слога никакого прогрессивного влияния на редуцированный гласный не оказывает, т. е. не влечет за собой появления ў, каковой знак поэтому в нашей транскрипции отсутствует. Что касается качества ě и ĕ, то первый есть редуцированный задний e, а второй редуцированный эквивалент нашего e. Если гласными первого слога являются ë или ō̂, то в следующем за ними слоге часто наблюдается редуцированный гласный типа ë, при шипящих же наблюдается ĕ, а при палатализованных согласных и j — ě. Простоты ради я, однако, пишу в непервых слогах всегда только ě и ĕ и редуцированный гласный качества ë передаю тем же знаком ĕ. Сопоставляя это с аналогичными явлениями в словах с вокализмом заднего ряда, мы легко можем установить, что таким же образом, как за a или y следует ă, за є или ŷ следует ĕ или ě.

Для большей наглядности здесь дается таблица редуцированных гласных с указанием, после какого гласного первого слога они встречаются. В таблицу включены и задние гласные.

Гласные первого слога	Гласные следующих слогов
a (ā), y (ȳ)	ă
e (ē), ė, ë, ŷ (ȳ), ў	ě или ĕ[1]
o (ō)	ŏ
ë, ō̂	ĕ, ě[1]

В таблицу не включены i и ı. Из них i, как сказано выше, из многосложных основ наблюдается лишь в основах с задним вокализмом. За ним в следующих слогах следует ă. Что касается односложных основ, то при наращении к ним суффиксов, за i (ı) первого слога следует ě или ĕ.[1] Знак ĭ в нашей транскрипции отсутствует, так как редуцированного гласного качества i нет.

Так же в таблицу не включены ȳ, ā и ō. Последние два, как сказано выше (см. § 29) восходят к дифтонгам **ai* и **oi*. Гласным следующего за ō слога является ă или ŏ (см. § 27). Что касается ȳ, то в зависимости от того, восходит ли он к **uyi*, или к **üi* (см. § 32), гласным следующего за ним слога является ă или ě.

[1] При j или палатализованных согласных.

Что касается происхождения редуцированных гласных, не только передних, но и задних, то восходят они к гласным любого качества, утратившим свою специфическую артикуляцию.

Примеры: jahăң 'кость' = мо. *yasun* | дāґăң ~ дāґăhăң 'жеребенок по второму году' = мо. *daγan* | хуhăң 'береза' = мо. *χusun* | ӯла 'трут' = мо. *ula* | ӯ̄ˡлăхă 'плакать' = мо. *uyila-* | тӯ̄мĕр ~ тӯ̄ˡмĕр 'лесной пожар' = мо. *tüimer* 'пожар' | ӧ̄мăhăң 'чулок' = мо. *oyimusun* | бєhĕң 'пояс' = мо. *büse* | дēрĕ 'на, выше' = мо. *degere* | ėр̀jĕ 'берег' = мо. *ergi* 'яр' | шёнĕ 'новый' = мо. *sine* | ӯнĕшхēхĕ 'верить' = мо. *ünemsiye-* | зӯ̄хĕ 'привесить, прицепить' = мо. *jegü-* | jӱhĕң 'девять' = мо. *yisün* | сос̀ŏхŏ 'бить' = мо. *čoki-* | дōдŏ 'нижний' = мо. **doγodu* | хӧтĕлхĕ 'привязать коня за телегой и вести за собой' = мо. *kötel-* | хӧг̮шĕң 'жена' = мо. *kögsin* 'старый' | ӧ̄дĕ 'наверху, поверху' = мо. *ögede*.

ОТРАЖЕНИЯ СТАРЫХ ПЕРЕДНИХ ГЛАСНЫХ В АЛАРСКОМ ГОВОРЕ

§ 34. Старый **e* в аларском отражается обычно как є, в положении же перед **i* и часто при палатализованных согласных он дал ė, после **y* нередко и ё.

Примеры: hєбӯ̄р 'опахало' = мо. *sebigür* 'веер' | дєгĕл 'шуба' = мо. *degel* ~ *debel* | тєндĕк 'признак' = мо. *temdeg* | єдгĕхĕ 'выздороветь' = мо. *edege-* | гємтĕ 'вдруг' = мо. *genedte* | дєл̀ӯ̄ң ~ дėл̀ӯ̄ң 'селезенка' = мо. *deligün* | ėр̀jĕ 'берег' = мо. *ergi* 'яр' | тėн̀jĕр 'небо' < *тėңгĭр = мо. *tngri* ~ *tengri* < **tenggeri* | ėл̀бĕк 'изобилие' = мо. *elbeg* | ėхĕ ~ jёхĕ 'большой' = мо. *yeke* и т. д.

Под влиянием губных согласных **e* дал ӯ в ӯндĕхĕ 'ломать' < **emde-* < **ebde-* = мо. *ebde-*, чаще же ӧ, напр., ӧбĕр ~ єбĕр 'рог' = мо. *eber* | тӧмĕр 'железо' = мо. *temür* и т. д. Развитие **e* > ӯ наблюдается еще в гӯдĕhĕң 'кишки' = мо. *gedesün*. Под влиянием следующего ӯ гласный *e* первого слога дал ӯ, ср. ӯб̮сӯ̄ң 'грудь' = мо. *ebčigün*. Ср. также **ö* > ӯ в этих же условиях — хӯбӯ̄ң 'сын' = мо. *köbegün*.

§ 35. Старые **ö* и **ü* отражаются в ойратском письменном языке как *ö* и *ü*, в живых ойратских говорах как ö и ӱ, в халхаском как ȯ и ӯ,[1] в ордосском как ö и ӯ,[2] в монгольском (довольно непоследовательно) как ö и ӯ.[3] В аларском говоре **ö* отражается последовательно как ӧ, а **ü* как ӯ.

По поводу ӧ и ӯ следует заметить, что никакие другие звуки не доставляли еще таких трудностей, в смысле их различения, исследователям бурятских говоров, как именно ӧ и ӯ. По словам Руднева, письменным

[1] Сравнительная грамматика, стр. 162 и сл.
[2] Ср. Mostaert, § 19 и 24.
[3] Mogholica, S. 51.

ö и *ü* в хоринском соответствуют ȯ (= нашему ё) и ẏ, но довольно непоследовательно.[1] Не будучи практически знаком с хоринским говором, я воздерживаюсь от каких-бы то ни было суждений, но думаю, что ё и ẏ записывателями не всегда достаточно различались. Дело в том, что оба эти звука часто путают и вместо ё обычно пишут ẏ, хотя это совсем другой звук. На этой почве могло случиться, что на основании несовсем точных записей, в которых ё и ẏ не различаются, было сделано заключение, что **ö* в бурятских говорах вообще совпал с **ü:* скорее всего совпали эти звуки не в действительном их произношении, но в записях текстов.

Кастрен, повидимому, довольно хорошо различал ё и ẏ (в его транскрипции вместо ё знак *ö*, что повидимому совершенно верно, так как и согласно Санжееву в бур. НУ в таких случаях имеем ö, т. е. такой же гласный, как ойратск. *ö*, немецк. *ö* или французск. *eu*), ср. такие формы, как *ökeŋ* 'дочь', *ögönäm* 'давать', *öhögê* 'пятка', *ölöŋ* 'голод', *önder* 'высокий' с одной стороны и *ükel* 'смерть', *üje* 'сустав', *üŀeger* 'сказка' и т. д.[2] Судя по ним, можно себе составить представление, что в нижнеудинском и ряде других говоров старые **ö* и **ü* отнюдь не совпали, но различаются довольно последовательно. Различает эти звуки ё и ẏ также и Bálint.[3] О наличии двух гласных — одного ё и другого ẏ в бурятских говорах говорит и Орлов (он обозначает их знаками ö и ÿ), но рекомендует писать всегда только ẏ (в его транскрипции ÿ), так как ö в наречии забайкальских бурят будто бы редко встречается. Главным же аргументом Орлова является, повидимому, то, что в письменном языке *ö* и *ü* графически не различаются;[4] ясно, однако, что графическое неразличение этих звуков в письменном языке для исследователей живых наречий не может служить критерием. Наконец, Подгорбунский тоже говорит о существовании в бурятских говорах одного гласного, близкого к немецкому *ü* (т. е. ẏ) и другого, близкого к немецкому *ö* (т. е. ё),[5] но в словаре он не всегда их различает и смешивает их.[6] Совершенно не различает гласных ẏ и ё Жамцарано, пишущий в первом слоге только ẏ и пользующийся знаком ȯ только для передачи соответствующего ẏ редуцированного гласного, напр., зẏгтȯлȯ, тẏрẏбȯда и т. д.[7] Не различает ẏ и ё и Барадин, в алфавите которого знак для ё даже вовсе отсутствует.[8]

[1] ХБГ, § 63.

[2] См. в разных местах его словаря.

[3] Op. cit., отдел Szójegyzék, стр. 233 и след.

[4] Op. cit., § 4.

[5] Несколько заметок по фонетике бурятского языка в связи с вопросом о транскипции бурятских текстов, стр. 15.

[6] И. А. Подгорбунский. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909, passim.

[7] Образцы народной словесности монгольских племен. Том I, passim.

[8] Op cit., p 4.

Из вышесказанного видно, что большинство исследователей признавали факт наличия в бурятских говорах двух гласных ӧ и ẏ, но никто из них последовательно их не различал и все, за исключением одного Кастрена, писали часто невпопад то ẏ, то ӧ. На самом же деле ӧ и ẏ в большинстве бурятских говоров различаются довольно последовательно, отражая старые *ö и *ü почти так же идеально, как ойратские говоры или халхаское наречие, где никаких колебаний между ẏ (ÿ) и ö (ȯ) нет.

Примеры аларск. ӧ < *ö: ӧр̀ӗм 'буравчик' = мо. *örüm* | дӧлӗӊ 'жар от огня' = мо. *dölü* 'пламя' | хӧдӗмӗр 'работа' = мо. *kȯdelbüri* | хӧрӗӊгӗ 'закваска для тарасуна' = мо. *körüngge* | ӧлдѡ̄п 'я проголодался' = мо. *ölüs-* | хӧг̣шӗӊ 'жена, старуха' = мо. *kögsin* | ӧтлӗhӗӊ хӧг̣шӗӊ 'бабка по отцу' = мо. *ötel-* 'состариться' | hӧгӗлсӗхӗ 'драться' = мо.? | тӧбӗг̣тē 'беспокойный' = мо. *töbeg* 'беспокойство' | хӧс̀ӗхӗ 'радоваться' = мо. *köki-* 'воспрянуть духом' | мӧргӗхӗ 'бодать' = мо. *mörgü-* | дӧнӗӊ ẏхӗр 'четырехлетний бык' = мо. *dönen* | хӧтӗлхӗ 'вести коня привязанным к телеге' = мо. *kötel-* 'вести' | хӧтӗрӗлдӗхӗ 'образовать круг во время вечерки, ходить, держась руками друг за друга' = мо. *köteleldü-* 'вести друг друга'? | дӧшӗ 'сын праправнука' = мо. *döči* | нӧхӗр 'друг' = мо. *nökür* | ӧд̣- 'плодиться' = мо. *ös-* | ӧhѡ̄тē 'враждебный' = мо. *osiyetei* | ӧндӗр 'высокий' = мо. *öndür* | зӧб̣ 'верно' = мо. *ǰöb* | мӧӊхӗ 'вечный' = мо. *möngke* | зӧӊглӗхӗ 'гадать по приметам' = мо. *ǰöngne-* | хӧхӗ 'синий' = мо. *köke* | мӧндӗр 'град' = мо. *möndür* | мӧрӗ 'ключица' = мо. *morü* | мӧlжӗхӗ 'грызть кости' = мо. *mölǰi-* 'высасывать' | ӧгѡ̄п 'я дал' = мо. *ög-* | ӧтл̀ӗ 'даром' = мо. *ötele* 'простой, неоплатный должник' | хӧдӗлӗкʻкʻӗ 'двигать' = мо. *ködelge-* | мӧӊгӗӊ 'деньги' = мо. *mönggün* | ӧр̀ӗ 'долг' = мо. *öri* | хӧлӗhӗӊ 'пот, жалование, заработная плата' = мо. *kölüsün* | бӧхӗ 'крепкий' = мо. *böke* | дӧрӗкʻкʻӗ 'жечь' = мо.? | хӧшӗгӗ 'занавеска' = мо. *kösige* | ӧрлӗхӗ 'рвать рукой аорту закалываемого животного' = мо. *örle-* | хӧлӗхӗ 'запрягать' = мо. *köl-* | хӧглӗхӗ 'собираться кучей' = ? мо. *kögǰi-* 'распространяться, умножаться' | бӧглӗхӗ 'заткнуть пробкой' = мо. *bögle-* | hӧр 'зимник' = мо. *sörü* 'навес для скота' | ӧhӗлдӗхӗ 'издеваться' = мо.? | хӧбѡ̄ 'кайма' = мо. *köbege* | хӧдӗhӗӊ 'кисет' = мо.? | гӧрѡ̄hӗӊ 'дикая козуля' = мо. *görügesün* | бӧгжӗ 'кольцо, ввинчиваемое в стену' = халх. б̣ȯгцї | мӧхӗрѡ̄ӊ ~ мӧхӗр̀ӯӊ 'круглый' = мо. *mökürig* 'шарик' | ӧнсӗк 'спинка ножа' = мо. *önčüg* | ӧртӗhӗӊ 'тонкие прутья' = мо. *ȯrtesü* 'обрезки' | ӧӊгӗрхӗ 'пройти' (о времени) = мо. *önggere-* | ӧнӗшӗӊ 'сирота' = мо. *önüčin* | hӧн̀ӗ 'ночь' = мо. *söni* | хӧлдѡ̄хӗ 'отморозить' = мо. *köldege-* | хӧдѡ̄ ґархӑ 'сойти с дороги, дать место' = мо. *ködege* 'степь' | бӧдӗнӗ 'перепелка' = мо. *bödüne* | ӧдӗӊ 'перо' = мо. *ödün* | мӧлс̀ӗхӗ 'ползать' = мо. *mölkü-* | ӧрѡ̄лӗ 'путы на одну переднюю и одну заднюю ногу' = мо. *örügel'* 'половина' | сӧмӗхӗ 'раскусить орех' = мо. *c̀ömü-* 'срывать плоды с дерева' | ӧлӗг̣шӗӊ 'сука' = мо. *ölügčin* | мӧр 'след' = мо. *mör* | хӧхӗӊ 'женские груди' =

мо. *kökün* | дёрӧ̄ 'стремена' = мо. *dörüge* | ёглӧ̄ 'утро' = мо. *öglüge* | мёгӧ̄рһёң 'хрящ' = мо. *mögeresün* и т. д.

Всем вышеприведенным формам с ё в письменном языке соответствует *ö*, в халхаском ȯ и т. д. Но наряду с этими случаями наблюдаются такие, когда письменному *е* тоже соответствует ё. Как явствует из сравнения таких форм с тюркскими, письменный *е* отнюдь не восходит в таких случаях к **e*, но к какому то гласному типа *ö*. Ср. следующие монголо-тюркские соответствия: мо. *elgü-* 'вешать' = осм., джаг. *ölgü* 'весы', *ölče-* 'вешать' (ср. чув.[1] viç-) | мо. *emüne* 'впереди' = тел., леб. öң 'передняя, лицевая сторона' (чув. ум 'впереди находящееся') | мо. *edür* 'день' = орх., уйг. *öd*, тел. öi время.

Ввиду того, что вокализм тюркских языков очень устойчив, мысль, что тюркск. *ö* в данном случае развился из *е*, приходится оставить. В живых монгольских наречиях в таких случаях всегда наблюдается губной гласный, напр. халх., ȯ, дэрб. Астр. ö и т. д. В аларском, как сказано, в таких случаях наблюдается ё, напр., ёмёдёң ~ мёдёң 'штаны' = мо. *ömüdü* 'штаны', *emüs-* 'одевать' | ёбёһёң 'сено' = мо. *ebesün* | ёргёдёк 'беременная' = мо. *ergü-* 'поднимать' ('носить': 'беременная' = *tragen : trächtig*) | ёбёшёң 'болезнь' = мо. *ebedčin* | ёбёр 'пазуха' = мо. *ebür* | ёбёл 'зима' = мо. *ebül* | ёрхё 'дымовое отверстие' = мо. *erüke* | ёдёр 'день' = мо. *edür* | ёсхёдёр 'вчера' = мо. *öčigen* 'вчера' ~ *ečüs* 'конец' | ёлгёхё 'вешать' = мо. *elgü-* | ёмёнё 'впереди' ~ емёшёң 'восточный ветер' = мо. *emüne*.

Итак, письменно-монгольский *е* в таких случаях восходит к гласному типа *ö*.[2] Однако, этот *е* очень старый и кроме письменного языка он в этих же случаях наблюдается в дагурском наречии.[3]

Как сказано уже выше, **ü* дал в аларском закономерно ẏ.

Примеры: hẏзёк 'религия' = мо. *süjüg* 'благоговение' | ẏнёр 'запах' = мо. *ünür* | hẏрёг адаһаң 'стадо' = мо. *sürüg* 'стадо' | ẏбё[1] 'нет' = мо. *ügei* | нẏхёң 'дыра, нора' = мо. *nüken* | ẏнёшхёхё 'верить' = мо. *ünemsiye-* | тẏргёң 'быстрый' = мо. *türgen* | хẏрёң 'бурый' = мо. *küren* | ẏхёр 'кладеный бык' = мо. *üker* | ẏдёшё 'вечер' = мо. *üdesi* | бẏхẏлё 'цельный' = мо. *büküli* | ẏлёмжё 'излишек' = мо. *ülemji* 'весьма' | хẏндё 'дорогой' = мо. *kündü* 'тяжелый, важный, уважаемый' | ẏлёхё 'раздувать огонь' = мо. *üliye-* | ẏзёхё 'посмотреть' = мо. *üje-* | ẏһёң 'молоко' = мо. *üsün* | ẏһёң 'волос' (редкое слово) = мо. *üsün* | тẏрхёхё 'мазать' = мо. *türki-* | дẏлёрхё 'оглохнуть' = мо. *düleyire-* | гẏнзёгё[1] 'глубокий' = мо. *güng* | ẏлдёхё 'гнать' = мо. *ülde-* | ẏjёң 'горностай' = мо. *üyeng* | хẏрёлёхё 'огораживать' = мо. *küriyele-* | хẏрё 'достиг' = мо. *kür-* | тẏлёң 'дрова' = мо. *tüliyen* | hẏнёһёң 'душа' = мо. *sünesün* | хẏлёхё

[1] Чувашский язык.

[2] Сравнительная грамматика, стр. 151 и сл.

[3] Н. Н. Поппе. Дагурское наречие. Ленинград, 1930, стр. 108.

'ждать' = мо. *küliye-* | хўргёң 'жених, зять' = мо. *kürgen* | гўрёхё 'заплетать косы' = мо. *güre-* | ўнёһёң 'пепел' = мо. *ünesün* | зўҕ 'сторона' = мо. *jüg* | ўндёһёң 'корень' = мо. *ündüsün* | ўнтёлёк конопля' = мо.? | бўргёт 'орел' = мо. *bürgüd* | ўһē 'потолок' = тюркск. *üst* 'верх' | ўнёгёң 'лисица' = мо. *ünegen* и т. д.

Кроме этого развития **ü* > ў в аларском наблюдается еще развитие **ü* > є, напр., нелёһёң 'желчь' = мо. *süsün* | бєһёң 'пояс' = мо. *büse* | мєшёгёт гежё 'усмехаясь' = мо. *müsiye-* 'улыбаться' | нєбё 'ушко иглы' = мо. *sübe*.

Подобное развитие **ü*, а также **u* под влиянием губных согласных в *i* известно во многих монгольских говорах.[1] Здесь же, в аларском, поскольку **i* во многих случаях дал є, ср. бєшёхё 'писать' = мо. *bičі-*, **ü* через **i* дал є. Засвидетельствован также случай развития **u* > є: бєшё 'другой' = мо. *busu*, старо-монг. *busi*.

§ 3б. До сих пор шла речь только о вполне закономерных отражениях **ö* и **ü*, а также о частном случае є < **ü*. Помимо этих случаев, которые составляют большинство, наблюдается ряд незакономерных случаев, именно случаев перезвучия ё < **ü* и, наоборот, ў < **ö*.

Обращаясь к случаям аларск. ё < **ü*, укажем следующие примеры: һёмё 'дворец, большое здание' = мо. и ойр.[2] *sümе*, халх. сўмё 'храм' | һёхё 'топор' = мо. и ойр. *sükе*, халх. сўххё, дэрб. Астр. сўкў. Примерами обратного развития являются: гўлёгёң 'щенок' = мо. *gölige*, ср. осм. *köšek* 'молодое животное' | ўндёгёң 'яйцо' = мо. *öndegen*, ойр. *öndögön*, халх. өндўҕ, дэрб. Астр. өндᵒгң.

Наряду с этими случаями наблюдается и чередование ё ~ ў основы, напр., ўңхē 'вонючий' ~ ёмсё 'гнилой' = мо. *ümekei*, ойр. *ümkei* 'тухлый, гнилой'.

Объясняются эти незакономерности в аларском говоре тем, что частично процесс перегласовки в монгольских наречиях начался уже давно. Так например, в языке квадратных надписей уже наблюдаются формы с *ü* часто там, где мы ожидали бы *ö*, напр., *kʿölgeni*, *dörben*, но *mürgümė*, *ündur* и т. д., и это же самое появление ў не на месте наблюдается и в монгольском наречии, в котором **ö* и **ü* вообще различаются, ср. там к-öl 'нога', но кўкà 'синий'.[3] Таким образом можно полагать, что некоторые из подобных форм с ў < **ö* попали уже в этом самом виде и в аларский говор и там утвердились. С другой стороны, любопытно отметить, что ö или ȯ на месте **ü* в известных нам наречиях не наблюдается и что перезвучие коснулось только **ö*, давшего закономерно ȯ, ö и т. д. и незакономерно ў, в то время, как **ü* всюду отражается как ў или ў, но не

1 Pañcatantra, стр. 57, прим. 3.

2 Ойратский письменный язык.

3 Ср. Sprachmaterial, S. 1013.

как ȯ или ö. В аларском же говоре это наблюдается. Вообще, можно полагать, что *ö и *ü, вероятно, в некоторых монгольских наречиях когда-нибудь совершенно совпадут. Такое совпадение уже произошло, напр., в дагурском и может распространиться и на другие наречия.

В заключение об *ü можно указать, что в аларском он кроме того, дал ȳ в слове ȳр 'заря' = мо. *ür*, вследствие чего это слово перешло в ряд слов с задним вокализмом.

К ИСТОРИИ *i

§ 37. Старый *i отражается в аларском там, где не произошло „перелома" (см. § 38—39), в словах с вокализмом заднего ряда как ı, а после палатализованных согласных как i. В словах же переднего ряда *i дал при аналогичных условиях ё. На основании этого двоякого развития старого *i можно несомненно полагать, что в старом монгольском языке существовали два звука типа *i* — один *i, другой *ĭ. На это указывает не только аларский говор,[1] идеально отражающий эти два *i*, но прежде всего сам письменно-монгольский язык. Что в нем еще в эпоху XIII—XIV вв. существовали два *i* — более передний и более задний, можно установить на основании того, что в словах с вокализмом заднего ряда в положении перед *i* писалось *χ* и *γ*, напр., *χiduǰu* 'изничтожая', *taχibai* 'оказал почтение', *χičiyangγui* 'прилежание', *χilinča* 'грех' < уйг. *qīlĭnč* 'деяние, дурное деяние' и т. д.[2]

Далее, на это указывает чередование *i* ~ *u* в письменном языке, ср. *-yi* суфф. accusativi ~ *-yuγan* (< *-*y-ĭ-βan*) тоже с безличным притяжанием.[3] Наконец, это подтверждается также данными монгольских говоров XIII—XIV вв., в которых наблюдаются формы с *qi*, напр., *qimusun* 'ноготь' и т. д.:[4] велярный *q* указывает на то, что *i* здесь был тоже более задний.

Если сопоставить относящиеся сюда письменно-монгольские формы с тюркскими, то увидим, что в тюркских наречиях им соответствуют формы с ы, напр., мо. *inaγ* 'друг' = осм. *inan-* 'доверять' | мо. *biraγu* 'теленок' = каз. бызау | мо. *ki-* 'делать' = орх., уйг. и т. д. *qī-l-*, алт. кы-л- | мо. *kilγasun* 'волос' = каз. кыл 'конский волос' | мо. *siγaduγ* 'клин' = леб. сыҷыс

[1] Может быть, и другие бурятские говоры их отражают также последовательно, но из неточных записей, какими мы располагаем, этого не видно.

[2] N. Poppe. Beiträge zur Kenntnis der altmongolischen Schriftsprache. Asia Major, Vol. I, S. 669—670; ср. Б. Я. Владимирцов. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева, ИРАН 1918, стр. 1550; Сравнительная грамматика, стр. 176.

[3] Ср. Geserica, S. 16. Ср. G. J. Ramstedt. Über mongolische Pronomina. JSFOu XXIII, 3, S. 6; Мат., стр. 191.

[4] Sprachmaterial, S. 1031.

(ср. чув. савăл) | мо. *ċinar* 'свойство' = алт. тын 'душа' и т. д. Ср. еще мо. *uyila-* 'плакать' = ком.[1] *ïγla-*, туб.[2] ыҕла- id. | *ugiya-* < **iγï-γa-* 'мыть' = каз. јыў- ~ јӯ- (ср. чув. ċу- ~ ċăвас 'мыться') и т. д.[3]

Итак, **ï* отражается в аларском как ı, после палатализованных согласных как і, напр., жıл 'год' = мо. *ǰil* (< **ǰïl*, ср. тюркск. јыл) | м̇інā 'плеть' = мо. *milaγa* | м̇іңґаң 'тысяча' = мо. *mingγan* (< **bïŋγan*, ср. орх. *bïŋ*, кирг.[4] мың) | інзăґăң 'козленок' = мо. *inǰaγa* 'детеныш сайги' | ċілґāhăң 'обрезки конской гривы' = мо. *kilγasun* (< **qïlγasun*, ср. тюркск. kыл 'конский волос') | јілāhăң 'муха' = мо. *ilaγa*, халх. јілā 'овод, мушка' | јібӯң ~ јімбӯ 'нашивка из мелких морских раковин' = мо. *ibaγu* (ср. мандж. *ubiyoo*) | ілґăхă 'различать' = мо. *ilγa-* (ср. алт. ылҕа- 'выбирать').

В словах с вокализмом переднего ряда *i*, т. е. **i*, отражается как ė, а также как є, напр., ёр̇јĕ 'кладеный баран' = мо. *irge* | ёшĕрбē[1] 'бесстыдный' = мо. *ičeri ügei* | ёт̀хĕхĕ 'верить' = мо. *itege-* | єлӯ 'лишний' = мо. *ilegüü* | шёлĕгĕр 'ясный (день), вёдро' = мо. *čilger* | шёнēң 'величиною с' = мо *ċinegen* | шёңкʻкʻĕң 'жидкий' = мо. *singgeken* 'жиденький'.

В начале слова **i* дал часто јё, напр., јёрē 'пришел' = мо. *ire-*. После б, г, м, н, х и изредка в начале слова старый **i* дал, как правило є, напр., єм 'метка на ухе животного, знак собственности' = мо. *im* | бєшĕхĕ 'писать' = мо. *biči-* | гєшхĕхĕ 'ступать' = мо. *giški-* | мєн̇īгē 'меня' (genitivus с притяжанием) = мо. *minu yuγan* | хєжĕ 'наливая, кладя' = мо. *kijü*.

Через **i* развился в є старый **u* в бєшĕ 'другой' = мо. *busu* (ср. халх. б̬ішшї).

§ 38. Все вышесказанное относительно развитий **i* и **ï* справедливо, исключая случаи, когда наступил перелом. Переломом называется ассимиляция *i* первого слога гласному последующего. Когда гласным первого слога был **i* (**ï*), а гласным следующего слога другой, то последний проник в первый слог или антиципировался, т. е. надставная труба приняла положение, необходимое для произнесения его до образования находящегося между ними согласного.[5]

Таким образом, письменно-монгольскому *i* первого слога в современных живых наречиях соответствуют часто совершенно иные гласные в результате этого перелома. Поэтому письменно-монгольскому *i* первого слога в монгольских живых наречиях могут соответствовать а, е, о, у, ẏ и т. д. в зависимости от того, какой гласный был в следующем слоге. Но первоначальный **i* не исчез совсем без следа: он оставил после себя

[1] Команский диалект.

[2] Диалект Туба.

[3] Ср. Н. Н. Поппе. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам, ИРАН 1925, стр. 413.

[4] Киргизский.

[5] SU, § 55.

палатализацию предшествующего согласного или сохранился в виде скользящего гласного, напр., халх. м'áңґă 'тысяча'. В начале слова *i в таких случаях обычно дает j + гласный, напр., халх. jамā 'коза' = мо. *imaγan*. Перед *i* или *e* следующего слога перелом не наступает. Этот *i, давший в результате перелома другой гласный, повлиял на сохранение шипящего характера старых *ċ или *ǰ (ср. мо. *ċisun* = аларск. шуhăң, мо. *ǰiran* = халх. царą̆ 'шестьдесят' и т. д.).

В связи с явлением „перелома" возникает вопрос, является ли письменно-монгольский *i* всегда первоначальным, т. е. отражает ли он всегда древний *i, не является ли он иногда вторичным, возникшим под влиянием предшествующего шипящего или палатализованного согласного и не писался ли *i* в некоторых случаях просто для обозначения палатализации предшествующего согласного подобно тому, как ныне часто пишется *i* после *ċ* для того, чтобы вызвать в читателе представление ч, ибо графемы *či*, по правилам чтения монгольской письменности, ассоциируются с произношением чʿ + гласный.[1]

Как показывает сопоставление монгольских форм с *i* с тюркскими и другими, письменно-монгольский *i* оказывается различного происхождения. В одних случаях *i*, действительно, восходит к *i, и палатализация предшествующего согласного в живых наречиях оказывается вторичной, вызванной соседством первоначального *i, ассимилировавшегося с гласным следующего слога, напр., халх. м'áңґă 'тысяча' < *miŋγan = орх. *bïŋ* id. В других случаях письменно-монгольский *i* является орфографической особенностью и, действительно, служит только для обозначения палатализации предшествующего согласного.

Вопрос о первоначально палатализованных согласных в монгольском языке принадлежит к наиболее сложным, и долгое время представлялось, что никаких первоначально палатализованных согласных в монгольском языке не существовало. Однако, в настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что в древнем языке встречался в начале слова палатализованный *n*, т. е. *ṅ.[2] Этот *ṅ обычно отражается как *n* с последующим *i*. Этому *i* в тюркских наречиях соответствуют совсем иные гласные и ясно, что *i* в некоторых таких случаях лишь орфографическая особенность, ибо по правилам чтения монгольской письменности написание *ni* должно ассоциироваться с произношением ṅ или н + гласный. В отношении других случаев можно, однако, с несомненностью доказать, что в диалекте, на почве которого возник письменный монгольский язык, действительно был

[1] Pañcatantra, стр. 63.

[2] Поппе, Чувашский язык и т. д. ИРАН 1925, стр. 36; Ср. Altaisch und Urtürkisch, l. c. Этот *n* мог быть и палатальным, т. е. *ñ*. Практически, в виду чрезвычайной близости *ṅ* и *ń*, различение их для нас роли не играет.

**i*, но только этот **i* восходит не к **i*, но к другим гласным и появился под влиянием палатализованного **ṅ*. В качестве примера можно привести мо. *nidurγa* 'кулак' (теперь 'обшлаг рукава') = мандж. *nuǰan* < **nurγan* < **nudurγan* = алт., бар. jудрук 'кулак', кир. цудрук, саг.[1] нузрук id., койб.[2] нумзурук id. (контаминация с jумру 'круглый'), як. сутурук 'кулак'.

Вероятно так же обстоит дело во многих случаях с письменно-монгольским *i* после *ǰ*, т. е. с графемами *ǰi*, где *i* часто восходит к совершенно другим гласным и вошел в традиционную орфографию как элемент вторичный, напр., монг. *ǰirüken* 'сердце', халх. зӯрхӗ ~ зӯрӯх, дэрб. Астр. зӯркӊ id. < *ǰürüken* = алт. и т. д. jӯр- 'жить', тел. jӯрäк 'сердце'.

Из приведенных примеров видно, что письменно-монгольский *i* в некоторых случаях является вторичным и восходит к разным гласным, причем переход гласного > *i* чаще всего обусловлен предшествующими **ṅ* или шипящими.[3]

Этот вторичный *i* очень трудно отличить от *i* < **i*, ибо в живых монгольских наречиях им обоим соответствует „перелом" с палатализацией предшествующего согласного (или без нее): здесь нам на помощь должны притти родственные языки.

Переломы, как сказано, наблюдаются во всех монгольских диалектах и поэтому для определения древнего (т. е. древнемонгольского) *i* необходимо исходить из письменного языка, имея, однако, ввиду все сказанное относительно вторичного *i*. Однако, можно привести примеры, доказывающие, что и письменный язык в отношении сохранения древнего **i* или **ĭ* является не всегда надежным, так как переломы отчасти коснулись и его, ср. письм. *yatuγan* 'гусли', которое можно возвести к **yatuγan* = джаг. *yatuγan*, саг. чадыӈан 'арфа', однако, как показывает манджурское *fituχan* 'бандура', мо. *yatuγan* восходит к **ituγan* < **hituγan* < *φituγan* ~ **pituγan*, а турецкие формы заимствованы из монгольского. Под влиянием живой речи, следовательно, в письменном монгольском языке тоже наблюдаются переломы.

Из всего вышесказанного вытекает, что письменно-монгольский *i* в ряде случаев действительно восходит к **i*, а также к **ĭ* (= тюркск. і, ы). В некоторых же случаях он восходит к иному гласному. Что же касается древнемонгольского **i*, то в известных случаях он восходит в свою очередь к **ia*, напр., мо. *sira* 'желтый' = тюркск. сары id. (ср. чув. шурă 'белый').[4] Любопытно отметить, что этот **ia*, как показывает ряд форм, находящих подтверждение со стороны современных архаичных

[1] Сагайский диалект.

[2] Койбальский диалект.

[3] Ср. Сравнительная грамматика, стр 185 и сл., 369 и сл.

[4] Ср. Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области монголо-турецкого праязыка. ДРАН-В 1924, стр. 33—35; Поппе, Чувашский язык и т. д., ИРАН 1925, стр. 420—421.

монгольских наречий, как, напр., могольского, действительно дал некогда i, напр., могольск. шіра 'желтый', ср. у Хамдаллаха Казвини *sira* id.,[1] чтобы впоследствии в результате перелома дать а: *$s^{i}ara$ > *sira* > шіра > шарă. Таким образом, этот *$^{\iota}a$ через *i дал вторичное а. Конечный результат этого развития почти совпал с началом.

Итак, подводя итоги всему сказанному, мы можем установить, что в письменно-монгольском языке имеется *i* четырех происхождений:

1) *i* < * *i* (= тюркск. *i*, напр., *singge-* 'впитываться в землю' = тюркск. *sing-*, сіӊ-);
2) *i* < * *ī* (= тюркск. ы, напр., *biraγu* 'теленок' = тюркск. бызау);
3) *i* < *$^{\iota}a$ = тюркск. а, напр., *c̀ilaγun* 'камень' = тюркск. таш);
4) *i* — вторичный, появившийся под влиянием предшествующего согласного (= другим гласным в тюркских наречиях, напр., мо. *ǰirüken* 'сердце', халх. ʒу̇рӯх, аларск. зу̇рхĕӊ = тюркск. jӱрäк).

§ 39. В аларском говоре, как сказано, переломы представляют собою обычное явление. Можно установить две категории переломов — 1) перелом *i* (*i, *$ï$) с палатализацией предшествующего согласного или с сохранением шипящего характера старых *č и *ǰ и 2) перелом без палатализации и без сохранения шипящего характера *c̀ и *ǰ.

Обратимся сперва к первой категории.

1) Старый *i в положении перед *a дал а (а̇), в начале слова ja, напр., jамāӊ 'коза' = мо. *imaγan* | м̀ахăӊ ~ м̀іхăӊ 'мясо' = мо. *miχan* | н̀аґ̮тă харӯ 'бережливый' = мо. *niγta* | шадăхă 'мочь' = мо. *čida-* | шанăхă 'варить' = мо. *čina-* | жалґă 'падь' = мо. *ǰilγa*.

2) Старый *i перед *e дал в начале слова jė ~ jë, напр., jėрĕӊ 'девяносто' = мо. *yiren*.

3) Старый *i перед *u дал закономерно у, напр., н̀уhăӊ 'сопли, нагар на свече' = мо. *nisun* 'сопли' | н̀урґăӊ 'спина' = мо. *niruγun* | н̀утăk 'родина' = мо. *nituγ* ~ *nutuγ* | шуhăӊ 'кровь' = мо. *c̀isun*.

4) Старый *i перед *$ü$ дал у̇ и ӱ (при палатализованных согласных), в начале слова jӱ, напр., jӱhĕӊ 'девять' = мо. *yisün* | н̀ӱдӯр 'пестик' = мо. *nidügür* | н̀ӱдĕӊ 'глаз' = мо. *nidün* | шу̇дĕӊ 'зуб' = мо. *sidün*.

К приведенным примерам можно теперь прибавить случаи без палатализации и без сохранения шипящего характера прежних аффрикат. Таковы напр., нар̀а̄лăхă 'рожать' = мо. *nirayila-* | заґăhăӊ 'рыба' = мо. *ǰiγasun* | нол̀мŏhŏӊ 'слеза' = мо. *nilmusun* | ну̇гĕл 'грех' = мо. *nigül*.

Отсутствие палатализации и переход шипящих в свистящие в таких случаях можно объяснить только тем, что перелом, повидимому, произошел

[1] Н. Н. Поппе. Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. ЗКВ I, стр. 203.

здесь раньше, чем *ǰ успел развиться в *ʒ > з, а остальные согласные палатализоваться. По поводу этого можно заметить, что вообще перелом явление не очень давнее, о чем свидетельствуют некоторые мусульманские памятники монгольского языка XIII—XIV вв. На основании этих памятников можно установить, что в XIII—XIV вв. *i* еще сохранился, хотя в единичных случаях и тогда уже перелом произошел.[1] Поэтому нет ничего невероятного в том, что в одну и ту же эпоху, в наречии-предке бурятских говоров формы **niruγun* 'спина', **nigül* 'грех' дали — первая **ṅirγun* > ṅурґăң, а вторая **nügül* > нýгĕл. По поводу формы нол̀мŏhŏң 'слеза' можно заметить, что отсутствие палатализации начального н может объясняться вовсе не тем, что там перелом произошел раньше. Здесь палатализованным под влиянием **i* оказался *l*, т. е. л̀, и тут влияние **i* распространилось не на предыдущий согласный, но на следующий. На вопрос, почему в таком случае не оказались палатализованными оба согласные, можно ответить, что здесь, по всей вероятности, произошла своего рода диссимиляция н̀ — л̀ > н — л̀, так же, как в хот̀ŏґŏ 'нож' = мо. *kituγa*.

До сих пор мы имели дело с закономерными случаями перелома, когда **i* (**ï*) дал под влиянием следующего гласного гласный качества гласного непосредственно следующего слога. Есть и другие случаи, когда *i* приобрел качество гласного слога, не непосредственно следующего за ним, напр., бурӯ 'годовалый теленок' = мо. *biraγu*. Почему здесь появилась форма бурӯ, а не *барӯ или * б̀ȧрӯ? Совершенно очевидно, что в этом слове и других, относящихся к этой же категории **aγu* успело дать ӯ (см. § 42) раньше, чем произошел перелом. Другими словами, **biraγu* сперва дало **birū*, после чего *i* ассимилировался с гласным следующего слога, т. е. *ū*, и дал вполне закономерно у.

Есть и другие случаи перелома. Так например, *i* в положении перед *u* дает в ряде случаев о, а перед *ü* — ӧ, напр., хот̀ŏґŏ 'нож' = мо. *kituγa* | н̀ȯдŏнŏң жıл 'прошлый год' = мо. *nidunan ǰil* | нол̀мŏhŏң 'плевок' = мо. *nilmusun* | c̀оhōлхŏ 'обижать' = мо. *kisaγul-* 'угнетать' | жорґōң 'шесть' = мо. *ǰirγuγan* | шӧдĕр 'треног' = мо. *čidür* | шӧнĕhĕң 'лиственница' = мо. *sinesün* | шӧбĕгĕ 'шило' = мо. *sibüge* | шӧлĕң 'суп' = мо. *silün*.

Здесь произошло совершенно последовательное развитие **i* > о и ӧ в положении перед **u* и **ü*. В жорґōң 'шесть' развитие *i* > о объясняется влиянием развития **uγa* > **oγa* > ō вместо ā, ср. халх. ʒурґą̄ < **ǰurγān* < **ǰurγuγan* < **ǰirγuγan*. В связи с жорґōң появилась аларск. форма жорŏң 'шестьдесят' = мо. *ǰiran*, халх. ц̣арą̆ вместо ожидаемой формы *жарăң.

Особыми развитиями являются и оjōр 'дно' = мо. *iruγar* | од̀ŏґŏң 'шаманка' < **iduγan* = мо. *udagan* | ӧнжĕ 'наследство' = мо. *inǰi* (ср. тюркск.

[1] Sprachmaterial, S. 1024

джаг. *inǰü* 'царское поместье'; вероятно в аларск. контаминировано с мо. *ömči* 'наследство') | jорŏ 'знамение' = мо. *irua* < **iruβa*.

Это развитие **i* > о или ё является характерным также для ряда других монгольских наречий. Наблюдается оно всегда в тех случаях, когда **i* находился в начале слова или имел перед собою **č*, *š* < **s*, **ǰ* или **ṅ*. Объясняется это явление повидимому тем, что при указанных положениях при антиципировании следующих за **i* гласных **u* и **ü* стали произносить не у и ẏ, но более широкие гласные о и ё.[1]

Не совсем ясными представляются случаи развития *i* в начале слова в положении перед **u* в у вместо ожидаемого jу, напр., узӯр 'нижний конец' = мо. *iǰaγur* | урӯхăң 'звучный' = мо. *iraγu*. Возможно, что здесь никогда и не было **i*, ср. к *iǰaγur* памятники квадратного письма *huǰa'ur*, дагурск. оцōр. Вероятно этого же порядка и указанное выше оjōр 'дно' = мо. *iruγar*.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 40. Долгие гласные в живых монгольских наречиях имеют двоякое происхождение: или они восходят к комбинациям гласн. + **γ* (**g*, **β*, **ŋ*) + гласный или к дифтонгам, а также в известных случаях восходят к нормальным (недолгим) гласным. Такого же происхождения долгие гласные и в аларском говоре.

Долгие гласные имеют для монгольских наречий первостепенное значение, ибо долгие и краткие гласные являются фонемами. Многие слова отличаются друг от друга только долготой гласного. Примерами этого могут послужить следующие халхаские формы: jарă 'рана, язва' — jāрă 'спеши'! | д̬арă 'дави!' — д̬āрă 'мерзни!' | ем 'лекарство' — ēм 'плечевая кость' | т'ос 'масло' — т'ōс 'пыль' | улă 'подошва' — ӯлă 'гора' | ẏс 'волос' — ӯс 'береста' и т. д.

Такое же значение долгота и краткость имеют и в аларском говоре. Более того, в аларском говоре приходится различать два типа долготы — долгие гласные и наддолгие гласные. Обе долготы эти в аларском говоре одинакового происхождения и подробнее о них будет сказано ниже.

§ 41. Обратимся к долгим гласным недифтонгического характера, а именно к долгим гласным, восходящим к комбинациям гласный + **γ* и т. д. + гласный.

Известно, что письменно-монгольскому *γ* (*g*) в живых монгольских наречиях часто соответствует нуль, причем гласные, между которыми находился исчезнувший звук, слились в один долгий. История этих долгот сейчас выясняется уже достаточно хорошо. Так напр., известно, что современным формам типа халхаских т'āхă 'отгадать' и ӯлă 'гора' в языке

[1] Сравнительная грамматика, стр. 181.

памятников квадратного письма соответствуют формы без долгого гласного, на месте которых имеем два гласных между которыми наблюдался гортанный перерыв ', напр., *huǰa'ur* 'происхождение'. Такие формы с сохранением обоих гласных сохранили нам некоторые мусульманские источники по монгольскому языку XIII—XIV вв. Впоследствии получились формы типа халхаского ӯла 'гора'. При этом можно заметить, что стяжение в случаях, когда гласные были одни и те же, напр., мо. *degere*, квадратное письмо *de'ere*, халх. д̬ēрĕ, произошло вероятно значительно раньше, наоборот, процесс стяжения слогов с качественно различными гласными, как напр., *aγula*, халх. ӯлă, завершился значительно позже. И даже теперь еще существуют наречия, в которых стяжение двух качественно различных гласных окончательно еще не завершилось: это дагурское наречие, сохранившее нам аў и е̊ў̆, и могольское, где **aγu* и т. д. и **egü* дали öу̇.[1]

В общем, можно полагать, что первоначальный согласный **β*, **ŋ* и т. д. начал исчезать еще до появления письменности, и следом его к моменту, когда письменность появилась, был спирант, который стали в письме передавать знаком *γ* (*g*), тем более, что он во многих случаях действительно восходит к **γ*, и в начальный период письменности действительно произносился как ҕ. Так как мало вероятно, чтобы этот **γ* в положении между гласными произносился в древне-монгольском языке совершенно так же, как в начале и конце слова, а также в положении между гласными, в случаях, когда стяжение не произошло, следовало бы ввести в транскрипцию монгольского письменного языка особый знак для обозначения *γ*, соответствующего нулю в живых монгольских наречиях. Отмечу еще, что неисчезнувший в положении между гласными в живых монгольских наречиях *γ* мусульманскими авторами трудов о монгольском языке XIII—XIV вв. передавался знаком ق, т. е. *q*, напр., *ayaqa* 'чаша'.

Как сказано, долгие гласные произошли в результате стяжения двух гласных, между которыми находились **γ*, **g*, **β* и **ŋ*.

Примеры: аларск. хōhŏӊ, халх. хōсǫ̆, мо. *χoγusun* < **qoγusun* 'пустой' = уйг. *qoγus*, бар.[2] kоҕус 'пустой' (ср. чув. хăвăл) | аларск., халх. бӧ̄, мо. *böge* < **böge* 'шаман' = джаг. *bȯgi*, осм. *büi* 'магия, колдовство' | аларск., халх. хā-, мо. *χaγa-* < **qaβa-* 'запирать' = орх. *qapïγ* 'ворота' | аларск. ӯсă, халх. ӯ'ц̬'ă, мо. *uγuča* < **uŋuča* 'крестец' = крым.[3] оӊурҕа, осм. онурҕа 'спинной хребет'.

Ввиду того, что правильное восстановление первоначального согласного для наших целей не играет никакой роли, условимся дальше писать

[1] SU, § 19; Mogholica, S. 53; G. J. Ramstedt. Zur Geschichte des labialen Spiranten im Mongolischen. Festschrift Vilhelm Thomsen. Leipzig, 1912, S. 182; Geserica, S. 6; Sprachmaterial, S. 1017—1023.

[2] Барабинский диалект.

[3] Крымский диалект.

всюду *γ* и *g*, хотя бы они восходили и к другим согласным. Формулировку **aγu* > ȳ и т. д. следует поэтому понимать не слишком буквально, но с вышеприведенной оговоркой, ибо *γ* (*g*) здесь часто будет восходить и к **γ* и **β* и т. д.

§ 42. Сочетание **aγa* и т. д. дало ā, напр., hанāң 'мысль' = мо. *sanaγan* | бāhăң 'кал' = мо. *baγasun* | бāтăр 'богатырь' = мо. *baγatur*.

Сочетание **ege* и т. д. дало ē, напр., хēр ґазăр 'дикое место' = мо. *kegere* 'степь' | сēр 'запретный' = халх. ц'ēр'т'ē 'подзапретный', мо. *čeger* | ēм 'плечевая кость' = мо. *egem* | емēл 'седло' = мо. *emegel*.

Сочетание **oγa* и т. д. дало ō, напр., тō 'число' = мо. *toγa*.

Сочетание **öge* и т. д. дало ӧ, напр., хӧргĕ 'кузнечный мех' = мо. *kögerge* | хӧ 'уголь' = мо. **koge* 'сажа' | бӧ 'шаман' = мо. *böge* | тӧ 'пядь' = мо. *töge*.

Сочетание **aγu* и т. д. дало ȳ, напр., дȳң 'голос' = мо. *daγun* | бȳхă 'спускаться' = мо. *baγu-* | зȳң 'сто' = мо. *jagun* | халȳң 'горячий' = мо. *χalaγun*.

Сочетание **egü* и т. д. дало ӯ, напр., нӯхе 'кочевать' = мо. *negü-* | зӯң 'левый' = мо. *jegün* | ӯң 'бородавка' = мо. *egün*.

Сочетание **uγu* и т. д. дало ȳ, напр., бурȳ 'неправильный' = мо. *buruγu* | сȳр 'дудка' = мо. *čuγur*.

Сочетание **ügü* и т. д. дало ӯ, напр., бӯдӯң 'толстый' = мо. *büdügün* | бӯргĕ 'лука' = мо. *bügürge*.

Сочетание **iγa* и т. д. (> мо. *iγa* ~ *iya*) дало ā, напр., алāрхăхă 'баловаться' = мо. *aliyarχa-* | čāγ 'пырей' = мо. *kiyaγ* | шăхă 'вбивать' = мо. *siγa-*.

Сочетание **ige* и т. д. (> мо. *ige* ~ *iye*) дало ē, напр., нēң 'корова' = мо. *üniye* | нēхĕ 'смеяться' = мо. *iniye-* | шēhĕң 'урина' = мо. *sigesün*.

Сочетание **iγu* и т. д. дало ȳ, напр., тух[a]рȳң 'журавль' = мо. *tuγuriγu* | нȳхă 'прятать' = мо. *niγu-* | нȳр 'лицо' = мо. *niγur*.

Сочетание **igü* и т. д. дало ӯ, напр., шӯhĕң 'сок' = мо. *sigüsü*.

Сочетание **oγu* и т. д. дало ō, напр., ōhŏр 'тесьма' = мо. *oγusur* | хōлō 'горло' = мо. *χoγulai*.

Сочетание **igi* и т. д. дало ī, напр., шīгтē 'сырой' = мо. *čigig* 'сырость' | čī 'сухой коровий помет' = мо. **kigi*, ср. як. kī.

Кроме сочетаний **aγu* и т. п. стяжению подверглись также комплексы гласный + **β*, напр., **aβ*, из которых названный обнаруживает то же развитие, что **aβu*, **aγu* и т. д., ср. аларск. ȳ < **aβ* в таких примерах, как тȳлā' 'кролик' = мо. *taulai* < **taβlai* 'заяц' | γȳăң 'самый старший сын' = мо. *auγan*.

Приведенными примерами исчерпываются, однако, лишь случаи закономерного развития. Наблюдается еще ряд случаев незакономерного развития. Так, в некоторых случаях **uγa* и **aγu* дали ō, напр., жоргōң 'шесть' = мо. *jirγuγan*, ср. еще čohōлхŏ 'обижать' = мо. *kisaγul-* (?).

Затем, *öge дало ӯ в ӯхĕӊ 'жир' = мо. *ögekün* и хӯргĕ 'мост' = мо. *kögerge* (но ср. хѡ̄ргĕ 'кузнечный мех' = мо. *kögerge*; в говоре боханских бурят 'мех' — хӯрхĕ).

Далее, мо. *eü* < *eβ в хѡ̄хē¹ 'дитя' соответствует ѡ̄, ср. мо. *keüken*, халх. хӯхę̆.

Как сказано выше, письменно-монгольским сочетаниям гласный + заднеязычный слабый + гласный далеко не всегда соответствуют в живых говорах долгие гласные, и заднеязычный слабый в таких случаях сохраняется. В аларском говоре наблюдается, конечно, то же самое и более того, наблюдается сохранение ґ и г даже там, где в других наречиях они исчезли, напр., н̀урґăӊ 'спина' = халх. нурӯ, мо. *niruγun*, ср. дэрб. Астр. нурҕн̥ | хур̀ăҕăӊ 'палец' = халх. хурӯ, мо. *χuruγun*, ср. дэрб. Астр. хурҕн̥ | бōҕŏл 'раб' = халх. б̥ōл, мо. *boγol* | борŏҕōӊ 'дождь' (в эпическом языке) = халх. б̥орō, мо. *boraγan* | дегĕл 'шуба' = халх. д̥ēl, мо. *degel* ~ *debel*, дэрб. Астр. дewl̥ | дел̀ĕгĕӊ ~ дел̀ӯӊ 'селезенка' = халх. д̥ėlӯ, мо. *deligün*.

Развитие *g > j вместо нуля и стяжения гласных наблюдается в хеjĕр 'гнедой' = халх. хēр, мо. *keger* (но ср. хēр ґазăр = мо. *kegere* 'степь'), ср. мандж. *keyire* 'гнедой'.

В связи с явлением стяжения гласных стоит вопрос о чередовании *b* ~ *g* в монгольском языке, ср. *debel* ~ *degel* 'шуба' (восходят эти *b* ~ *g* к *β). В аларском наблюдаются следующие формы с б, соответствующие письменно-монгольским с *g*: гёб̥хӯ 'кукушка' = мо. *kögüke*, халх. хȯхѡ̄ | тӯбēхĕ 'раздавать' = мо. *tüge-*.

Наконец, письменному *kümün* 'человек' наряду с хӯӊ соответствует хӯмӯк. Наряду с такими формами, несомненно, более архаичными, чем соответствующие формы других наречий, наблюдаются, однако, случаи стяжения там, где оно в других наречиях не наблюдается, напр., мāлā¹ ~ мāхā¹ 'лоб' = халх. маґнᵃē, мо. *manglai*.[1]

§ 43. Переходим теперь к долгим гласным дифтонгического происхождения.

Письменно-монгольские дифтонги, если не во всех случаях, то во многих, восходят к сочетаниям гласный + *γ (*g, *β) + *i, напр., мо. *ayil* < *aγīl 'сосед, селение, юрта' = осм. *aγīl* 'загон для овец', кир. аул 'аул' | мо. *χayirčaγ* < *qaβīrčaγ 'ларец' = джаг. *qopurčuq* 'ящичек'.

Этим дифтонгам в живых монгольских наречиях соответствуют — в одних дифтонги же, в других, как напр., в ойратских говорах, долгие гласные, ср. дэрб. Астр. ґахā̄ 'свинья', торг. Астр.[2] ґахā id. = мо. *γaχai*. Что касается аларского говора, как вообще и ряда других западно-бурятских, по крайней мере, говоров, то там дифтонги развились в долгие

[1] Ср. Мат., стр. 196.

[2] Говор Астраханских торгутов.

гласные, притом всегда в долгие гласные переднего ряда, каковой переход дифтонгов с задним гласным в качестве первого компонента в передний ряд обусловлен влиянием *i. При этом можно заметить, что в ряде случаев второй компонент старого дифтонга *i* сохранился в качестве сильно редуцированного, слабого гласного качества i, который я передаю знаком ˈ. Таким образом, на месте дифтонга *ayi* в известных случаях и даже в большинстве случаев появился āˈ, т. е. долгий ā с очень слабым i в своем исходе. Можно даже установить правила, когда дифтонг дал простой долгий гласный и когда этот долгий гласный имеет в своем исходе этот слабый, на слух едва различимый i: в словах односложных преимущественно наблюдается простой долгий гласный, напр., āл ʻсосед', но в двух- и многосложных словах на месте ā слышится уже āˈ, напр., āˈлдă ʻсоседу'.

Дифтонг *ayi* (в конце слова *ai*) > в аларск. ā ~ āˈ, напр., дāң ʻврагˌ война' = мо. *dayin* | hāң ʻхороший' = мо. *sayin* | hāˈхāң ʻпрекрасный, хорошенький' = мо. *sayiχan* | āˈжă ʻбоясь' = мо. *ayiǰu* | далā ~ далāˈ ʻморе' = мо. *dalai*.

Развитие *-*ai* > ᵃī наблюдается в луб̣сăґăлдᵃī < *lubsaγaldai* (имя одного мангуса).

Дифтонг *oyi* (*oi*) дал ō̈ ~ ō̈ˈ, напр., ō̈ ʻлес' = мо. *oi* | ō̈ˈмŏхŏ ʻплавать' = мо. *oyimu-* | hō̈p̣ ʻглухарь' = мо. *soyir* | орō̈ ~ орō̈ˈ ʻмакушка' = мо. *oroi* < **orai*.

Дифтонг *uyi* дал в ударенном слоге ȳ ~ ȳˈ, в неударенных слогах ʸī, т. е. ī со скользящим гласным типа y перед ним, напр., ȳˈлăхă ʻплакать' = мо. *uyila-* | ȳˈhăң ʻберестаˌ = мо. *uyisu* | хамсʸī ʻрукавˌ = мо. *χančui*.

Дифтонг *eyi* (*ei*) дал в ударенном слоге ī, в неударенном ēˈ, напр., ṫīмĕ ʻтакойˌ = мо. *teyimü* | īмĕ ʻэтакийˌ = мо. *eyimü* | сīдĕхĕ ʻразвеваться' = мо. *keyis-* | ėрбēхēˈ ʻбабочка' = мо. *erbekei* | hўгēˈ ʻпяткаˌ = мо. *ösügei*.

Дифтонг *üi* дал в ударенном слоге ȳ ~ ȳˈ, в неударенном ʸī, почти совпав с *ui*, напр., hȳˈтĕ ʻсосватаннаяˌ = мо. *süitü* | зȳˈл ʻрод, сорт' = мо. *jüil* | тȳˈмĕр ʻлесной пожар' = мо. *tüimer* ʻпожарˌ | тўдʸī ʻстолькоˌ = мо. *tedüi*.

Наблюдаются и некоторые отступления от общего правила. Так напр., *uyi* дало ȳ в ґȳрăмшă ʻнищийˌ = мо. *γuyirinči*, а *üi* дало ī в hīхĕ ʻсерьгаˌ = мо. *süikü*. Отступления эти, однако, лишь кажущиеся, ибо hīхĕ является несомненно ойратским заимствованием, ср. дэрб. Астр. сīк ʻсерьга'. Что же касается ґȳрăмшă, то для него можно сконструировать более древнюю форму *γuγurinči ~ *γuγirinči > мо. *γuyirinči*. Чередование *uγu ~ *uyi > *uyi* в монгольском хорошо известно.[1]

Далее, дифтонг *ai* суффикса *-tai* comitativi и прилагательных, выражающих принадлежность, дал последовательно ē ~ ĕ, изредка ă. Это разви-

[1] Сравнительная грамматика, стр. 275.

тие, повидимому, обусловлено действием аналогии со стороны форм с вокализмом переднего ряда: как *gertei* 'имеющий дом' дало гертē[1], так *moritai* 'имеющий коня' дало мо̀р̀тē, но *aχatai* 'имеющий старшего брата' дало ахăтē. Наконец, форма оґ̆тŏрґŏ 'небо' восходит, как видно, не к **oγtarγui*, а к **oγtarγu*. К последнему ср. еще мо. *malaγa* ~ *malaγai* 'шапка' и т. п.

§ 44. Остается рассмотреть долгие гласные, восходящие к нормальным. В большинстве современных монгольских наречий гласные односложных слов стремятся к тому, чтобы стать долгими, что объясняется безусловно тем, что действие экспираторного ударения в односложных словах не ослабляется наличием следующих слогов. Так напр., письменным *bi* 'я', *ċi* 'ты', *üsün* 'молоко' и т. д. в халхаском соответствуют б̥ī, чʿī, сӯ (точнее с полудолгими гласными) и т. д. В аларском говоре наблюдается то же самое явление, напр., н̀īд̆- 'летать' = мо. *nis-*. Далее, в русских заимствованиях на место ударенного гласного подставляется долгий, напр., мīлĕ 'мыло'.

Наблюдается долгота гласных также в многосложных словах в таких случаях, когда в других наречиях имеется краткий гласный, напр., арґāдăhăң 'кизяк' = халх. арґăл. дэрб. Астр. арҕ^{а}сн̥, мо. *arγal* | хорґōдŏhŏң 'овечий помет' = халх. хорґŏл, мо. *χorγal* | алӯт 'мимо, через' = халх. аллăс, мо. *alus* | hуңґāхặ 'растягивать' = халх. суңґă-, мо. *sungγa-*.

§ 45. Исчезновение долготы наблюдается в ряде случаев, напр., урặл 'губы' = мо. *uruγul* (ср. халх. урӯл, но дэрб. Астр. ӯрл̥) | єдгĕхĕ 'выздороветь' = халх. ед̆ĕгē-, мо. *edege-* | хадăлґăхă 'сохранять' = халх. хад̆ăґāлă-, мо. *χadaγala-* | jорŏ 'знамение' = мо. *iruua* < **iruβa* (ср. также халх. jорŏ).

К чередованию долготы и краткости ср. § 57.

СИНГАРМОНИЗМ И ГУБНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

§ 46. Уже из того, что сказано в §§ 27 и 33, видно, что в аларском говоре сингармонизм гласных наблюдается, и кажущимися исключениями являются только случаи слов с задним вокализмом с ĕ < **i* в положении после палатализованных согласных. О сингармонизме в монгольских наречиях в свое время кое-что писалось. Тем не менее, вопрос этот не принадлежит к уже окончательно решенным в прошлом. В частности, в свое время было высказано мнение, что в ряде живых монгольских наречий, никакого сингармонизма гласных нет.[1] Согласно формулировке Руднева, „гармония гласных, как она понимается учеными, ее установившими, не наблюдается в восточных говорах монгольского языка в виде стройно проведенной системы и потому применение этого термина к этим говорам

[1] Мат., стр. 228.

было бы ненаучно".[1] Чтобы понять, каким образом такое утверждение могло быть высказано, обратимся к рассмотрению того явления, которое известно под названием гармонии гласных. Обычно закон гармонии гласных формулируют таким образом: в одном и том же слове могут встречаться либо гласные заднего ряда, либо гласные переднего ряда. За слогом с а не может следовать е, за слогом с е не может следовать а и т. д. Если понимать гармонию гласных так, как это сформулировано здесь, то придется признать, что за исключением очень немногих языков, где эта система проведена со всей стройностью, она в ряде языков, хотя бы в тех же монгольских наречиях, действительно, отсутствует, ибо, как известно, в монгольских наречиях в одном и том же слове могут наблюдаться гласные заднего ряда и переднего ряда. Но, спрашивается, какие гласные переднего ряда могут встречаться в слоге, следующем за слогом с задним гласным? При ближайшем рассмотрении этого оказывается, что из гласных переднего ряда за слогом с задним гласным могут следовать только долгие гласные, развившиеся из дифтонгов, а в аларском говоре, кроме того, ĕ < **i* с палатализацией предшествующего согласного в некоторых суффиксах.

Переходя к аларскому говору, мы можем заметить, что в слоге, следующем за слогом с задним гласным, могут следовать ā, ō, ē. Как выше уже было сказано, они восходят в этих случаях: ā и ē к **ai*, ō к **oi*. Далее, наблюдается обратное явление: за слогом с ā, ō или ȳ может следовать слог с задним кратким или долгим гласным. Таким образом выходит, что нарушение закона сингармонизма, если о таковом нарушении вообще можно говорить, сводится лишь к случаям появления в слогах, следующих за слогом с задним гласным, долгих гласных переднего ряда и наоборот. И так как эти „нарушения" составляют систему и отнюдь не приводят к анархическому, не подчиняющемуся никаким правилам, появлению любого гласного в слоге, следующем за слогом с любым гласным, это показывает лишь, что закон гармонии гласных существует и здесь, но только нуждается в иной, более соответствующей явлениям языка, формулировке. Как сказано, выше приведенная формулировка закона сингармонизма оказывается приемлемой только в отношении ограниченного числа языков, в частности, она не применима ни к языку Suomi (финскому), ни к языку манджурскому, ни к тунгусским, ни, наконец, к живым монгольским наречиям. Поэтому необходимо сделать попытку дать иную формулировку, более общую, которая не вступала бы в конфликт с явлениями этих языков. В качестве такой формулировки этого закона можно было бы предложить следующую: закон сингармонизма гласных есть закон, регулирующий вокализм слова.

[1] Положения к магистерской диссертации прив.-доц. А. Д. Руднева „Материалы по говорам Восточной Монголии" (СПб., 1911), № 17.

Это регулирование может проявляться по разному. В качестве примера, придуманного здесь ad hoc, можно, напр., привести такой частный случай: допустим, что в каком-нибудь языке за а первого слога может следовать только ö. И если это наблюдается как правило во всех случаях и при всех обстоятельствах, то мы будем иметь один из случаев сингармонизма в нашем понимании: какое то правило регулирует вокализм слова данного языка и, согласно этому правилу, за а должен следовать ö. Теперь в качестве конкретного примера, не изобретенного, но взятого из действительно существующего языка, можно указать на сингармонизм в одном тунгусском наречии: там для суффиксов с долгим ā, которые с этим вокализмом наблюдаюдаются при основах с вокализмом заднего ряда, эквивалентами при основах с передним вокализмом являются суффиксы с ō.[1] Чем это объясняется, вопрос для нас здесь лишний, но мы видим, что употребление суффиксов с ā строго регулируется этим правилом: одни основы принимают суффикс с ā, другие — суффикс с ō.

Формулировка — закон сингармонизма есть закон, регулирующий вокализм, в частности регулирующий употребление суффиксов с тем или иным вокализмом, оказывается более гибкой. Она вполне удовлетворяет нас, если мы обратимся и к аларскому говору и к другим монгольским наречиям.

Когда мы имеем дело в аларском говоре с такими формами, в которых гласные непервых слогов краткие, т. е. редуцированные, вокализм таких форм оказывается очень простым и не противоречащим даже старой формулировке закона сингармонизма. Но если обратиться к таким формам, в которых наблюдаются долгие гласные, то хотя они и представляются несколько более сложными, они все же подчиняются закону гармонии гласных, но только закону в вышепредложенной формулировке. Прежде всего, можно заметить, что долгие ē и ī могут следовать за слогом с любым гласным. Это своего рода нейтральные гласные. Далее, что касается остальных долгих гласных, то там наблюдается следующее: ā и ȫ трактуются, как задние гласные и поэтому они набюдаются после тех же гласных предыдущего слога, что и ā и ō. Последние наблюдаются — ā после а (ā), у (ȳ) и, конечно, также после ā, что вполне естественно после сказанного только-что, а гласный ō наблюдается после о (ō) и ȫ. Что касается ȳ, то он наблюдается только после задних гласных и гласных, трактуемых, как задние. Гласные же ӯ и ō̄ наблюдаются только после передних гласных. Гласный ȳ после себя может иметь задний гласный (ā, ȳ) или передний (ӯ) в зависимости от того, какого он происхождения и восходит ли он к **uyi* или **üi*. Наконец, гласный і (ı, ī) первого слога

[1] Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Ленинград, 1927, стр. 13.

может иметь после себя в следующем слоге, как задние, так и передние гласные, что естественно после того, как было сказано, что i является нейтральным гласным.

Из всего сказанного вытекает следующее: за задними гласными и гласными, трактуемыми как задние, т. е. ā, ȫ, следуют, кроме ē и ī, только долгие задние гласные; за гласными передними следуют только передние гласные. Исключение представляет собою ȳ, который в одних случаях может иметь за собою задний гласный, в других же передний, т. е. совершенно как i (ı) или ī. Система оказывается, таким образом, вполне последовательно проведенной: одни гласные основы являются нейтральными (i, ī, ȳ); задние гласные и вполне определенные, трактуемые как задние, требуют после себя гласных этой же категории и, кроме того, ~ ē; передние же гласные основы требуют после себя передних гласных. И раз удается установить это правило, действующее всюду вполне последовательно, речи о том, что гармонии гласных в аларском говоре нет, не должно быть, ибо далеко не каждый гласный может следовать за слогом с гласным определенной категории.

§ 47. Выше шла речь о сингармонизме, под каковым понимался закон, регулирующий в слове отношения задних гласных к передним, безотносительно к гласным лабиализованным и нелабиализованным.

В связи с законом сингармонизма необходимо коснуться также явления губного притяжения. Последнее сводится к тому, что лабиализованные гласные первого слога могут оказывать влияние на гласные следующих слогов и лабиализовать их. Поскольку речь идет о кратких гласных непервого слога, это разумеется само собою, ибо, как уже неоднократно говорилось, краткие гласные непервого слога вообще стремятся ассимилироваться гласному первого слога, с известными, конечно, оговорками.

Гораздо важнее отношение к гласному первого слога долгих гласных непервого слога. Здесь мы можем заметить, что лабиализующее влияние на долгий гласный следующих слогов оказывают только о (ō) и ё (ω̄) — первый требует после себя из долгих гласных ō или ȫ, а второй ω̄ При этом можно заметить, что из долгих гласных недифтонгического происхождения (т. е. появившихся в результате стяжения) о первого слога требует в следующем слоге ō, а из долгих гласных дифтонгического происхождения ȫ, напр., орōт < *oruγad 'войдя' и орȫ < *oroi < *orai 'макушка'. Таким образом, оказывается, что долгий ā не может следовать за слогом с о (ō). Наоборот, не может следовать за а гласный ō. Что касается у (ȳ), то он на следующий долгий гласный не влияет, и за ним поэтому может следовать только ā, но не ō. Если ȳ оказывается в середине слова, в первом слоге которого имеется о (ō), то он парализует, так сказать, действие этого гласного о на гласные дальнейших слогов, которые сохраняют свой ā, напр., орōт 'войдя', но орȳлāт 'введя'. Все, что сказано об о, справедливо и в отношении

к ӧ (ѿ̄): за ним следует только ѿ̄ из долгих гласных недифтонгического происхождения; но из долгих гласных дифонгического происхождения за ним следует ē, а не лабиализованный. В этом нетрудно заметить некоторое нарушение этой системы. Если же между слогом с ӧ (ѿ̄) и слогом с долгим гласным имеется ӯ, то ӯ подобно ӯ, аннулирует влияние ӧ (ѿ̄) первого слога, напр., тӧрѿ̄т 'родясь', но тӧрӯлēт 'породив'. Но необходимо еще раз напомнить, что долгий гласный дифтонгического происхождения со стороны ӧ (ѿ̄) влияния не испытывает.

Таким образом, можно установить в отношении долгих гласных, получившихся из стяжения, следующего рода зависимость от гласного предыдущего слога:

Гласные первого слога	Долгие гласные следующих слогов
а (ā)	ā
о (ō)	ō
є (ē), ė	ē
ӧ (ѿ̄)	ѿ̄

Что касается ӯ, то, как сказано, он наблюдается и после а (ā) и после о (ō), но после него и у (краткого) наблюдается только ā. Совершенно так же дело обстоит в отношении ӯ: он наблюдается и после є и после ӧ, но после ẏ (ӯ) не может встречаться ѿ̄, и может встретиться только ē. Наконец, в отношении гласного ā дифтонгического происхождения можно заметить, что он трактуется совсем как ā, т. е. после себя не может иметь ō, и сам не может встречаться после о (ō). Поэтому после о вместо ā̇ наблюдается только ӧ̄. Гласный же ē дифтонгического происхождения наблюдается после любого гласного предыдущего слога, напр., хѿ̄хē (~ хѿ̄хē¹) 'дитя', ӧргѿ̄г̬тē 'имеющий ставку' и т. д.

Таковы общие правила, но имеются и отступления от них. С одним из таких отступлений — с ē дифтонгического происхождения — мы уже познакомились. К сказанному о нем можно прибавить, что отступления эти наблюдаются исключительно в некоторых суффиксах, в случаях, когда мы имеем дело с морфологизованными фонемами. Так напр., уже выше (в § 43) было указано, что дифтонг *ai* в суффиксе comitativi *-*tai* дал ē, и с этим ē он присоединяется к основам с любыми гласными. Далее, можно указать, что гласным суффикса praesentis perfecti является ā̇, даже в случаях, когда гласным первого слога глагольной основы является о, напр., орлā 'вошел, уже вошел' и т. д.

Теперь, после всего сказанного, можно дать полную таблицу гласных первого слога с указанием, какие гласные могут наблюдаться в следующих слогах. В зависимости от того, как гласные первого слога трактуются в связи с сингармонизмом, они разделяются на трактуемые как задние, на нейтральные и трактуемые как передние.

Гласные первого слога		Гласные следующих слогов		
		Краткие	Долгие	
			Получившиеся в результате стяжения	Дифтонгического происхождения
Трактуемые как задние	a (ȧ, ā, ǟ), y (ȳ), ā	ă	ā, ȳ	ā, ē, ē
	o (ȯ, ō, o͞), ȫ	ŏ	ō, ȳ	ȫ,[1] ē
Нейтральные	i (ı̇, ī), ÿ̄	ă или ĕ, ĕ[2]	ā, ȳ, ē, ȳ	ā, ē
Трактуемые как передние	e (ē), ė, ë, ẏ (ȳ), ÿ	ĕ или ĕ[2]	ē, ÿ̄	ē
	ë, o͞	ĕ,[2] ĕ[3]	ō̤, ȳ	ē

[1] Когда при а первого слога и т. д. ā, тогда при о и т. д. первого слога ȫ.
[2] При j или палатализованных согласных
[3] При остальных.

Примеры: дарā 'давил', дарȳлāт 'заставив давить', далā (~далā[1]) 'море', ахăтē 'имеющий старшего брата', болōт 'став', орȳлāт 'заставив войти', орȫ (~орȫ[1]) 'макушка', мòртē 'имеющий коня', мінāŋāр 'плетью', шīхăŋ 'чирей', шīхāр 'чирьем', ȳлāт (~ȳ[1]лāт) 'плакав', зȳлēр (~зȳ[1]лēр) 'сортами', жілтē 'имеющий год', ендĕhē 'отсюда', hejē 'войлок', хȳрēт 'прибыв', бō̤hĕŋ 'вошь', бō̤лō̤ 'шаманил', бō̤лȳлēт 'заставив шаманить', бō̤тē с шаманом' и т. д.

§ 48. После сказанного в § 47 является понятным, почему напр., формы *χongsiyar*<**χoŋsiγar* 'рыло', *doluγan* 'семь', *törüged* 'родившись' и т. д. дали хоӈшōр, долōŋ, тёрō̤т: повидимому долгий ā, получившийся в результате стяжения в форме **doluγan*>**dolān* и т. п., подвергся влиянию со стороны о первого слога, в результате чего **dolān* дало долōӈ. Так же обстоит дело и с **üge*>**ē*>ō̤ в словах с ë<**ö* первого слога.

§ 49. В связи с зависимостью долгих гласных, происшедших в результате стяжения, от гласных первого слога, необходимо еще раз вернуться к вопросу об ӧ и ӱ.

Как уже сказано в § 35, гласные ӧ и ӱ прежними исследователями бурятских говоров, кроме, впрочем, Кастрена, различались довольно плохо. Но, что ӧ и ӱ существуют в качестве закономерных заместителей **ӧ* и **ӥ* не только в аларском говоре, но и других бурятских говорах, можно заключить из того, что основы, соответствующие аларским основам с ӧ и в других говорах образуют формы instrumentalis с -ӧ̄р и converbi perfecti с -ӧ̄т, в то время, как основы, соответствующие аларским основам с ӱ, там образуют формы с -ӗр и с -ӗт. Получается та же картина, что в халхаском: ӫlсӧ̄т 'проголодавшись', хӫlӧ̄р 'ногой', но хӱрӗт 'достигнув', ундӱ̆сӗр 'корнем'.[1]

Возьмем наугад некоторые из основ с ӧ, указанных в § 35, и посмотрим, каковы будут от них формы instrumentalis и converbi perfecti: ӧтлӗ- 'состариться' — ӧтлӧ̄т 'состарившись' | мӧргӗ- 'кланяться' — мӧргӧ̄т 'поклонившись' | мӧндӗр 'град' — мӧндӗрӧ̄р 'градом' | ӧнсӗк 'спинка ножа' — ӧнсӗгӧ̄р 'спинкою ножа' и т. д.

С другой стороны, основы с ӱ первого слога образуют эти формы с -ӗр, -ӗт, напр., ӱнӗр 'запах' — ӱнӗрӗр 'запахом' | хӱӈгӗӈ 'дешевый' — хӱӈгӗнӗр 'дешево' | ӱндӗгӗӈ 'яйцо' — ӱндӗгӗр 'яйцом' | хӱрӗ- 'достигнуть' — хӱрӗт 'достигнув' и т. д.

Отсюда видно, что основы с ӧ первого слога требуют дальше суффиксов с ӧ̄, а основы с ӱ требуют дальше ē.

В исследовании хоринского говора Руднева, как было сказано выше, ӧ и ӱ почти не различаются. Неудивительно поэтому, что в записях текстов его мы встречаем следующие написания:[2] гӱрӧ̄hīji (4),[3] ӱдӱ̆рӧ̄р (63), ӱмхӧ̄т (308), мӱнӧ̄ (423), тӱрhӧ̄р (437), hӱрӧ̄т (536) и т. д.

Как показывает последовательность появления в этих формах ӧ̄, а также аларский говор, в котором этим основам соответствуют основы с ӧ, здесь ӱ первого слога вероятно не что иное, как результат неточной записи: в действительности и в хоринском здесь, вероятно, всюду ӧ, а не ӱ.

В заключение укажу, что по сообщению Г. Д. Санжеева, в унгинском говоре лабиализующее влияние на долгий гласный во многих случаях оказывает и ӱ первого слога, напр., ӱзӧ̄шӗ 'смотрящий' (аларск. ӱзēшӗ), ӱдӧ̄рӧ̄ 'своей дверью' (аларск. ӱдēрē), но это явление, повидимому, нового происхождения. Оно характерно, как будто, не только для унгинского

[1] Ср. G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkhamongolischen. MSFOu XIX, Helsingfors, 1903, S. 6. (Дальше цитируется как KKM); Сравнительная грамматика, стр. 194.

[2] Цитируется Вып. 2. Тексты. С. Петербург, 1913. Былина Лодӧ-мергӗӈ (стр. 1 и сл.). Цифры обозначают строки

[3] Вместо ӧ̄ в оригинале всюду ō.

говора, но отчасти и для агинского, ср. там ẏзω̄п 'я видел'. Обратное явление, т. е. неоказание влияния со стороны *ö первого слога на долгий гласный следующего слога, наблюдается в бур. НУ, ср. тω̄рē 'заблудился' и т. д.[1]

§ 50. В связи с законом сингармонизма находится и вопрос о переходе слов из одного ряда в другой.

Как известно, в монгольском языке существует ряд парных основ с вокализмом переднего и заднего ряда, напр., *γatul-* 'переправляться', *getül-* id. и т. д. В аларском говоре наблюдаются следующие случаи соответствия основ с задними гласными основам с передними письменного языка: ӯр 'заря' = мо. *ür*, ӯрґа̄ᵢ 'гнездо' = мо. *egür* + суфф. *-gei*. Возможно, впрочем, что ӯрґа̄ᵢ следует сближать не с *egür*, но с *aγurχai* 'яма'.

В отō бāба̄ᵢ 'дедушка' = мо. *ötegü* 'старый' переход *ö > о объясняется, конечно, влиянием заднего вокализма слова бāба̄ᵢ (ср. ӧтлĕ- 'состариться'), но ср. тω̄дē < *ӧтω̄дē 'бабка'.

Обратное явление — переход заднего гласного в передний под влиянием переднего вокализма слова, к которому предыдущее слово относится наблюдается в сӧг̣тĕ сӧмбĕр 'лучезарный Сумеру' = мо. *čoγtu sümber* и в jiбӯӈ 'нашивки из мелких раковин' = мо. *ibaγu* 'раковина'.

СКОЛЬЗЯЩИЕ ГЛАСНЫЕ

§ 51. Кроме долгих, кратких первого слога и редуцированных (кратких непервого слога) необходимо еще различать в высшей степени редуцированные гласные, которые в положении перед другим гласным служат связующим звеном между ним и согласным, напр., рᵃī: здесь р соединяется не непосредственно с ī, но между ними появляется еще в высшей степени редуцированный гласный типа а, своего рода форшлаг. Ср. харᵃīӈ 'черного', ӯлᵃīӈ 'горы' и т. д. Эти гласные мы называем скользящими (Gleitlaute). Их необходимо отличать в транскрипции, так как согласные могут соединяться со следующими гласными непосредственно, напр., jaб̣хăдīн̀ (ср. § 23). Такие скользящие гласные наблюдаются перед ī, служа мостом между ним и согласным. По примеру того, как мы пользовались для обозначения кратких гласных непервых слогов знаками ă и ŏ для задних и ĕ (ĕ) для передних (ср. § 33), мы условимся соответствующие скользящие передавать знаками ᵃ ᵒ ᵉ. Практически нам придется иметь дело, однако, почти только с ᵃ ᵒ ᵉ, а также с ᵘ ẏ. Последний звук, как известно, в ряду кратких гласных непервого слога уже отсутствовал.

Что касается происхождения скользящих гласных, то в роли таковых выступают конечные гласные основы при наращении суффиксов с ī, напр.,

[1] Санжеев, бур. НУ, стр. 4.

харă 'черный' — хар^{a}ĭң 'черного'. Кроме того и специально в $^{y\ y}$ развился первый компонент дифтонгов *ui* и *üi* в непервых слогах (ср. § 43).

Знаками ^{a} и т. д. в настоящей работе передаются также сверхкраткие, сверхредуцированные гласные, напр., хар^{a} јамāң 'черная коза', которое звучит почти как хар јамāң. Наконец, редуцированный гласный может вовсе исчезнуть и тогда функция сонанта переходит к согласному. Практически наблюдаются в аларском говоре в качестве слогообразующего только л и р, которые в этой функции передаются знаками $\underset{\circ}{л}$ и $\underset{\circ}{р}$, напр., јабāдл 'отправившись' = мо. *yabuγad ele* | на^{1}мăн-др < на^{1}мăң ёдĕр 'восемь дней' = мо. *naiman edür*.

УДАРЕНИЕ И КОЛИЧЕСТВО

§ 52. В отношении ударения аларский говор, по сравнению с хоринским говором, ничего нового не дает. Тем не менее, ввиду того, что по вопросу об ударении в бурятских говорах вообще существует несколько мнений, считаю необходимым осветить его еще раз.

Историю вопроса я считаю возможным здесь обойти молчанием, так как прежние мнения об ударении в бурятских говорах приводятся Рудневым.[1] Что касается последнего высказанного в литературе мнения об ударении в бурятских говорах, то таковым является указание Руднева на то, что ударение в хоринском покоится на первом слоге слова.[2] И после того, что было в свое время сказано о монгольском ударении вообще и халхаском в частности Рамстедтом[3] и затем о хоринском Рудневым, вопрос о том, что ударение в этих наречиях всегда покоится на первом слоге, можно считать уже исчерпанным, и факт этот твердо установленным. Между тем, особый характер взаимоотношения гласных ударенного и неударенных слогов в слове вызывает часто споры о том, действительно ли ударение в бурятских говорах на первом слоге. В частности, в беседах с Б. Б. Барадиным и другими учеными и представителями интеллигенции из среды бурят, я вынес впечатление, что мнение о том, что ударение в бурятском покоится на первом слоге, разделяется не всеми.

Чтобы выяснить в чем здесь дело, считаю необходимым в дальнейшем подробнее коснуться вопроса о бурятском ударении.

§ 53. Прежде всего, какого типа ударение в монгольском языке в целом? Как в отношении халхаского наречия,[4] так и хоринского говора[5] установлено, что ударение там экспираторное. Само собою разумеется, что экспираторным оно является и в аларском говоре.

[1] ХБГ, § 76 и сл.
[2] ХБГ, § 80.
[3] SU, § 59.
[4] SU, § 59.
[5] ХБГ, § 80.

В халхаском наречии сила экспираторного ударения особенно сильная. Различие между силой экспирации ударенного слога и неударенного там так велико, что слог без ударения часто исчезает вовсе.[1] К этому можно прибавить, что в ойратских говорах неударенные слоги исчезли всюду совершенно и функции сонантов там приняли на себя многие согласные, ставшие слогообразующими.

Ударение в монгольских наречиях не совпадает с долготой гласного: долгим может быть и сплошь да рядом и бывает гласный неударенного слога. Такое ударение, не удлиняющее гласного, русскому языку не свойственно, вследствие чего русские, говорящие по монгольски, не всегда могут произнести первый слог с ударением, если он краток. В чем же проявляется тогда ударение в монгольском языке и в бурятских говорах в частности? Сила экспирации обусловливает ясность гласного ударенного слога, отнюдь не вызывая повышения в музыкальном смысле, не удлинняя гласного, но отчетливо усиливая произношение гласного ударенного слога. Эта ясность, отчетливость, это усиление звука экспираторным путем и является здесь ударением.[2]

Если сравнить силу экспирации в халхаском и в бурятских говорах, то бросается в глаза, что в бурятских говорах она значительно слабее. Вот что говорит по поводу ударенных и неударенных слогов в бурятском Руднев: „quantum дыхания, приходящийся на каждое данное слово, дав ясный первый гласный (экспираторным путем, абсолютно не повышая и не понижая голоса в музыкальном смысле), распределяется затем довольно равномерно на весь остальной состав слова (на его согласные), причем исчезновение (синкоп) или стремление к исчезновению последнего гласного, за которым следует заключительный согласный, дает в бур. Хор. (а также и бур. Аг.) род согласного „дифтонга“, ведущего к появлению и слогообразующих согласных (что мы уже наблюдали у калмыков) . . . . . В силу этого получается, я бы сказал, равновесие всего слова: напр., бурхăң ~ бурхɔң (~ бурх̥ң). Слово распадается на два слога, произносимые, так сказать, на одном уровне голоса“.[3]

Благодаря тому, что в бурятских говорах экспирация, с одной стороны, не повышает голоса и не понижает его и не удлиняет гласного, а с другой стороны, сила ее является вообще значительно меньшей, чем в халхаском наречии, при сравнении гласного ударенного слога в халхаском с таковым в бурятском, создается впечатление, что все слоги многосложного слова совершенно равноценны друг другу и ни один из них не имеет преимущества перед остальными в отношении силы гласного. Создается впечатление, что напр., в трехсложном или другом каком-нибудь

[1] SU, l. c.
[2] ХБГ, § 78.
[3] ХБГ, § 80.

слове нет ударения вовсе. И такое впечатление создается не только у лиц, вообще мало занимавшихся вопросами ударения в разных языках, но и у специалистов-фонетиков. Так напр., когда Г. Д. Санжеев, приглашенный мною к Л. В. Щербе с тем, чтобы Л. В. Щерба сообщил свое компетентное мнение об ударении в аларском говоре, произнес слово анзăhăң, Л. В. Щерба заметил, что, если угодно, ни один слог этого слова не является ударенным, ибо в отношении силы гласные всех трех слогов в этом слове являются совершенно уравновешенными.[1] Объясняется это, безусловно, тем особым свойством бурятского ударения, не повышающего и не понижающего голоса, но делающего лишь гласный ударенного слога более ясным и отчетливым. Поэтому в слове анзăhăң имеем отчетливый гласный а первого слога и не отчетливо произносимые гласные а второго и третьего слогов. За исключением отчетливости и неотчетливости, они почти ничем не отличаются друг от друга.

Ничего общего с экспираторным ударением не имеет повышение музыкального тона, которое, как правило, наблюдается как раз на последних слогах слова.

Все вышесказанное, безусловно, приобрело бы значительно большую убедительность, если бы были опубликованы экспериментально-фонетические данные. Поскольку я лично экспериментально-фонетическим исследованием данного говора не занимался, я избегаю вдаваться в подробности этого, но укажу лишь, что в результате практических работ Г. Д. Санжеева под руководством ассистентов Л. В. Щербы в кабинете экспериментальной фонетики при Ленинградском Университете выяснилось, что гласный первого слога в аларском является всегда более сильным. Эти данные экспериментального исследования были мною, конечно, приняты во внимание. Так как ударение постоянное, то оно мною не обозначается. В качестве знака ударения можно было бы применить знак : для главного и знак · для побочного ударения.

§ 54. В тесной связи с предыдущим стоит вопрос о количественной стороне гласного. В монгольском языке во всех его наречиях ударение на количество гласного не влияет: ударенный гласный не является долгим, за исключением, конечно, случаев, когда долгий гласный оказывается в первом слоге. Другими словами, долгота и ударение не совпадают: ударенным является гласный первого слога, а долгим может быть гласный любого слога.

В аларском говоре приходится различать, как уже сказано, долгие гласные и краткие (в неударенных слогах последние являются редуцированными). Но долготу в аларском говоре необходимо различать двух

[1] По вопросу об ударении мне вообще приходилось за разъяснением некоторых частностей обращаться к Л. В. Щербе. За полученные от него указания приношу ему свою искреннюю благодарность.

родов: нормальнодолгие и, так сказать, менее долгие гласные. Долгие гласные здесь обозначаются знаком ^, напр., â, а менее долгие — знаком ¯, напр., ā. Гласные нормальнодолгие мы можем условно назвать сверхдолгими, а менее долгие просто долгими, подчеркивая этим самым, что первые по отношению ко вторым являются более долгими, т. е. сверхдолгими.

Что касается теперь долготы и сверхдолготы, то по поводу этого можно заметить следующее. Прежде всего, что такое долгота? И как определяем мы на слух, что такой то гласный в данном слове долгий, а такой то краткий? Существует ли долгота, как нечто абсолютное, или это нечто относительное? Конечно, когда мы на слух определяем, что такой то гласный в данном слове долгий, а такой то краткий, мы устанавливаем это различие в количестве на основании сопоставления одного гласного с другим. Так напр., в слове орӯлхă мы находим, что у является более долгим, чем редуцированный а, следующий дальше и более долгим, чем даже о ударенного слога. Теоретически можно допустить существование такого языка, в котором количественное различение гласных совершенно отсутствует. Так напр., возможно, что в этом языке все гласные будут в отношении своей количественной стороны совпадать с о в слове орӯлха. Возможно и обратное, что все гласные будут там такими же долгими, как у в орӯлха. Можно ли говорить о долготе или краткости гласных в данном языке? Можно, конечно, если иметь в виду описательно-фонетическое исследование этого языка, можно и должно точно также, как необходимо дать описание качества гласных этого языка. Но практически, поскольку понятие долгих гласных в противоположность кратким там будет отсутствовать, обозначение долгот там не будет иметь никакого значения. Чем писать там каждый раз ā, ō и т. д., можно просто писать а, о и т. д., условившись раз навсегда, что все эти гласные по природе своей долгие, если удастся установить, по сравнению с гласными других языков, что они действительно являются таковыми. Долгота, конечно, понятие относительное. Долгим мы называем такой гласный, который по сравнению с другими кажется нам более долгим.

Эта долгота может быть разного характера. Гласные в том или ином языке могут быть нормально долгими, как напр., халх. ӯ в орӯлхӯ, но могут быть дольше гласных всех известных нам языков. Поэтому, если в одном и том же языке долгота во всех случаях одинаковая, если нет гласных, более долгих, чем обычные долгие, которые в свою очередь являются противоположностью кратким, то точное определение характера долготы практически будет излишним. В аларском же говоре приходится различать долготу и сверхдолготу. Долгими гласными в аларском говоре мы назовем такие, которые являются более долгими, чем краткие, напр., абāт, где ā дольше, чем а первого слога. Сверхдолгими же мы назовем

такие гласные, которые ясно отличаются от других долгих гласных того же слова своей еще большей долготой. Примером этого является ӯ в орӯлāт, являющийся более долгим, чем ā. Правильнее будет поэтому писать орŷлāт.

§ 55. Различение долгих и сверхдолгих гласных необходимо в двух- и многосложных словах, в которых могут встретиться два или несколько долгих гласных. Что касается односложных слов, то в них сверхдолгие гласные не наблюдаются, ср. бѿ̄ 'шаман', тѿ̄ 'пядь', hӯ 'сиди!', ӯ 'пей!' и т. д. Но стоит только односложному слову стать двухсложным (напр., если наращается суффикс), как долгота гласного первого слога становится ясно воспринимаемой на слух сверхдолготой. Долгие гласные ударенного слога двухсложной основы всегда являются сверхдолгими. Повидимому, это объясняется тем, что на гласный первого слога приходится весь максимум энергии: помимо силы экспирации, экспираторного ударения, благодаря которому даже краткий гласный становится „более ясно произносимым", здесь действует еще природная долгота его. Таким образом, „равновесие" гласных ударенного и неударенного слога, о котором приходилось говорить выше, в таких случаях явно нарушается. Долготу гласного первого слога мы будем поэтому передавать знаком сверхдолготы, напр., hỳнă 'сидит' (но hӯ 'сиди!'), ŷнă 'пьет' (но ӯ 'пей!'), ä̀ˈхă 'бояться' (но ā̄ˈ 'бойся!'), дâґăӊ 'жеребенок по второму году', ôhŏр 'бичевка' бѿ̂лĕ 'шамань!' (но бѿ̄ 'шаман'), câрhăӊ 'бумага' и т. д.

То же самое наблюдается и в трехсложных основах, напр., câрhăндă̄ 'бумаге', c̀ŷрhăн̀ĕ 'гниды' (genit.), ŷрлăхă 'гневаться' и т. д.

Если в двух- или многосложном слове имеется два долгих гласных, то ударенный гласный опять-таки является сверхдолгим, а неударенный менее долгим, напр., бѿ̂лӯ̄л 'заставь шаманить!', ŷрлā 'гневался', ŷрā 'свой гнев' (acc.), ä̂ˈґā 'боялся' и т. д.

Что касается долгого неударенного гласного двухсложного слова с кратким гласным ударенного слога, то я затрудняюсь определить на слух, является ли он долгим или сверхдолгим, ибо сверхдолгота есть нечто относительное, что может быть установлено лишь путем сопоставления. Другое дело односложные слова хāӊ 'хан' и т. д., для которых всегда можно подобрать производные (ср. хâндă 'хану', хâндā), в которых довольно ясно выступает более долгий характер ударенного гласного, в чем нетрудно убедиться, если заставить, напр., склонять или спрягать то или иное односложное слово. Возможно, конечно, что в орӯл 'введи!' ӯ является сверхдолгим по отношению к ӯ 'пей!', но я в таких случаях ставлю только знак долготы. Поэтому я пишу орӯл 'введи!', омрӯ 'нижняя часть грудной кости', тармӯр 'грабли'. Картина эта резко меняется, если за долгим гласным неударенного слога следует еще слог, т. е. когда двухсложное слово становится трехсложным: в таких случаях гласный второго слога резко удлиняется, и получается сверхдолгий, напр., орŷлхă, орŷлāт. Подобно

тому, как долгота гласного односложного слова становится сверхдолготой, когда односложное слово становится двухсложным, точно так же долгий гласный неударенного слога становится сверхдолгим, когда за ним следует еще слог.

Что касается трех- и многосложных слов, то мы видели уже, что долгий гласный неударенного слога трехсложного слова при условии, что за ним следует еще слог, стремится стать сверхдолгим, напр., орӯлхӑ. Это справедливо не только в отношении к таким трехсложным словам, гласный ударенного слога которых является кратким, но также в отношении таких трехсложных слов, ударенный слог которых долог, напр., ӯдēрē 'своей дверью'.

Оставляя эти случаи, т. е. трехсложные слова, в стороне, обратимся снова к двухсложным. Все, что будет дальше сказано, будет относиться только к двухсложным словам.

Если мы долгий гласный первого слога обозначим знаком a^1, а гласный следующего слога знаком b, с другой же стороны долгий гласный второго слога слова с кратким гласным первого слога знаком a^2 и гласный следующего за ним слога знаком c, то получим следующего рода пропорцию $a^1 : b = a^2 : c$. Как a^1, так и a^2 в таких случаях будут сверхдолгими, ср. хāӈ — хâндӑ, орӯл — орӯлхӑ.

Мы видим, что гласный стремится стать сверхдолгим, когда за ним следует еще слог.

Долгий гласный второго слога двухсложного слова с долгим гласным в первом слоге является настолько менее сильным, что вместо дâрā 'мерз' — если бы мы отказались от различения долгот и сверхдолгот и все долготы обозначали бы одним только знаком, напр., ā и т. д., — можно было бы писать дāра.

Из всего вышесказанного следует, что долгие гласные ударенного слога двухсложных слов являются всегда сверхдолгими.

Что же касается трехсложных слов, то там гласный второго слога может быть долгим при всех обстоятельствах: в случаях, когда гласные первого и третьего слогов являются долгими или краткими. Если гласный первого слога такого слова является долгим, а остальные краткими, то долгота его — всегда сверхдолгота.

Если мы теперь условимся обозначить знаком ˘ краткий гласный, а знаком ¯ и ^ долгий и сверхдолгий и поставим у каждого из них цифру, указывающую на слог, то получим следующего рода схему:

односложные слова: —

двухсложные слова: ^1 ˘2

^1 —2

˘1 —2

трехсложные слова: $\Lambda^1\ \breve{}^2\ \breve{}^3$
$-^1\ \Lambda^2\ \breve{}^3$
$-^1\ \Lambda^2\ -^3$
$\breve{}^1\ \Lambda^2\ \breve{}^3$
$\breve{}^1\ \Lambda^2\ -^3$

Примеры: хāң ʻхан', хâндă ʻхану', câшā ʻв ту сторону свою', орӯл ʻзаставь войти!', ӯрлăхă ʻгневаться', бѿлӯлхĕ ʻзаставить шаманить', бѿлӯлēт ʻзаставив шаманить', орӯлхă ʻзаставить войти', орӯлā ʻзаставил войти'.

Исключение из всего сказанного представляют собою лишь некоторые суффиксы, т. е. случаи, когда мы сталкиваемся с морфологизованными фонемами. Так например, обычно сверхдолгим является показатель безличного притяжания, делающийся сверхдолгим за счет долготы падежного суффикса, ср. мінâґāрâ ʻсвоей плетью', которое представляет собою случай, как раз обратный тому, то мы видели в бѿлӯлēт.

Так как после всего сказанного неясностей быть не должно, то, оговорив все это, я в предположенных к изданию дальше текстах буду обозначать долготу и сверхдолготу разными знаками только в самых исключительных случаях, чтобы не осложнять транскрипции.

§ 56. На некоторое из того, что было изложено выше, обратил внимание еще Руднев. Так напр., он говорит: „колебания долготы и краткости в одном и том же слове наблюдаются часто: хӯң ʻчеловек', в косвенных падежах дает основу хӯн, ... : хӯнē". И далее: „правильнее и типичнее было бы для бур. писать везде ӯ (долгий), так звучит это слово и у бур. Сев. и у бур. Аг.".[1] Безусловно это надо понимать в том смысле, как это было изложено выше: хӯң ʻчеловек' в правильной передаче будет хӯң, а хӯнē — хӯнē. Далее, Руднев говорит, что „долгие гласные, особенно в auslaut'е по моим наблюдениям . . . . . стремятся к превращению в краткие и часто являются средними, что я отмечаю гласными без знака краткости или долготы".[2] Безусловно, и это находится в полном согласии с вышеуказанным здесь: как выше было сказано, мы могли бы, отказавшись от различения сверхдолгот и долгот вместо дâрā писать дāра, указывая этим самым, что конечный а является уже почти средним. Но хотя кое что из вышеизложенных фактов и бросилось Рудневу в глаза, системы во всем этом он не подметил, почему это и потребовало здесь столь подробного обсуждения.

По поводу конечных долгих гласных, стремящихся стать краткими, можно заметить, что напр., в тунгусском языке долготу гласного конечного слога иногда бывает очень трудно определить: на помощь приходит тогда образование от данных слов других форм путем наращения

[1] ХБГ, § 75.
[2] L c

суффикса, в результате чего слово становится длиннее на один слог. Так напр., в слове hунāт 'дочь' долгота а является значительно менее отчетливой и вполне ясно выступает лишь тогда, когда слово делается на один слог длиннее, напр., hунāтпе.[1]

§ 57. В связи с долготой стоит вопрос о сокращении долгих гласных.

Последовательно сокращаются долгие гласные дифтонгического происхождения на конце основы, если присоединяются суффиксы, начинающиеся на долгий гласный. Это сокращение имеет место, если между долгим гласным основы и суффиксом возникает j, и не имеет места, если там появляется ҕ или ґ.

Так, сокращается долгий гласный дифтонгического происхождения перед:

1) суффиксом винительного и родительного падежей с безличным притяжанием, напр., нохӧ̄ⁱ 'собака' — нохӧjō;

2) суффиксом творительного падежа, напр., далā̄ⁱ 'море' — далăjāр (но далā̄ⁱҕāр), харгʸī 'дорога' — харґăjāр.

Сокращается также долгий гласный суффикса -тē ~ -тē comitativi (<*-*tai*) перед суффиксом безличного притяжания, напр., ахăтē 'со старшим братом' — ахăтăjā 'со своим старшим братом'.

В положении после слога с долгим гласным сокращается долгота вопросительной частицы ī, напр., jёрхīш 'ты придешь?', но jёрējĕш 'ты пришел?'.

К историческому сокращению долгих гласных ср. § 45.

§ 58. В связи с ударением и количеством гласных стоит вопрос об отпадении гласных. Как правило можно установить, что краткие гласные неударенных слогов в соседстве с долгими слогами стремятся к исчезновению. Явление это общеизвестно и на нем не стоит останавливаться.

Гораздо интереснее отпадение перед слогом с долгим гласным начальных гласных. Это явление находит свое объяснение в том, что в известных случаях весь центр тяжести перенесся с краткого, но ударенного слога на долгий, но неударенный слог. Если обычно краткий ударенный слог и остальные краткие слоги находятся в известном равновесии, то равновесие это иногда нарушается, когда за кратким ударенным слогом следует долгий слог, результатом чего ударенный гласный редуцируется и исчезает даже вовсе. Так напр., часто утрачивают гласный первого слога некоторые enclitica, ср. jёрē-хᵃдā (почти jёрē-хдā) 'если придет'. Как правило, теряет свой гласный частица отрицания при повелительном наклонении *buu*, напр., б-ошŏ 'не ходи!', бᵃ-харă 'не смотри!'.

[1] См. мою рецензию на книгу Е. И. Титова. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926. Asia Major, Vol. IV, Fasc. 2—3, S. 480.

Часто теряют свой начальный гласный вторые компоненты некоторых сложных слов, напр., хур-лāң < хўрĕң улāң 'темно красный' (с переходом ў > у под влиянием заднего вокализма следующего компонента).

Вообще в положении перед долгими слогами ударенные гласные часто редуцируются, ср. т^{e}рēнĕ (почти трēнĕ) 'его' (genit.) | т^{o}лō (тлō) 'ради' = мо. *tula* | балāхă ~ б^{a}лāхă (~ блāхă) 'отнимать' = мо. *buliya-*.

Ср. далее hўгē' 'пятка' = мо. *ösügei* | hеjē 'войлок' = мо. *isegei* | нēң (~ ēнēң) 'корова' = мо. *üniye* | нēхĕ 'смеяться' = мо. *iniye-* (в аларск. совпало с *nege-* 'открывать') | нērē 'поистине' = мо. *üneger-iyen* (ср. халх. нērў 'правда?') и т. д.

Наконец, по несовсем понятным причинам наблюдается исчезновение начального гласного даже в случаях, когда долгих гласных в данном слове нет, ср. мĕдĕхĕ (~ ēмĕдхĕ) 'одевать' = мо. *emüs-*.

§ 59. В заключение этой части фонетики дается таблица всех гласных аларского говора.

ТАБЛИЦА ГЛАСНЫХ

		Задние (back)				Передние (front)			
		Задний ряд		Передний ряд		Задний ряд		Передний ряд	
		Кр.[1]	Щ.[2]	Кр.	Щ.	Кр.	Щ.	Кр.	Щ.
Ясно артикулируемые	Узкий (high)	—	—	—	—	ў [ȳ]	ı [ī]	ӳ [ӯ]	і [ī]
	Полуузкий (high-mid)	у [ȳ]	—	—	—	ӧ	є	—	ё
	Полуоткрытый (mid)	о [ō]	—	ȯ [ō]	—	—	ɛ̄	ӧ̄	ė, ē
	Открытый (low)	—	а [ā]	—	ȧ [ā]	Ō	ā	—	—
Неясно артикулируемые		ŏ	ă	—	—	—	ĕ	—	ĕ

[1] Округленное отверстие губ.
[2] Щелинное отверстие губ.

В скобки заключены долгие эквиваленты основных гласных. Долгие гласные, не заключенные в скобки, соответствующих им кратких не имеют.

Если при гласном отсутствует скобка с заключенным в ней долгим, это значит, что данный гласный в качестве долгого не встречается.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ МОРФОЛОГИИ

§ 60. Не ставя себе задачи писать подробную грамматику аларского говора, я ограничиваюсь в этой части своей работы сообщением лишь того, что по части морфологии удалось мне наблюсти. Составление такой грамматики я считаю в настоящих условиях преждевременным. Аларский говор представляет ведь собою лишь один говор и притом очень небольшой и во многом несущественно отличающийся от соседних. Эти различия, как это можно думать a priori, главным образом фонетического характера. Что же касается морфологической стороны, то хорошо если удастся в этом говоре отметить существование одной, другой формы, не известной другим говорам. Я озаглавливаю эту часть своей работы „Материалы для морфологии", ибо полагаю, что на основании этих материалов и других, которые когда-нибудь будут собраны по другим говорам, удастся составить грамматику общебурятскую, в которой будет дана подробная морфология всего бурятского наречия с учетом всех форм, которые наблюдаются во всех говорах. Издаваемые здесь материалы для морфологии обнимают собою главным образом наблюдения над словоизменением. Что же касается словообразования, то оно отсюда исключено совершенно сознательно, ибо ему не место в диалектологическом исследовании, особенно если формы данного говора представляют собою лишь фонетические варианты уже известных.

ИМЯ

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 61. Числительные в аларском говоре отличаются от хоринских лишь фонетически, причем это различие в некоторых случаях только кажущееся, ибо хоринские формы в смысле точности их передачи Рудневым возбуждают некоторые сомнения.

Привожу единицы и десятки:

1. нєгĕӊ,	3. ґурбăӊ,	5. табăӊ,
2. хоjŏр,	4. дӧрбĕӊ,	6. жорґōӊ,

7. долōң,	30. ґушăң,	80. најăң,
8. на̄ˡмăң,	40. дӧшĕң,	90. јёрĕң,
9. јӱhĕң,[1]	50. та̇бăң,	100. зӯң,
10. арбăң,	60. жорŏң,	1000. м̀іңґăң (~ м̀аңґăң).
20. хор̀ŏң,	70. далăң,	

§ 62. Порядковые образуются при помощи суфф. -т̀хă ~ -т̀хĕ, напр., нєгĕт̀хĕ 'первый' и т. д. Форма на -т̀хă употребительна не везде на территории распространения аларского говора. Так напр., ее в улусе Алят не знают. Вместо этого в Аляте употребляется форма, указанная в § 65.

§ 63. Разделительные образуются при помощи суфф. -āт (-ēт, -ōт, -ѿт). Не по общим правилам образованы нєжēт (instr. нєжēhēр) 'по одному' и хошōт 'по два'. Остальные по общим правилам, напр., ґурбāт 'по три'.

§ 64. Собирательные образуются при при помощи суфф. -ӯлăң (-ӯ̄лĕң), напр., ґурбӯлăң 'втроем', дӧрбӯ̄лĕң 'вчетвером'.

§ 65. Множительные употребляются редко. Местами можно услышать форму хошōт̀хŏ 'два раза', но обычно такие формы значат 'каждый во второй раз'. В говоре бур. НУ суфф. -āтk'ă < -*γad-ki служит для образования порядковых.[2] Ср. еще ґурбāт̀хă 'каждый в третий раз' и т. д. Восходит суфф. -āт̀хă к -*γad-ki-ben.

Обычно в значении 'один раз' и т. д. употребляются количественные, напр., нєгĕ јабāп 'я ходил один раз'.

§ 66. К числительным можно прибавить некоторые числительные слова:

утăрха̄ˡ 'половина',
халтăрха̄ˡ 'половина' (устаревшее слово),

ӧрѿhĕң 'один из парных предметов', напр., ӧрѿhĕң хӧлтē 'с одной ногой',

дабхăр 'двойной',
ґансăхăң 'единственный'.

§ 67. В связи с числительными стоят слова, обозначающие возраст животных:

ґунăң у̇хĕр 'трехлетний бык',
ґун̇жăң н̇ēң 'трехлетняя корова',
дӧнĕң у̇хĕр 'четырехлетний бык',
дӧн̇жĕң н̇ēң 'четырехлетняя корова'.

[1] Любопытно отметить, что в instr. и других формах с суффиксами с долгими гласными долгим гласным здесь является ѿ, а не ē, напр., јӱhѿр (instr.).

[2] Санжеев, бур. НУ, стр. 8.

Формы ґунăң и дӧнĕң образованы от тех же корней, что ґурбăң 'три' и дӧрбĕң 'четыре'.[1]

Сюда же относятся возрастные обозначения членов семьи:

ґушă 'правнук' и дӧшĕ 'праправнук'.[2]

§ 68. С числительными иногда ставят в связь названия пальцев.[3]

У аларских бурят известны следующие названия пальцев:

ė̀рхē¹ — большой палец, дол̀ōбŏр — указательный, дундă хур̀ăґăң — средний, нєр у̀бē¹ — безымянный, шёгĕшē¹ — мизинец.

Детские названия пальцев в той же последовательности суть:[4]

в улусе Шапшалтуй:	в улусе Тайшин:
бат бāр̀ăң,	бат бāлā¹,
батăң хȫл̀ĕң,	батăң тȫлē¹,
тӧб̥ тȫр̀ĕң,	тȫ¹хȫ¹ тоб̥шŏ,
ту̀хĕнēң бāтăр,	тохŏнē бāтăр,
бішāхăң шохōдŏң,	бішāхăң шёгĕб̥шē.

§ 69. В связи с числительными укажу на старые названия месяцев:[5]

I. буҕă,	VII. хожŏ,
II. хусă,	VIII. ӧгȫлжĕң,
III. улāң зудăң,	IX. хȳг,
IV. јёхĕ бурҕăң,	X. улăрă,
V. баҕă бурҕăң (или ноҕōтŏ),	XI. у̀р̀ē,
VI. ґаӈă,	XII. ґурăң.

§ 70. В заключение привожу еще некоторые слова, относящиеся к категории понятий о времени:

ӈодŏнŏң жіл 'прошлый год',
урзăнăң жіл 'позапрошлый год',
ур̀ī урзăнăң жіл 'год, предшествующий позапрошлому',
хȫ¹тŏ жіл 'будущий год',
хȫ¹сŏндŏ 'в будущем году'.

[1] Н. Н Поппе. Монгольские числительные. Языковедные проблемы по числительным. Сб. I, Ленинград, 1927, стр. 108—109.

[2] Поппе, l c.

[3] G. J. Ramstedt. Über die Zahlwörter in den altaischen Sprachen. JSFOu XXIV, 1, S. 15.

[4] Ср. Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым, о. Н. Затопляевым и другими. Зап. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва. По отделению Этнографии, т. I, вып. 1. Иркутск, 1889, стр. 131—132.

[5] По этому вопросу см. Wł. Kotwicz. O chronologji mongolskiej. Rocznik Orjentalistyczny. T. II. Lwów, 1925, стр. 224 и сл.; T. IV. Lwów, 1928, стр. 115 и сл.

ёсхĕдĕр ~ ёсхĕлдĕр ‘вчера’,
уржă-дĕр ‘позавчера’,
ур̀ī уржă-дĕр ‘день, предшествующий уржă-дĕр’,
маргāшă ‘завтра’,
нёгѺдĕр ‘послезавтра’,
хонŏхŏ ‘проводить ночь, сутки’,
ёнжĕхĕ ~ ёнжĕхĕ ‘проводить две ночи’,
хоjŏр ёнжĕхĕ ‘проводить три ночи’,
ґурбă ёнжĕхĕ ‘проводить четыре ночи’ и т. д.

СКЛОНЕНИЕ

§ 71. Падежные суффиксы в единственном числе и множественном, за редкими исключениями, которые будут оговорены ниже, совпадают.

Склонение можно различить нескольких видов. Самым простым является склонение имени как такового. Возможно склонение имен с личными притяжательными или безличными притяжательными суффиксами. Наконец, есть двойное склонение. Склонение местоимений отлично от такового других имен.

Что касается основы, то она совпадает с именительным падежом. Исключение представляют собою основы на -н, конечный звук которых в ряде падежных форм отбрасывается (в accusativ'e, comitativ'e, instrumentalis, directiv'e) и сохраняется в genitiv'e, dativ-locativ'e, ablativ'e, inessiv'e, и в отличие от халхаского, за редкими исключениями, всегда в nominativ'e (ср. модŏң ‘дерево’).[1] Таково общее правило, но имеется ряд исключений. Так напр., от некоторых слов, как мергĕң ‘стрелок’, основой в склонении всюду, кроме формы accusativi, будет мергĕн-, напр., мергĕнтē, мергĕнĕр и т. д.

Перед суффиксом множественного числа -т теряют свой конечный звук и некоторые другие основы, ср. туґăл ‘теленок’ — туґăт мн. ч. и т. д. Переходим к отдельным падежным формам.

§ 72. Genitivus (родительный падеж) образуется от разных основ по разному.

От основ, оканчивающихся на согласные, он образуется при помощи суффикса -ĕ (точнее -ə) и -ī, из которых последний наблюдается при основах на -т (-д̣). Вместо -ĕ и -ī употребляется суффикс -ā ~ -ē, наблюдаемый преимущественно в тех случаях, когда форма стоит не в предложении, а изолированно. Основы на -н образуют genitiv безразлично на -ĕ или -ā ~ -ē. Основы со всеми остальными согласными образуют genitiv при помощи суффикса -ĕ с палатализацией конечного согласного основы.

[1] Ср. напр., нарă ‘солнце’, но instr. нарнāр и т. д.

Примеры: булăт ʻсталь' — бул^{a}ī[1] ~ булăhā[2] | маңғăт ʻрусский' — маңғ^{a}ī ~ маңғăhā | ўхĕр ʻбык' — ўхĕрĕ ~ ўхĕрē | хĕл ʻнога' — хĕлĕ | ғал ʻогонь' — ғалĕ ~ ғалā | булăk ʻисточник' — булăjĕ ~ булăɣā | ғар ʻрука' — ғарĕ ~ ғарā | нĕң ʻкоров' — нĕнĕ (~ нēнē) | уһăң ʻвода' — уһăнĕ (~ уһăнā) | модŏң ʻдерево' — модŏнĕ (~ модŏнē).

Основы, оканчивающиеся на долгие гласные недифтонгического происхождения, образуют родительный падеж при помощи суффикса -jĕ, (если форма в предложении) и -ɣā ~ -гē (если форма стоит изолированно).

Примеры: бӧ̄ ʻшаман' — бӧ̄jĕ ~ бӧ̄гē | мінā ʻплеть' — мінājĕ ~ мінāɣā | ĕрjӯ ʻдурак' — ĕрjӯjĕ | бурӯ ʻтеленок' — бурӯjĕ ~ бурӯɣā.

Сказать бӧ̄гē дегĕл ʻшуба шамана' нельзя, следует бӧ̄jĕ дегĕл, но на вопрос ʻчья шуба?' при коротком ответе ʻшамана!' можно сказать только бӧ̄гē.

Основы, оканчивающиеся на краткие гласные, образуют genitiv при помощи суффикса -īң, гласный которого обычно сливается с конечным гласным основы, в результате чего конечный ă > ā, ĕ > ē и т. д. При помощи этого суффикса образуется genitiv и от основ, оканчивающихся на долгий гласный дифтонгического и реже, по аналогии, и недифтонгического происхождения.

Примеры: ехĕ ʻмать' — ехēң ~ ех^{e}īң | hӯлғă ʻведро' — hӯлғāң | хусă баран' — хусāң | ĕзī ʻбаба' — ĕзīң | ībī ʻмать' — ībīң | hejē ʻвойлок' — hejēң | далā ʻморе' — далāң | нохӧ^{1} ʻсобака' — нохӧ^{1}ң | ӧ ʻлес' — ӧң | ĕлē ʻкоршун' — ĕлēң | харғ^{y}ī ʻдорога' — харғ^{y}īң.

В хоринском имеем (-ā), -ē, -ī, -īң, (после согласных), долгий гласный (после н), -ɣā, -ɣīң, -īң или -ң (после долгих гласных).[3]

В письменном языке соответствуют: -*un* (после согласных), -*u* (после *n*), -*yin* (после гласных). Аларские суффиксы восходят: -ĕ к -**i*, -jĕ к -**i* с вставным -*y*-, -ā тоже к -**i*. По поводу -**i* > ā можно заметить, что такое развитие получилось, очевидно, из слияния скользящего гласного и -ī: булăhā очевидно < *булăh^{a}ī < **bulad-i*. Суффикс -īң восходит к -**yin*, напр., hӯлғāң < *hӯлғ^{a}īң < **sayulya-yin*. Другими словами, -ĕ и -ā < -**i* < -**ï* ~ -**ī* > мо -*u*, -īң < -**ïn* ~ -**īn* > мо -*un* ~ -*yin* (-*y-in*).[4] Во множественном числе суффиксом genitivi обычно является -ī, т. е. как при основах на -т (-д), также и при личных местоимениях.

§ 73. Accusativus (винительный падеж) образуется от основ, оканчивающихся на согласный, кроме н, при помощи суфф. -ĕ (точнее -ə) с палатализацией конечного согласного основы (совпав с genitiv'ом), реже при помощи суфф. -ījĕ (точнее -ījə) > -ī.

[1] В предложении.

[2] Изолированно.

[3] ХБГ, § 113; ср. Castrén, § 35.

[4] Ср. Geserica, S. 61.

Примеры: ґал ʻогонь' — ґалĕ | хӧл ʻнога' — хӧлĕ (~ хӧлїjĕ) | ґар ʻрука' — ґарĕ | булăт ʻсталь' — булăhїjĕ (~ булăhї) | маңґăт ʻрусский' — маңґăhї.

Основы, оканчивающиеся на долгие гласные, образуют accusativ при помощи суфф. -jĕ (точнее -jə, совпав с genitiv'ом). Основы, оканчивающиеся на краткий гласный, образуют винительный падеж при помощи суффикса -їjĕ (точнее -їjə), долгий ї которого сливается с конечным гласным основы, причем ă дает ā, ŏ > ō и т. д. Основы на -н образуют accusativ путем отбрасывания конечного н или же, утратив свой н, образуют его как основы на краткий гласный.

Примеры: ō ʻлес' — ōjĕ | мінā ʻплеть' — мінājĕ | ėрjӯ ʻдурак' — ерjӯjĕ | ехĕ ʻмать' — ехējĕ | hӯлґă ʻведро' — hӯлґājĕ | yhăң ʻвода' — yhājĕ или yhă | модŏң ʻдерево' — модōjĕ или модŏ.

В хоринском соответствуют: -iji, -ji, -ʼi, -i.[1] В письменном языке имеем -*i* (после согласных) и -*yi* (после гласных).

Аларские суффиксы восходят: -ĕ к -**i*, -jĕ к -**yi* (где -*y*- вставочный), суфф. -їjĕ к -*їґї = мо. -*yi*. В основе всех этих суффиксов лежит -**i* (= мо -*i* и -*yi* < -*y*-*i*).

§ 74. Dativus-locativus (дательно-местный) образуется совершенно как в хоринском. Суффиксом является -дă (-дĕ, -дŏ), -тă (-тĕ, -тŏ). Восходит -дă и т. д. к -**du* = мо. -*du* (более обычный суффикс письменного языка -*dur*).

§ 75. Ablativus-elativus (исходный падеж) образуется при помощи суффикса -hā (-hē, -hō, -hō̄).

Примеры: ехĕ ʻмать' — ехĕhē | hӯлґă ʻведро' — hӯлґăhā | маңґăт ʻрусский' — маңґădhā | хусă ʻбаран' — хусăhā.

В положении после согласного h нередко исчезает, напр., модŏнhō ~ моднō, маңґădhā ~ маңґădā.

Если основа оканчивается на долгий гласный (любого происхождения), то между суффиксом и конечным долгим гласным основы вставляется -ґă-, -ґĕ, -ґŏ-, напр., бурӯ ʻтеленок' — бурӯґăhā | ėрjӯ ʻдурак' — ėрjӯґĕhē | ėзї ʻбаба' — ėзїґĕhē | hejē ʻвойлок' — hejēґĕhē | мінā ʻплеть' — мінāґăhā.

Обычно h при этом выпадает и получается -ґā и т. д., напр., бурӯґā. В хоринском суффикс всегда -hā и т. д. и, согласно Рудневу, также и после долгих гласных основы, напр., улāhā.[2]

В халхаском суффиксом исходного падежа является -āc, -ēc, -ōc, -ō̄c.

В письменном имеем -*еče* ~ -**ača*.

По сравнению с халхаским и со всеми другими известными нам наречиями кажется странным, почему в бурятском имеем -hā, а не -āhă.

[1] ХБГ, § 115.
[2] ХБГ, § 116, 129.

Руднев по этому поводу говорит: „письм. «ача», «ече» с долгим первым гласным (ā, ē); эту долготу мы находим и в х. Ург. и калм. и отчасти в восточном, но в бур. Хор. ее абсолютно нет (Castrén не прав, давая âha, êhe.....[1])".

Но вот, если взять аларский говор, то мы находим, что между суффиксом и конечным долгим гласным основы вставляется -ґă-. Мы же знаем, что такое -ґă- вставляется всегда между долгим гласным основы и долгим гласным суфикса, ср. халх. уjā 'привязь' — уjāӈāр 'привязью'. Это указывает на то, что -hā еще совсем недавно развилось из -*āhā, и Кастрен, конечно, совершенно правильно заметил эту долготу в нижнеудинском и других говорах.[2] Прибавлю, что в баргу-бурятском (Хайларского округа) суффиксом ablativi как раз является -āhă, причем любопытно отметить сохранение гласного ā также в положении после о предыдущего слога, ср. холāhă 'издалека', морĭнāhă 'от коня'.

Итак, -hā восходит к -āhā, где первый ā исчез, став кратким, как вообще иногда исчезают долгие гласные, ср. хатăтē 'с царицей' и хатăтăjā со своей царицей' (часто даже хатăт^{a}jā). Это -*āhā восходит к -*āsā > халх. -āс. Последнее, т. е. -*āsā восходит к -*ača < -*a* (суфф. dativi) + -*ča* (старый суффикс исходного падежа, засвидетельствованный во многих старых рукописях). Мы видим, что бурятский суффикс исходного падежа восходит к тому же прототипу, что и халхаский и ойратский. Рамстедт неправ, когда он утверждает, что бурятский суффикс -hā восходит к -*ča без *a* в начале, т. е. не к -*ača, ибо ему было очевидно неизвестно, что Кастреном была засвидетельствована форма этого суффикса -āha, а также то, что между долгим гласным основы и суффиксом вставляется -ґă-, как обычно бывает, когда к основе с долгим гласным в исходе присоединяется суффикс с долгим гласным.

Что *č в этом суффиксе соответствует в бурятском h, свидетельствует о том, что в бурятское наречие этот суффикс попал уже с *s. Этот *s* суффиксе ablativi повидимому очень давнего происхождения, ибо в настоящее время нет наречий, где в суффиксе исходного падежа *č* сохранился бы как аффрикат (даже в архаичном дагурском наречии вместо *č в этом суффиксе имеем с). Суффиксы халх. -āс, бур. -āhā и т. д. восходят к -*āsā ~ -*āča > мо. -*eče*.

§ 76. Comitativus-sociativus (падеж на вопрос „с кем") образуется при помощи суфф. -тē ~ -тē.[3] Конечный н основы перед этим суффиксом, как правило, отбрасывается. Обычно эта падежная форма употребляется с суффиксом личного притяжания, при чем в таких случаях гласный суф-

[1] ХБГ, § 116.
[2] Castrén, § 38.
[3] Ср. ХБГ, § 117

фикса -тӗ сокращается. Вместо comitativ'а на -тӗ ~ -тē часто употребляется в его значении instrumentalis. Форма comitativi созвучна с прилагательным принадлежности, ср. ґазăртӗ 'с землею' и 'имеющий землю', ахăтӗ 'со старшим братом' и 'имеющий старшего брата'. Многие основы на -н сохраняют в comitativ'е свой н, напр., хатăнтӗ 'с царицей' (односложные обычно, напр., хāнтӗ ~ хāтӗ 'с ханом'). Любопытно отметить, что прилагательные от этих основ обычно не имеют н, напр., хāтӗ 'имеющий хана', хатăтӗ 'имеющий царицу': в этом проявляется стремление фонетически разграничить эти близкие по смыслу и в звуковом отношении формы. Что касается формы comitativi с безличным притяжанием, то здесь -н всегда исчезает, напр., хатăтăjā 'со своей царицей' и сохраняется лишь изредка при односложных основах, напр., хāнтăjā ~ хāтăjā 'со своим ханом'.

§ 77. Instrumentalis (падеж орудный на вопрос „при помощи кого, чего", „чем") образуется при помощи суфф. -āр (-ēр, -ōр, -ŏ̄р). Конечный н основы перед этим суффиксом, как правило, отбрасывается. Между долгим гласным основы и суффиксом вставляется -ʂ- (-ґ-), -г- или -j-, последний в том случае, если долгий гласный основы дифтонгического происхождения, причем долгота конечного гласного основы в таком случае исчезает.

Примеры: ехӗ 'мать' — ехēр | hӯлґă 'ведро' — hӯлґāр | бурӯ 'теленок' — бурӯʂāр | ėзī 'баба' — ėзīгēр | ґал 'огонь' — ґалāр | хӧл 'нога' — хӧлŏ̄р | нохӧ[1] 'собака' — нохӧ[1]ʂōр ~ нохŏ̈jōр | харг[y]ī 'дорога' — харгīґāр ~ харґăjāр | дала̄ 'море' — дала̄[1]ʂāр ~ далăjāр.

В хоринском имеем суфф. -āр и т. д. и -ґāр и т. д.[1] В письменном соответствует *-ber* (после гласных) и *-iyer* (после согласных).

§ 78. Inessivus-illativus (на вопрос „в чем, во что") образуется при помощи суфф. -сō, напр., hӯлґă 'ведро' — hӯлґăсō | ґал 'огонь' — ґалсō | дала̄ 'море' — дала̄'сō.

В хоринском так же.[2] В письменном и других наречиях, кроме бурятских, этой формы нет. Вероятно -сō восходит к -**cò* < **docò* ~ *dotu-r-a* 'внутри'.[3]

Форма на -сō, которое не подчиняется закону сингармонизма, собственно говоря, не падежная, ибо это -сō есть сокращение послелога, а не суффикс. Возможно, что правильнее было бы писать не герсō, ґалсō и т. д., а гер-сō, ґал-сō и т. д. Во всяком случае такие формы как ґалсō стоят на пути к становлению падежными формами.

§ 79. Directivus (падеж направления) образуется при помощи суфф. -рӯ (-рӯ), совершенно как в хоринском.[4] В письменном по значению

[1] ХБГ, § 118.
[2] ХБГ, § 121.
[3] ХБГ, § 122.
[4] ХБГ, § 124.

соответствует *uruγu* 'вниз по', но ср. мо. *inaru*, *c̀inaru* и т. д., ср. также древнетюркское *-ru*.[1]

На ряду с этой формой существует в омертвелых образованиях формант -ҕӯр в дōҕӯр 'по низу', дēгӯр 'поверху' и т. д. Это -ҕӯр часто наращается к суффиксу inessivi-illativi, ср. уһăнсōҕӯр 'под водой'. Это -ҕӯр (где -ҕ- вставочный) вполне соответствует -ӯр в дэрбетском Астраханском и других ойратских говорах.

Наконец, существует еще один способ выражения понятия направления, а именно при помощи послелога тēшĕ 'в сторону', где -шĕ восходит к -**si* (ср. мо. *χoyisi* 'назад') и где основой является тē- < **tege-*, ср. халх. ен'т'ē 'находящийся на этой стороне' (< **ene tege*), т'ер'т'ē 'находящийся по ту сторону' (< **tere tege*) и т. д.

Это тēшĕ находит полное соответствие во всех бурятских говорах, в халхаском и т. д.

§ 80. Modalis (падеж образа действия) уже не может быть отнесен к падежным формам; ибо представляет собою уже омертвелую форму и засвидетельствован лишь от нескольких слов. Значение таких форм „как, каким образом, каким манером".

Засвидетельствован он в мӯсă 'дурно', hā'сă 'хорошо, по хорошему' и т. д. Суфф. -сă восходит здесь к -**ča*, следовательно восходят указанные формы к **maγuča* и **sayiča*.

§ 81. Кроме простого склонения в аларском говоре, как во всех бурятских говорах и других монгольских наречиях, существует двойное склонение. Оно сводится к образованию падежных форм от других падежных форм. Обычно падежными формами, допускающими образование дальнейших, являются в аларском genitivus, locativus, comitativus и inessivus.

Не следует думать, что от этих падежных форм могут быть образованы любые: возможности довольно ограничены. Так напр., от формы genitivi засвидетельствованы формы dativi-locativi, от форм locativi только ablativi-elativi, от форм comitativi обычно употребляется только instrumentalis или ablativus, от форм inessivi только ablativus или prolativus на -ҕӯр.

Значение этих двойных падежных форм не то, что простых. Так, genitivus в роли склоняемой основы имеет значение „дом", „семья и т. д. такого то", comitativus „сообщество с таким-то", а форма inessivi в роли склоняемой основы показывает, что то, что выражается падежным суффиксом, присоединяемым к ней, происходит в тоже время внутри предмета.

Примеры: хāнāдā 'к своему хану' ('в дом', 'в доме своего хана') | шуһăт^{a}jāр 'с кровью' | уһăнсōґŏһō 'изнутри воды' | уһăнсōҕӯр 'по воде' или 'под водой'.

[1] Geserica, S 25.

Интересную форму представляет собою мансīтăjāhāṅ ʿот своих пеленок' (ablativus-elativus от формы comitativi с притяжанием).

§ 82. Pluralis (множественное число) образуется при помощи суфф. -д̮ (-т) и -ӯт (-ӯт). Суффикс -т образует множественное число от основ, оканчивающихся на гласные и на н, а также очень редко на л, причем конечные н и л отбрасываются и суффиксы присоединяются непосредственно к гласному последнего слова основы.

Примеры: yhăṅ ʿвода' — yhăт | модŏṅ ʿдерево' — модŏт | jамāṅ ʿкоза' — jамāт | одŏṅ ʿзвезда' — одŏт | таśā̆ ʿкурица' — таśāт | ахă ʿстарший брат' — ахăт | ерĕ ʿмужчина' — ерĕт | туґăл ʿтеленок' — туґăт.

Суфф. -ӯт образует множественное число от основ, оканчивающихся на согласный, причем конечный д̮ основы дает обычно тогда h. Если суффикс этот присоединяется к основе, оканчивающейся на гласный, что тоже возможно, то между гласными вставляется н, т. е. получается -нӯт. Суффикс -нӯт может наблюдаться также после р и л основы.

Примеры: баṛāт ʿбурят' — баṛāд̮ӯт ~ баṛāhӯт | улăт ʿнарод' — улăhӯт | маңґăт ʿрусский' — маңґăд̮ӯт ~ маңґăhӯт | булăт ʿсталь' — булăhӯт | ėзī ʿбаба' — ėзīнӯт | ґар ʿрука' — ґарнӯт | ґал ʿогонь' — ґалнӯт и т. д.

Очень распространено образование множественного числа при помощи обоих суффиксов -т и -ӯт сразу — получается сложный суффикс -д̮ӯт ~ -hӯт, или -нӯт и -ӯт — получается -*нӯhӯт > -*нӯhӯт > -ннӯт (где ӯ, принадлежащий к -нӯт, сократился и исчез).

Примеры: ехĕ ʿмать' — ехĕhӯт | hӯлґă ʿведро' — hӯлґăhӯт | бурӯ ʿтеленок' — бурӯhӯт | модŏṅ ʿдерево' — модŏhӯт (редко) | моṛŏṅ ʿконь' — моṛŏhӯт | ṅēṅ ʿкорова' — ṅēhӯт | ėрjӯ ʿдурак' — ėрjӯhӯт | ībī ʿмать' — ībīhӯт | hejē ʿвойлок' — hejēhӯт | jамāṅ ʿкоза' — jамāhӯт | одŏṅ ʿзвезда' — одŏhӯт | ахă ʿстарший брат' — ахăhӯт | ерĕ ʿмужчина' — ерĕhӯт | мīнā ʿплеть' — мīнāhӯт | нохŏ̄¹ ʿсобака' — нохŏ̄¹hӯт | харг^{y}ī ʿдорога' — харг^{y}īhӯт | ŏ̄ ʿлес' — ŏ̄¹hӯт | ґар ʿрука' — ґарнhӯт | бŏ̄ ʿшаман' — бŏ̄nhӯт | хӧл ʿнога' — хӧлнhӯт | ėзī ʿбаба' — ėзīнhӯт | ā¹л ʿсосед' — ā¹лhӯт.

В хоринском говоре этим суффиксам соответствуют -т, -ӯт (-нӯт) и -д̮ӯт (последний из -т + -ӯт).[1]

Суффикс -т аларского говора восходит к -*s ~ -*d, ср. ехĕт = мо. *ekes*, модŏт = мо. *modud*. Суфф. -ӯт восходит к -*ud*, ср. улăhӯт = мо. *ulus-ud*.

Что касается вставного н в ėзīнӯт и т. п., то ср. мо. -*nuγud* в *γal-nuγud* и т. д.

Сложный суфф. -hӯт находит тоже свои параллели в других монгольских наречиях, ср. халх. еххĕнĕрӯт ʿженщины', сăĕд̮ӯт ʿминистры' и т. д., которые по своему происхождению являются формами множественного числа.

[1] ХБГ, § 106—108; ср. Castrén, § 42; Bálint, p. 208—209.

Суфф. -нăр хоринского говора (= мо. *-nar*) в аларском наблюдается только в шаманской поэзии, ср. бо̄нĕр 'шаманы'.

Вместо этого можно привести суфф. -шӯт или -шӯл, о котором из прежних исследователей упоминают лишь Орлов и Bálint,[1] ср. бо̄ 'шаман' — бо̄шӯл, бајăң 'богач' — бајăшӯл, баґă 'маленький' — баґăшӯт ~ баґăшӯл 'малыши'.

Суффикс этот в хоринском имеется, хотя Руднев его и не указывает.

В халхаском ему соответствует -'ч'ӯл ~ -'ч'ӯт, ср. бајјĭ'ч'ӯт ~ бајјĭ'ч'ӯл 'богачи', саĕ'ч'ӯт ~ саĕ'ч'ӯл 'знатные' и т. д. В письменном ему сооответствует *-c̀ud* ~ *-c̀us*, ср. *baγac̀ud* 'малыши, ребята', *χarac̀us*, 'простолюдины и т. д.

§ 83. Что касается падежных форм множественного числа, то они образуются по общим правилам при помощи суффиксов от основ множественного числа (= nominativus pluralis). Исключение представляет собою genitivus, образуемый обычно при помощи суфф. -ī (долгий -i). Он совпал с accusativ'ом.

Примеры: єхє 'мать' — єхĕhī | hӯлґă 'ведро' — hӯлґăhī | бурӯ 'теленок' — бурӯhī | ėзī 'баба' — ėзīнhī | hєјē 'войлок' — hєјēhī | м̀інā 'плеть' — м̀інāhī < м̀інāhā | туґăл 'теленок' — туґăhī | хӧл 'нога' — хӧлнhī | ґар 'рука' — ґарнhī | уhăң 'вода' — уhăнhī ~ уhăнhā.

С genitiv'ом во множественном числе совпал accusativus. Суффиксом его является -ī. Вышеприведенные формы поэтому являются не только формами родительного, но и винительного падежей. Ср. кроме того: ėрју 'дурак' — ėрјӯhӯдī | бурӯ 'теленок' — бурӯhӯдī | н̀ēң 'корова' — н̀ēhӯдī.

В этих формах долгота ӯ ~ ӯ суффикса часто пропадает, ср. ėрјӯhĕдī < ėрјӯhӯдī и т. д.

Об остальных падежных формах сказать нечего.

МЕСТОИМЕНИЯ

§ 84. Личные местоимения суть:

б̀ī 'я', шī 'ты',
бєд̀ĕ (~ мєд̀ĕ редко) 'мы', тā 'вы'.

Склонение личных местоимений.

Nom.	б̀ī,	бєд̀ĕ,
Gen.	мєн̀ĕ (~ мєн̀ī),	манā,
Dat. loc.	намдă,	мандă,
Acc.	намā[1] (~ намājĕ),	ман̀ĕ,
Abl.	намhā (~ намā),	манhā (~ манā),

[1] Орлов, § 79; Bálint, l. c.

Instr.	намāр,	манāр,
Iness.	намсō,	мансō,
Comit.	намтē,	мантē.

Как бī склоняется и шī; как бєдĕ склоняется и тā (gen. танā и т. д.). Что касается основы бєдĕ, то в парадигму склонения она не входит и таких форм как бīднē, которые имеются в хоринском,[1] здесь в аларском нет.

Личные местоимения третьего лица отсутствуют, и вместо них употребляются указательные.

§ 85. Указательные местоимения суть прежде всего:

єнĕ 'этот', едĕ 'эти',
терĕ 'тот', тєдĕ 'те'.

Склонение указательных местоимений:

Nom.	єнĕ,	терĕ,
Gen.	єнēнĕ (~ єнēнē),	терēнĕ (~ терēнē),
Dat.-loc.	єнēндĕ,	терēндĕ,
Acc.	єнēнĕ,	терēнĕ,
Abl.	єнēнhē (~ єнēнē),	терēнhē (~ терēнē ~ тернē ~ тернhē),
Instr.	єнēгēр,	терēгēр,
Iness.	єнēнсō,	терēнсō,
Comit.	єнēнтē,	терēнтē,
Direct.	єнēрӯ,[2]	терēгӯр.[3]

Как видно, основами в косвенных падежах являются єнĕ и терĕ по аналогии с именительными падежами. В письменном языке, как известно, основами косвенных падежей являются *egün-* и *tegün-*. Последняя в ряде живых наречий дает тӯн-, м. п. и в хоринском.[4] В аларском основа тӯн- тоже наблюдается, но крайне редко и является более характерной для унгинского говора. Гораздо чаще встречается основа тēн-.

Парадигма склонения тӯн- и тēн-:

Nom.	терĕ,	—
Gen.	тӯнĕ,	тēнĕ,
Dat.-loc.	тӯндĕ,	—

[1] ХБГ, § 96.

[2] Обычно краткий гласный первого слога исчезает, и во всех косвенных падежах основой является нē, т. е. нēнĕ, нēндĕ, нēнĕ, нēнhē, нēгēр (~ нēнēр), нēнсō, нēнтē.

[3] Обычно краткий гласный первого слога исчезает, и получаются формы трēнĕ, трēндĕ и т. д.

[4] ХБГ, § 96

Acc.	тӯнӗ̆,	тēнӗ̆,
Abl.	тӯнhē (~ тӯнē),	тēнhē,
Instr.	тӯнēр,	—
Iness.	—	—
Comit.	—	—

Падежные формы указательного местоимения едӗ суть:

Nom.	едӗ,
Gen.	едēнӗ̆ (~ едēнē),
Dat.-loc.	едēндӗ,
Acc.	едēнӗ̆,
Abl.	едēнhē (~ едēнē),
Instr.	едēнēр (~ едēгę̄р),
Iness.	едēнсō,
Comit.	едēнтē.

Так же склоняется и тедӗ ʻтеʼ.

Остальные указательные местоимения суть:

īмӗ̆ ʻэтакийʼ,	тīмӗ̆ ʻтакойʼ,
енēхē ʻэстолькоʼ,	
īмāхӑ̆ ʻэстолькийʼ,	
ед^{у}ī ~ ӯд^{у}ī ʻэстолькоʼ,	тед^{у}ī ~ тӯд^{у}ī ʻстолькоʼ,
енӗ̆тē ʻпо эту сторонуʼ,	терӗ̆тē ʻпо ту сторонуʼ.
мēн̨ ~ мен̨ ʻименно этот самыйʼ,	
мēнѡ̄хӗ̆ ʻэтот самыйʼ.	

К указательным местоимениям можно еще прибавить:

нāдӑ̆ ʻнаходящийся по эту сторонуʼ,	сāдӑ̆ ʻнаходящийся по ту сторонуʼ,
нāг̨ӯр ʻпо эту сторону, этой стороной,	сāг̨ӯр ʻпо ту сторону, той стороной,
нāшӑ̆ ʻсюдаʼ,	сāшӑ̆ ʻтудаʼ.
ёншӗ̆ ~ īншӗ̆ ʻсюдаʼ.	

Наконец, имеется еще указательный глагол ī- ʻделать этакʼ и тī- ʻделать такʼ. От них наиболее употребительными формами являются:

īгērēш ʻсделай этак!ʼ,	тīгērēш ʻсделай так!ʼ,
īжӗ̆ ʻделая этакʼ,	тīжӗ̆ ʻделая такʼ,
īгēт ʻсделав этакʼ,	тīгēт ʻсделав такʼ,
	тīсӗ̆р ʻпока делается такʼ,
	тīhӗ̆н̨ ʻсделавший такʼ,
	тīгē ʻсделал такʼ,
	тīхӗ̆дīн̇ ʻв то время как делает такʼ и т. д.

Указательное местоимение терĕ 'тот' заменяет отсутствующее личное местоимение третьего лица.

§ 86. Вопросительные местоимения суть:

хеӈ 'кто',
хем 'кто' (<хен+-п),
хемĕр 'какой такой',
хер 'как, каким образом',
ӓлӑ 'который',
јамӑр 'какой',
јӯӈ (~ јӯӈ) 'что',
јӯм (~ јӯм) 'что' (<јӯӈ+-п),
хӯдʸī 'сколько'.

К вопросительным местоимениям можно еще прибавить хėзē ~ хезē 'когда' (корень тот же, что хеӈ, хӯдʸī и т. д.) и хӑнӑ 'где' (хӑнhā ~ хӑнā 'откуда'). Иногда хӑнӑ употребляется вместе со следующим за ним јӑнӑ (хӑнӑ јӑнӑ), которое само по себе ничего не значит, но вероятно восходит к тому же корню, что мо. *ya-γun* 'что', *yambar* <**yan-bar* 'какой', ср. *yan* 'что' в одном из монгольских наречий XIII ст.[1]

В связи с вопросительными местоимениями можно указать на вопросительные глаголы јā- (ср. јāʂā 'что сделал?', јāʂāп 'что сделал?', јāhӑӈ 'что сделавший?' и т. д.) и хергĕ- 'что делать' <хер 'как' и ге- 'говорить'.

§ 87. Неопределенные местоимения образуются от вопросительных путем присоединения уступительной частицы -шхĕ (ср. халх. -ʻчʻīг), напр., хеншхĕ 'кто бы то ни был', јамӑршхĕ 'какой бы то ни был' и т. д.

§ 88. Определительные местоимения суть:

бӯхĕлĕ 'целый',
ондō 'другой',
бешĕ 'другой', 'не это, а нечто другое',
хӯ 'всё',
барӑӈ 'все',[2]
берĕ 'каждый',
берīмĕ 'всякого рода' (напр., зӯhĕӈ берīмĕ 'всяких мастей'),
јӯм 'нечто',
ӓлӑбӑ 'всякий'.

Сюда же можно прибавить еще хамтӑ 'вместе' и суʻтā 'вместе' (последняя форма в аларском говоре мало употребительна, но в ходу у унгинцев).

§ 89. Из возвратных местоимений имеется только ӧрӧ̄ 'сам' (мн. ч. ӧдӧ̄), долгий гласный конечного слога которого есть суффикс безличного притяжания (см. § 91). В склонении это возвратное местоимение обычно принимает личнопритяжательные суффиксы (см. § 90), напр., ӧhĕнīм 'меня самого' и т. д. Как видно, косвенные падежи этого местоимения образуются от основы ӧhĕн-: ӧhĕнӧ̄ genit. и т. д., но на ряду с этим в некоторых падежных формах выступает основа ӧр-, ср. ӧрјӧ̄ genitivus.

[1] Sprachmaterial, S. 1035.

[2] Часто употребляются вместе хӯ барӑӈ в значении 'все' (мн. ч.).

В значении возвратного местоимения употребляется бєјĕ 'тело, особа', напр., бєјĕ 'сам', бєјēрē 'сам собою' и т. д.

§ 90. Отдельных притяжательных местоимений в бурятских говорах, как вообще в монгольских наречиях, нет и таковыми служат либо формы родительного падежа личных местоимений или особые притяжательные суффиксы. Суффиксы личного притяжания, выражающие понятия 'мой', 'твой' и т. д., развились из форм родительного падежа личных местоимений. В аларском говоре притяжательные суффиксы первых двух лиц единственного числа встречаются в двух видах: первый вид совпадает почти полностью с формами родительного падежа соответствующих личных местоимений, а другой вид представляет собою сильное сокращение их.

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-ое	-(м)н̀ĕ, -м	-(м)нā
2-ое	-шн̀ĕ, -ш	-тнā
3-е	-īн̀	-īн̀

Обращаясь к каждому суффиксу в отдельности, можно заметить, что суфф. 1-го л. единственного числа -(м)н̀ĕ является более распространенным. Когда суффикс этот присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный, звук м, как правило, исчезает и остается только -н̀ĕ, но так как суффикс этот развился из мєн̀ĕ, я условно пишу -мн̀ĕ и заключаю лишь м в скобку. Второй вид суффикса 1-го л. ед. ч. -м, встречающийся в общем довольно редко, наблюдается только после гласных, а также при основах на -н, теряющих в таком случае свой н.

Примеры: єхĕ 'мать' — єхĕмн̀ĕ ~ (єхĕм) 'моя мать', hӯлґă 'ведро' — hӯлґăмн̀ĕ ~ hӯлґăм 'мое ведро', бурӯ 'теленок' — бурӯмн̀ĕ ~ бурӯм 'мой теленок', уhăӊ 'вода' — уhăмн̀ĕ ~ уhăм 'моя вода', модŏӊ 'дерево' — модŏмн̀ĕ ~ модŏм 'мое дерево', маӊґăт 'русский' — маӊґăдн̀ĕ 'мой русский', ґал 'огонь' — ґалн̀ĕ 'мой огонь', булăт 'сталь' — булăдн̀ĕ 'моя сталь'.

Суффиксами 2-го л. ед. ч. является -шн̀ĕ и -ш. Из них -шн̀ĕ более распространен и употребляется в тех же случаях, что -мн̀ĕ для 1-го л., а -ш после гласных и н, причем конечный н основы сохраняется.

Примеры: єхĕшн̀ĕ (~ єхĕш) 'твоя мать', hӯлґăшн̀ĕ (~ hӯлґăш) 'твое ведро', бурӯшн̀ĕ (~ бурӯш) 'твой теленок', уhăншн̀ĕ (~ уhăнш) 'твоя вода', модŏнш 'твое дерево', маӊґăд̬шн̀ĕ 'твой русский', ґалшн̀ĕ 'твой огонь', булăд̬шн̀ĕ 'твоя сталь'.

Суффиксом 1-го л. мн. ч. является -мна̄, который после согласных основы, кроме н, теряет свой м.

Примеры: ехӗмна̄ ʻнаша мать', hӯлґӑмна̄ ʻнаше ведро', бурӯмна̄ ʻнаш теленок', уһӑмна̄ ʻнаша вода', модо̆мна̄ ʻнаше дерево', маӈґӑдна̄ ʻнаш русский', ґална̄ ʻнаш огонь', булӑдна̄ ʻнаша сталь'.

Суффиксом 2-го л. мн. ч. является -тна̄.

Примеры: ехӗтна̄ ʻваша мать', hӯлґӑтна̄ ʻваше ведро', бурӯтна̄ ʻваш теленок', уһӑнтна̄ ʻваша вода', модо̆нтна̄ ʻваше дерево', маӈґӑттна̄ ʻваш русский', ґалтна̄ ʻваш огонь', булӑттна̄ ʻваша сталь'.

Суффиксом притяжания третьего лица ед. и мн. ч. является -ӣн̓ после согласных и кратких гласных; после долгих и кратких гласных основы -н̓.

Примеры: ехӗн̓ ~ ех^{e}ӣн̓ ʻего, их мать', hӯлґ^{a}ӣн̓ ʻего, их ведро', бурӯн̓ ʻего, их теленок', уһӑнӣн̓ ʻего, их вода', модо̆нӣн̓ ʻего, их дерево', ґалӣн̓ ʻего, их огонь', булӑhӣн̓ ʻего, их сталь'.

Употребляются некоторые из этих суффиксов, как видно, не безразлично, но в зависимости от того, на что оканчивается основа.

Восходят -м и -(м)н̓ӗ к **mini* ~ **minu* (> мо. *minu*); -ш и -шн̓ӗ к **čini* ~ **činu* (> мо. *činu*); -мна̄ к **mani* ~ **manu* (> мо. *manu*); -тна̄ к **tani* ~ **tanu* (> мо. *tanu*); -ӣн̓ к **ini* ~ **inu* (> мо. *inu*).

Что касается склонения таких форм, то суффиксы личного притяжания присоединяются к суффиксам падежных форм. При этом можно заметить, что падежные суффиксы с краткими гласными заменяют свой гласный долгим ī.

Примеры:

Nom.	хусӑм ʻмой баран',	хусӑш ʻтвой баран',	хусӑн̓ ~ хуса̄н̓ ~ хус^{a}ӣн̓ ʻего, их баран',
Gen.	хуса̄м,	хуса̄нш,	хуса̄н̓,
Dat.-loc.	хусӑдӣм,	хусӑдӣш,	хусӑдӣн̓,
Acc.	хуса̄м,	хуса̄ш,	хуса̄jӣн̓,
Abl.	хусӑhа̄м,	хусӑhа̄ш,	хусӑhа̄н̓,
Comit.	хусӑтӗм,	хусӑтӗш,	хусӑтӗн̓,
Instr.	хуса̄р̓ӣм,	хуса̄р̓ӣш,	хуса̄р̓ӣн̓,
Iness.	хусӑсо̄м,	хусӑсо̄ш,	хусӑсо̄н̓.

Аналогично этому склоняются и формы с притяжаниями 1-го и 2-го л. мн. ч.

На ряду с суфф. -м и -ш 1-го и 2-го л. ед. ч. в склонении могут появляться (и даже обычно наблюдаются) и -мн̓ӗ и -шн̓ӗ, напр., jаβхӑдӣмн̓ӗ ʻкогда я ходил', герhӗмн̓ӗ ʻиз моего дома', герhӗшн̓ӗ ʻиз твоего дома' и т. д.

§ 91. Безличные притяжательные суффиксы выражают понятие

„свой". Они принимаются только окончаниями косвенных падежей и в nominativ'е не встречаются. Исключение представляет собой местоимение ӧрӯ 'сам', которое является омертвелой формой genitivi (ср. мо. *öber-iyen*).

Суффиксом безличного притяжания является -**βen*, который настолько слился с падежными суффиксами, что во многих случаях получились из комбинаций падежного суффикса и притяжания совсем новые и даже трудно разложимые суффиксы.

Падежные формы dativi-locativi, instrumentalis и inessivi отличаются от таковых без притяжания лишь долготой конечного гласного или прибавлением долгого гласного, т. е. -дā (-дē, -дō -дӯ), -āрā (-ērē, -ōrō, -ӯrӯ), -cōŋ̄ō. Ablativus с притяжанием безличным совпал в аларском с формой ablativi с притяжанием третьего лица — получилось -hāṅ̄ (-hēṅ̄, -hōṅ̄, -hӯṅ̄). Форма comitativi тоже получает долгий гласный, причем между долгими гласными возникает j и долгота гласного падежного суффикса пропадает — получается -тăjā или даже -т^{a}jā (почти -тjā) и т. д.

Формы genitivi и accusativi почти во всех случаях совпали. Суффиксы genitivi и accusativi с притяжанием довольно сильно отличаются от таковых без притяжания, так что даже трудно указать, что собственно нужно прибавить к суффиксу genitivi и accusativi, чтобы получить форму с притяжанием.

Основы, оканчивающиеся на краткий гласный, образуют форму genitivi и accusativi с притяжанием при помощи суфф. -jā (-jē, -jō, -jӯ); основы оканчивающиеся на долгий гласный недифтонгического происхождения — при помощи -ŋ̄ā (-rē, -ŋ̄ō, -rӯ); основы, оканчивающиеся на согласные, в том числе и н, образуют genitiv при помощи суфф. -ā (-ē, -ō, -ӯ),[1] наращаемого к основе с сохранением конечного н или же теряют н и образуют genitiv в таком случае, как основы, оканчивающиеся на гласный. Accusativus от основ, оканчивающихся на н, обычно образуется с утратой конечного н основы.

Схема склонения с безличным притяжанием:

Nom.	ехĕ 'мать',	бурӯ 'теленок',	модŏŋ̣ 'дерево',
Gen. и Acc.	ехĕjē,	бурӯŋ̣ā,	мод°нō ~ модŏjō,[2]
Dat.-loc.	ехĕдē,	бурӯдā,	модŏндō,
Abl.	ехĕhēṅ̄,	бурӯŋ̣ăhāṅ̄,	модŏнhōṅ̄,
Instr.	ехērē,	бурӯŋ̣ārā,	модōрō,
Comit.	ехĕтĕjē,	бурӯтăjā,	модŏт°jō,
Iness.	ехĕcōŋ̣ō,	бурӯcōŋ̣ō,	модŏнcōŋ̣ō.

[1] Впрочем, основы, оканчивающиеся на согласные, нередко образуют genitiv при помощи суфф. -jā и т. д., напр., мӧндĕрjӯ 'своего града'.

[2] Accusativus только модŏjō, genitivus и так и сяк. Но ср. зонō — genitivus и accusativus.

Как видно, склонение с безличным притяжанием несколько отличается от такового в хоринском говоре — особенно формы genitivi и ablativi.[1]

В языке эпических произведений иногда сохраняются старые формы падежей с притяжанием, ср. напр., зўһĕ -jўгē заһăжă 'приведя в порядок свой вид', где -jўгē = мо. *-üügen* ~ *-uγan* (суфф. accusativi с притяжанием).[2]

Безличное притяжание может приниматься любой склоняемой формой, в том числе и личными местоимениями, ср. меңīгē genit. от бī 'я' с притяжанием.

§ 92. Суффиксы сказуемости.

Помимо притяжательных суффиксов в аларском говоре, как во всех бурятских говорах, имеются суффиксы сказуемости (предикативные). Путем присоединения их к основам имен передаются понятия „я есмь то-то и то-то", „ты — то-то и то-то" и т. д., напр., „я — человек", „ты — русский" и т. д.

Суффиксы эти суть:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	-п	-бдĕ,
2 л.	-ш	-тă (~ -тā).

Что касается суффиксов 1-го л. обоих чисел, то в том виде, в каком они даны здесь, они наблюдаются при основах, оканчивающихся на гласные и все согласные кроме н: присоединяясь к основам на н, губные смычные этих суффиксов заменяются звуком м, причем н основы исчезает, т. е. получается для 1-го л. ед. ч. -м, для мн. ч. -мдĕ.

Суффиксом 2-го л. мн. ч. является -тă ~ -тā, но обычно присутствует еще элемент -л-, т. е. имеем -лтā. Это -л- восходит к частице *ele*.

Третье лицо не имеет суффикса.[3]

Примеры:

	ėрjў	'дурак',
1 л. ед. ч.	ėрjўп	'я дурак',
2 л. „ „	ėрjўш	'ты дурак',

[1] ХБГ, § 127; Ср Castrén, § 94. Суффикс ablativi с притяжанием -hāń наблюдается и в балаганском говоре, ср. Орлов, § 84 (у Орлова -х'ан).

[2] По сообщению Г. Д. Санжеева, такие старые формы падежей с притяжанием наблюдаются и в обыденной речи.

[3] В глагольных формах показатель третьего лица мн. ч имеется. Таковым является -т < **tede* (см. § 85). Едва ли этот -т восходит к показателю множественности, хотя многочисленные аналогии этому представляют собою формы третьего лица множественного числа в тюркских наречиях (ср. кäлді 'он пришел' — кäлдіläр 'они пришли').

1 л. мн. ч.	ėrjўh̄ўdĕbd̑ĕ	ʻмы дураки',
2 л. „ „	ėjўh̄ўdĕltā	ʻвы дураки',
	маŋґăt	ʻрусский',
1 л. ед. ч.	маŋґădăp	ʻя русский',
2 л. „ „	маŋґădăš	ʻты русский',
1 л. мн. ч.	маŋґăh̄ўdăbd̑ĕ ~ маŋґădăbd̑ĕ	ʻмы русские',
2 л. „ „	маŋґăh̄ўdăltă ~ маŋґădăltă	ʻвы русские',
	хўбӯŋ	ʻсын',
1 л. ед. ч.	хўбӯм	ʻя сын',
2 л. „ „	хўбӯńш	ʻты сын',
1 л. мн. ч.	хўбӯh̄ўdĕbd̑ĕ ~ хўбӯdĕbd̑ĕ	ʻмы сыновья',
2 л. „ „	хўбӯh̄ўdĕltĕ ~ хўбӯdĕltĕ	ʻвы сыновья'.

Восходят эти суффиксы к личным местоимениям **bi, *ċi, *bide, *ta.*

Все вышеприведенные формы являются как бы формами „настоящего времени спрягаемого имени". Об этом спряжении имен уже писалось и на нем останавливаться не стоит.[1] Укажу только, что с суффиксами сказуемости может быть любая форма имени, напр., форма имени с личными притяжаниями, некоторые падежные формы и т. д.

Ср. примеры спрягаемого имени с личными притяжательными суффиксами:

хўбӯńшńĕп	ʻя твой сын',
хўбӯńїńĕп	ʻя его сын',
хўбӯнтна̄п	ʻя ваш сын',
хўбӯмńĕш	ʻты мой сын',
хўбӯńїńш	ʻты его сын',
хўбӯмна̄ш	ʻты наш сын' и т. д.

К спряжению падежных форм имени ср. хўбӯнтна̄ бejēрēп ʻя сын ваш собственной персоной', где бejēрēп — форма instrumentalis с безличным притяжанием и суффиксом сказуемости 1-го л. ед. ч. или зўгēп ʻя (такой то) местности', где зўгēп — форма genitivi, ср. еще албăтăнт ʻвы его подданный', где албăтăн представляет собою форму с притяжанием третьего лица.

Эти суффиксы сказуемости являются личными показателями многих глагольных форм. Приэтом глагольные имена, т. е. причастия, с этими суффиксами становятся изъявительными формами.

В качестве личных показателей при глагольных формах суффиксы эти те же, что при именах. Только суффиксом 2-го л. мн. ч. при глагольных формах никогда не является -та̄, но всегда -т, напр., jабăнăт ʻвы идёте'. Затем имеется еще при глагольных формах показатель третьего лица мн. ч. -т < **tede.*

[1] Castrén, § 158 и сл.; ХБГ, § 84 и сл.

Кроме форм настоящего времени, т. е. таких форм, когда имя выражает собою сказуемое в настоящем времени, напр., „я — человек“ (= „я есмь человек“, т. е. в настоящее время), могут быть образованы формы прошедшего времени и т. д.

Эти формы образуются путем присоединения соответствующих суффиксов образования глагольных форм прошедшего времени, разных причастий и т. д., так же, как в халхаском, ср. там бӯлӯсāˀ ‘была булавой’. По происхождению своему такие формы восходят к имени + соответствующая форма глагола *а-* ‘быть’, напр., у̇бē̄ˈтēhĕм ‘я был беден’ < **ügeitei aysan bi*. Так как в этом отношении к сказанному прежними исследователями мне прибавить нечего, то отсылаю к их работам[1] и привожу только несколько примеров: да̄ˈтēhăм ‘я был с врагом’ (‘был обладателем врага, имел врага’), у̇бē̄ˈг̆шĕhĕң ‘не бывало’ (< **ügei a;či a;san*) и т. д.

ГЛАГОЛ

§ 93. Общие замечания.

Спряжение в бурятских говорах личное в отличие от халхаского. Глагол изменяется не только по временам, но и по лицам. Как уже сказано выше (см. § 92), личными показателями являются особые суффиксы, восходящие к личным местоимениям.

Глагольные формы можно разбить на пять групп: 1) на формы обращения (повелительные, просительные, формы желания и т. д.), 2) формы именные, т. е. причастия, 3) изъявительные формы, 4) условные и 5) деепричастные. Из этих форм именные являются такими же именами, как всякие другие и в предложении играют поэтому роль определения (attributum) или подлежащего. Изъявительные формы в бурятском языке, за редкими исключениями, именного происхождения. Они не что иное, как имена с предикативными суффиксами, и поэтому они рассматриваются здесь вместе с именными. Деепричастия играют роль определений глагольных форм и, как деепричастия вообще, они выражают качества действий.

§ 94. Наиболее сложными и трудными в смысле их описания являются изъявительные формы. Они могут быть разбиты на две категории: 1) на простые и 2) на сложные. Простые изъявительные формы — это такие, которые представляют собою глагольное имя с личным показателем или восходят к изъявительной же форме, напр., jабāп ‘я ходил’ и jабăбāп. Сложные в свою очередь могут быть тоже разбиты на две категории: 1) на формы, не сознаваемые в языке в его нынешнем состоянии как сложные, т. е. на сложные в историческом аспекте, и 2) на формы, сознаваемые

[1] Castrén, § 158—163; ХБГ, § 84 и сл

как сложные. К первой категории этих сложных форм относятся формы, в состав которых входит то или иное глагольное имя, с которым слилось глагольное имя вспомогательного глагола а- 'быть', напр., jабāhăӊ < *yabuγa aγsan, jабăґшăhăӊ < *yabuγči aγsan, jаб̮хăhăӊ < *yabuχu aγsan и т. д. В состав таких сложных форм входят многие хорошо известные в письменном языке формы, из которых, однако, далеко не все встречаются там в тех сочетаниях, что здесь в аларском. Ко второй категории сложных форм, т. е. к формам, сознаваемым и ныне как сложные, относятся синтаксические обороты типа деепричастия и какой-нибудь глагольной формы от вспомогательного глагола ба̄ˈ-, напр., jабăжă ба̄ˈнăп, или бєлē < *bölüge*, напр., jабā бєлēп и т. д. Формы последней категории не представляют собою сросшихся в одно целое форм, и отдельные члены таких синтаксических оборотов представляют собою формы, отдельно живущие в языке.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

§ 95. После всего сказанного в предыдущем параграфе ясно, какую большую роль играют в спряжении вспомогательные глаголы.

Вспомогательные глаголы могут быть разбиты на две категории. Во-первых, это глаголы, играющие чисто служебную роль: они образуют со спрягаемым глаголом синтаксические сочетания, заменяющие отсутствующие в языке самостоятельные простые формы и, сочетаясь со спрягаемым глаголом, они образуют описательные формы. Значение спрягаемого глагола от присутствия такого вспомогательного глагола ничуть не изменяется: jабă- с таким глаголом всегда сохраняет свое значение 'ходить', напр., jабăжă ба̄ˈнăп 'я хожу', jабā бєлēп 'я ходил' и т. д., и роль такого вспомогательного глагола сводится к образованию только новых форм. Эти вспомогательные глаголы, функции которых — формообразование, составляют неотъемлемую принадлежность системы спряжения. В противоположность этим вспомогательным глаголам, существует другая категория вспомогательных же глаголов, которые придают значению глагола, с которым они сочетаются, особый оттенок, напр., оттенок интенсивности действия и т. п. Таков, напр., глагол орх̀ŏ- ~ орс̀ŏ- 'бросить', который придает глаголу, к которому он относится, значение окончательности действия, напр., ёд̀ĕжĕ орх̀ō 'съедая бросил', т. е. 'совсем съел'.

Для того, чтобы различие вспомогательных глаголов этих двух категорий стало совершенно ясным, укажу, что без вспомогательных глаголов первой категории спряжение было бы немыслимым: достаточно указать на то, что без глагола ба̄ˈ- нельзя даже образовать той формы, которая соответствует нашему настоящему времени. Что же касается глаголов вспомогательных второй категории, то спряжение, если понимать под ним образование тех или иных tempora, ничуть не пострадало бы. Но за то

без них не обойтись, если нужно сказать, что действие совершено без остатка и т. п. Не являясь принадлежностью спряжения, формы вспомогательных глаголов второго рода играют роль, если угодно, словообразующих формантов: на вышеприведенном примере мы видим, что присутствие глагольной формы орχŏ- придает глаголу 'есть' значение 'съесть', причем, однако, форма ёдёжё орχō 'съел' совершенно такая же форма praeteriti, как ўхē 'умер', в образовании которой это орχō не участвует. Наоборот, форма ба̄'нăп 'я есмь' в сочетании с деепричастием јабăжă (т. е. јабăжă ба̄'нăп) указывает, что действие происходит именно теперь ('я иду'), в то время, как соответствующая форма јабăнăп не имеет того значения, что я иду именно теперь.

§ 96. Вспомогательный глагол а- 'быть'.

Глагол а- 'быть' принадлежит к глаголам, функцией которых является образование сложных глагольных форм. В спряжении всех глаголов этот глагол играет очень большую роль. Глагол этот принадлежит к неполным. От него сохранилось всего несколько форм, и он стоит уже на пути к полному исчезновению.

От него встречаются следующие формы:

1) Nomen futuri ахă, напр., ахă ба̄'хă 'сущий и существующий', ахă алтă 'местопребывание' и интересная форма ахăхă в ахăхă зајāң 'судьба быть'. В письменном языке соответствует этой форме *аχи*.

2) Converbum modale аң, напр., аң hўжă 'живя существуя'.

3) Converbum imperfecti ажă, напр., ажă hўхăш 'ты будешь жить, существуя'. В письменном языке существует *аји*.

4) Converbum terminale адăлă, напр., бодō̄т адăлă 'пока был, вставши', медĕhĕң адăлă 'пока был узнавшим' ('пока знал', 'в то время, как знает'), медē адăлă 'пока знал', медē-бē'-дĕлĕ (< адăлă) 'между тем, как не знает'. В письменном языке соответствует *atala*.

От этого же глагола имеются отглагольные имена алтă 'существование, возможность'[1] и ā̄лă 'местопребывание' = мо. *аγali* 'нрав, характер'.[2]

Не сохранились в качестве самостоятельно употребляемых форм очень многие формы. В этом отношении большинство монгольских наречий в том же положении, что и аларский говор, и единственное исключение представляет собою дагурское наречие, где от глагола а- сохранились почти все формы. Не сохранилось в качестве самостоятельно употребляемой формы и имя прошедшего времени (nomen parfecti) *ahăң = мо. *аγsan*. Это *ahăң входит зато в состав многих сложных глагольных форм. При этом оно, слившись с суффиксами разных глагольных имен, утратило свое

[1] К суфф. -лтă < *-*lta* ср. N. Poppe. Die Nominalstammbildungssuffixe im Mongolischen. Keleti Szemle XX. Budapest, 1927, S. 113.

[2] Об этой форме см. там же, стр. 101.

начальное а, превратившись как бы в суффикс -hăn̆. С этим -hăn̆ мы уже познакомились, когда речь шла о спряжении имен (см. § 92), и встретимся еще неоднократно дальше. Укажу здесь лишь, что сложные формы, в образовании которых участвует *ahăn̆ не сознаются уже, как сложные: это *ahăn̆ настолько слилось и срослось с суффиксами целого ряда глагольных имен, что -ɣ̌ŭăhăm, напр., является теперь уже особым формантом, хотя по происхождению своему это -*γ̀ci+aγsan. Но что это -hăn̆ не стало еще окончательно суффиксом, видим из того, что иногда в редких случаях оно закону сингармонизма не подчиняется.

Кроме -hăn̆ < *ahăn̆ < *aγsan, являющегося тоже уже почти суффиксом, в аларском сохранились следы и других форм глагола а- 'быть' — это -ɣ̌ŭă < *aγči (nomen actoris) и -hā < *ahā (форма условная, по значению соответствующая мо. *abasu*).

Таким образом, подводя итоги, можно заметить, что от глагола а- сохранился ряд форм в качестве самостоятельно существующих форм, а некоторые из них стали уже компонентами формантов некоторых глагольных форм.

§ 97. Глагол бе- 'быть'.

Глагол бе- 'быть' — недостаточный глагол, и не все формы его употребительны. Восходит он к *bü-~*bö- > мо. *bü-~bö- (*bükü, bölüge, bögesü* и т. д.). Наряду с этим в письменном языке имеем еще *bui* < *bu-i* < *bü-i*.

В аларском наиболее употребительны следующие формы: 1) настоящее время бӣ,[1] 2) форма сомнения бӣзĕ,[2] 3) прошедшее время белē.[3]

Все эти формы принимают показатели всех лиц (напр., бӣзĕп, бӣзĕш и т. д.). Эти формы сочетаются с разными глагольными формами, напр., jабā белēп 'я ходил', ӳхĕхĕ бӣзĕ 'пожалуй умрет', бāрхă бӣзĕп 'наверное поймаю' и т. д. Глагол этот служит средством выражения целого ряда качеств действия, которые другими наличными средствами языка не могут быть выражены, ср. напр., формы предположения, вроде ӳхĕхĕ бӣзĕ, и поэтому он имеет большее значение для спряжения любого глагола. Так как об этих формах здесь сказано достаточно, то в дальнейшем их можно будет коснуться лишь слегка.

§ 98. Глагол бā- 'быть'.

Как и предыдущий глагол, этот глагол участвует в образовании глагольных форм, сложный характер которых ясен и без того, чтобы прибегать к лингвистическому анализу их.

В противоположность предыдущим глаголам, это живой глагол, образующий все формы, как всякий другой.

[1] Соответствует мо. *bui*.

[2] Соответствует мо. *bui-ja*.

[3] Соответствует мо. *bölüge*.

Глагол этот сочетается с разными деепричастиями и причастиями любого глагола. Между прочим, форма настоящего времени его ба̄ʲнӑ ʻесть' (ба̄ʲнӑп ʻя есмь', ба̄ʲнӑш ʻты еси' и т. д.), сочетаясь с converbum imperfecti, образует форму praesens imperfecti, соответствующую нашему настоящему времени, и, что следует отметить, это является единственным возможным способом образования такой формы, напр., јабӑжӑ ба̄ʲнӑп ʻя иду'. В остальном, роль этого глагола и значение разных сочетаний его форм с формами других глаголов ясны сами по себе, если переводить такие сочетания дословно, напр., јабӑдӑk ба̄ʲнӑп ʻя постоянно ходящий есмь', јабā ба̄ʲнӑп ʻя ходивший есмь', јабӑhӑң ба̄ʲнӑп ʻя пошедший есмь' и т. д.: формы эти, как явствует из дословного перевода их, имеют значение ʻя все время хожу', ʻя ходил', ʻя уже ходил' и т. д. Поэтому нет надобности возвращаться к этому глаголу в дальнейшем.

Как сказано, глагол этот образует сочетания, составной характер которых ясен без всякого знания истории языка. Исключение представляет собою только сочетание converbi imperfecti с ба̄ʲнӑ: это ба̄ʲнӑ часто сливается с суффиксом деепричастия -жӑ в -жа̄нӑ (см. § 140). Таким образом, в данном случае глагольная форма ба̄ʲнӑ становится уже составной частью суффикса совершенно так же, как *ahӑң уже стало компонентом многих суффиксов.

§ 99. Переходя к глаголам, образующим с глагольными формами, к которым они относятся, синтаксические сочетания с особыми оттенками значения, можно заметить, что в качестве таковых выступают очень многие. Так напр., глагол hӯ- ʻсидеть, жить' в сочетании с другими имеет значение долговременного пребывания или длительного совершения действия, напр., ӯʲлӑжӑ hӯнӑ ʻплача сидит' (т. е. на одном и том же месте, не уходя, продолжительно плачет). Глагол ёг- ʻдавать' в сочетании с другим показывает, что действие совершается в пользу другого, напр., тохо̆жо̆ ёгёнё ʻседлая дает' (т. е. седлает для другого). Глагол јёр- ʻприходить в сочетании с другими указывает, что действие совершается в процессе движения сюда, напр., а̄ршӑ јёрē ʻвзяв пришел' (т. е. принес). Глагол ошо̆- ʻуходить', наоборот, указывает, что действие сопровождает процесс движения туда, процесс ухода, напр., ґаршӑ ошō ʻвыходя уходит' (т. е. выходит вон), ср. противоположное этому ґаршӑ јёрē ʻвыходя приходит' (т. е. выходит сюда, к нам, к говорящим и т. п.). Перечислять эти глаголы излишне, так как смысл таких сочетаний ясен сам по себе из дословного перевода их.

§ 100. На ряду с этим мы имеем глаголы, которые придают глаголам, к которым они относятся, совершенно особые оттенки значения.

Так например, большую роль играет глагол орхо̆- (~ орсо̆- или даже охо̆- ~ осо̆-) ʻбросать'. В сочетании с деепричастием (преимущественно converbum imperfecti, см. § 153) он имеет значение заключения действия,

окончательного совершения его, напр., хаjăжă орхō 'бросил' (совсем). Глагол этот часто сливается с деепричастной формой в одно целое, напр., нарăң орōттŏбŏ 'солнце зашло' (<*oruγad orkiba).

На ряду с такими формами типа приведенной формы орōттŏбŏ имеем много форм на -шхē, -шхēт и т. д., напр., ёдĕшхē 'съел', ёдĕшхēт 'съев' и т. д. Первая из этих форм является формой praeteriti I (см. § 121), а вторая — converbi perfecti (см. § 154). В состав таких форм входит тот же глагол, и форму ёдĕшхē 'съел', ха'ч'хē 'бросил' я понимаю, как *idejü orkiγa, *χayaju orkiγa.

На остальных возможных сочетаниях я не останавливаюсь.

§ 101. Что касается образования глагольных основ, то прибавить к тому, что является общеизвестным, можно немного.

Суффикс образования побудительных глаголов *-χa- в аларском отличается долготой гласного, напр., бодхōхŏ 'воздвигнуть' = мо. bosχa-.

Далее, считаю необходимым отметить большое распространение суффикса -шă- (-шĕ-, -шŏ-) образования глаголов intensiva, напр., jабăшăбă-дā 'пошел', ґаршăбăт 'повышли' и т. д. Восходит суффикс этот к -*či- > халх. -'ч'ї-,[1] ср. халх. ґар'ч'їсā 'вышел'.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ

Обращение к первому лицу.

§ 102. Voluntativus I.

Форма эта выражает намерение совершить действие от имени первого лица ед. ч.

Суффиксом является -hȳ (-hȳ) с личным показателем первого лица ед. ч. -п (~ -м), мн. ч. -бдĕ.

Примеры: jабăhȳп 'пойду', jабăhȳбдĕ 'пойдем!'.

Часто принимает частицу дā, напр., харăhȳм-дā 'давай буду смотреть!'.

Реже принимает частицу -л <*ele = мо.ele и в таком случае выражает неохотно даваемое согласие на совершение действия, напр., jабăhȳлбĕ-дā < *yabusu ele bi da 'что ж, пойду!'.

Форма на -hȳ распространена и в хоринском, а также в других бурятских говорах.[2] Суфф. -hȳ восходит к -*su = мо. -su ~ -su-γai.[3]

§ 103. Voluntativus II.

Кроме указанной формы обращения к первому лицу, имеется еще другая, выражающая приглашение что-либо сделать. В отличие от первой,

1 G. J. Ramstedt. Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen. JSFOu XXVIII, 3, § 5.

2 ХБГ, § 140; Castrén, § 131; Орлов, § 104.

3 Geserica, S. 167.

ее можно бы назвать adhortativus. Она употребляется преимущественно в значении 1-го лица мн. ч. с показателем -бдĕ, а также без него. Формантом является -jī.

Примеры: jабăjī или jабăjībдĕ 'пойдем!'. Эта форма тоже принимает частицу дā.

Форма эта находит полное соответствие в хоринском и других говорах,[1] в халхаском[2] и т. д.

Обращение ко второму лицу.

§ 104. Imperativus.

Форма imperativi второго лица ед. ч. не имеет морфологического показателя. Таковой формой является чистая основа глагола. Эта форма выражает чистое приказание без каких-бы то ни было оттенков просьбы, вежливости и т. д.

Примеры: ошŏ 'уходи!', jĕрĕ 'приходи!'.

С частицей лā (~лā) < *ele* (с эмфатической долготой) эта форма выражает более вежливое обращение, напр., jабă-лā 'иди-ка!', jĕр-лā 'приди-ка!'.

Точно также форма эта принимает частицу дā и в таком случае выражает скорее разрешение на совершение действия, напр., ошŏ-дā 'сходи-ка!', 'сходи-же!' и т. д.

Форма эта известна во всех монгольских наречиях и в письменном. Иногда конечный гласный основы получает эмфатическую долготу или, если основа оканчивается на согласный, то прибавляется долгий гласный, напр., ĕгō̄ 'дай!'. Помимо такого эмфатического удлинения гласного, качество которого всегда то же, что предшествующего слога, в некоторых случаях появляется в конце долгий ӯ, напр., шабшӯ 'ударь!'. Как эта форма, так и формы типа ĕгō̄, имеют значение более настойчивого приказания.

§ 105. Benedictivus.

Benedictivus является формой обращения ко второму лицу мн. ч. и употребляется в качестве более вежливого обращения, просьбы и т. д.

Суффикс -ɣ̬тī (реже -ɣ̬тīң или -ɣ̬тī, а также -ɣ̬тăң).

Примеры: ошŏɣ̬тī 'отправляйтесь!', hӯɣ̬тī 'садитесь!', ĕгĕɣ̬тī 'дайте!', ĕдĕɣ̬тīң 'кушайте!', жарɣăɣ̬тăң 'наслаждайтесь!'.

Форма benedictivi распространена во всех бурятских говорах. В связи с этим укажу, что даваемая Рудневым форма -ктӯ[3] неправильна:

[1] ХБГ, § 141; Castrén, § 131; Орлов, l. c.; Н. А. Подгорбунский. Материалы для грамматики разговорного бурятского языка. Изв. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XLI. Иркутск, 1911, стр. 63. (В дальнейшем будет иметься в виду только эта работа Подгорбунского).

[2] KKM, S. 10.

[3] ХБГ, § 143.

в хоринском имеем, как и в аларском -ɣ̌tī. В халхаском соответствует -ɣ̌ʿtʿă̆,[1] в письменном -*ytun*.

Форма эта часто принимает частицы ла (лє) и да̄, напр., jёрĕɣ̌tī-лĕ̆ ʿиди-ка!', jабăɣ̌tī-да̄ ʿну, идите!'. Частица да̄ придает этой форме оттенок бóльшей мягкости или снисходительности обращения.

§ 106. Precativus.

Precativus есть просительная форма второго лица ед. и мн. ч. Выражает она усиленную просьбу. Образуется при помощи суфф. -ī с личными показателями -ш (ед. ч.) и -т (мн. ч.).

Примеры: jёр̓īш ʿприди пожалуйста!', jёр̓īт ʿпридите пожалуйста!'.

Часто принимает частицу да̄, напр., jёр̓īш-та̄, jёр̓īт-та̄.

В хоринском эта форма согласно Рудневу является формой властного приказания, с частицей та — вежливой просьбы.[2] В других бурятских говорах имеет то же значение, что в аларском говоре.[3] Такое же значение имеет и в халхаском наречии.[4]

§ 107. Praescriptivus.

Praescriptivus представляет собою повелительную форму 2-го л. ед. и мн. чисел будущего времени. Значение этой формы — приказание или поручение совершить действие впоследствии.

Суффикс -а̄ра̄ (-ē̄рē̄, -о̄ра̄, -ō̄рē̄) с личными показателями -ш (ед. ч.) и -т (мн. ч.), которые могут и отсутствовать.

Примеры: jабā̄ра̄ ʿпойди!', jабā̄ра̄ш ʿпойди!', jабā̄ра̄т ʿпойдите!', jёрē̄рēт ʿпридите!'.

Вопреки мнению авторов многих грамматик, эта форма письменному языку не свойственна и появляется там лишь под влиянием живой речи. Суффикс -а̄ра̄ восходит к -**yarai*. Формы на -а̄ра̄ хорошо известны во всех бурятских говорах,[5] в халхаском[6] и т. д.

Параллельной формой более вежливого обращения является сложная форма, в состав которой входит -а̄ра̄ и -ɣ̌tī (см. benedictivus), напр., jабā̄ра̄-ɣ̌tī ʿпожалуйста пойдите!'.

Обращение к третьему лицу.

§ 108. Повелительная форма третьего лица, выражающая желание или требование, чтобы действие было совершено третьим лицом (ед. и мн. ч.), образуется при помощи суфф. -k ~ -к.

1 KKM, S. 6.
2 ХБГ, § 145.
3 Castrén, § 131; Орлов, § 104 (стр. 63); Подгорбунский, op. cit., p. 56.
4 KKM, S. 6.
5 ХБГ, § 144; Castrén, § 131; Орлов, l. c.; Подгорбунский, op. cit., p. 54.
6 KKM, S. 5.

Пример: jабăk 'пусть он пойдет!'.

К этой форме могут присоединяться еще частицы -л и дā, напр., jёрĕгĕл-дā 'пусть они придут!'.

Форма эта распространена во всех бурятских говорах.[1] В халхаском она имеет иногда значение неохотно даваемого согласия на совершение действия, оттенок которого она имеет в известных случаях и в аларском, напр., jёрĕгĕл-дā 'ну, чтож, пусть придет!'.[2] Суффикс -k ~ -к восходит к -**gi* и в письменном языке соответствия не имеет.[3] Повелительная форма третьего лица на -*tuγai* (дэрб. Астр. -тхā), обычная в письменном языке, в аларском отсутствует так же, как в хоринском говоре.[4]

Интересной формой является повелительная форма 3-го л. в бур. Ольх. на -тăŋāk, где в состав суффикса входят и элемент -**tuγai* и -**gi*, напр., jёртĕŋĕк 'пусть придет!', бā'тăŋāk 'пусть останется!'.

Optativus.

§ 109. Optativus есть форма желания. Она соответствует по значению формам optativi других языков и может быть переводима по русски „о, если бы я и т. д. совершил то-то и то-то!". Имеются формы всех лиц обоих чисел.

Суффиксом образования является -hā (~ -hē).

Пример:

jабăhāп 'о, если бы я пошел!',
jабăhāш,
jабăhā,
jабăhābдĕ,
jабăhāт,
jабăhā.

В хоринском этой форме соответствует точно такая же.[5] Повидимому, она распространена во всех бурятских говорах.[6] В халхаском ей соответствует -āсā.[7] В письменно-монгольском языке, вопреки утверждению многих грамматик, соответствия нет: там только под влиянием живой речи появляется -*γasai*. Восходит -hā к -**sai*. Часто h в положении между гласными исчезает, напр., ёхāбĕ < ёгhāбĕ 'да дам я!'.

1 ХБГ, § 147; Castrén, § 131; Орлов, стр. 65; Подгорбунский, op. cit., p. 60.
2 KKM, S. 9.
3 Geserica, S. 181.
4 ХБГ, § 148.
5 ХБГ, § 182.
6 Ср. Орлов, стр. 65; Подгорбунский, op. cit., p. 62.
7 KKM, S. 10.

Optativus-conditionalis.

§ 110. Форма эта по существу является формой желания, но с оттенком условности. Употребляется только безлично.

Суфф. -ābлā (-ēблā, -ōблā, -ȫблā) или более полная форма — -āблăhā и т. д.

Примеры: jабāблā 'если бы пошел!', ошōблā 'если бы ушел!'.

Восходит к nomen imperfecti на -ā < -**γa* и болhā < **bolsai* (optativus).

Отрицательная форма мне не встречалась.

§ 111. Отрицанием при всех глагольных формах, перечисленных до сих пор, кроме последней, является б + краткий гласный (качества гласного первого слога глагола), который нередко исчезает вовсе.

Примеры: б-ошŏ 'не уходи!', бĕ-jёрĕ 'не приходи!', бĕ-хелĕ 'не говори!', бă-hанāшăрхă 'не терзайся!' и т. д.

Отрицание это восходит к **bü* = мо. *buu* 'не!'.[1] В хоринском ему соответствует бе или бў.[2]

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ

§ 112. Как сказано выше (см. § 93), изъявительные формы в большинстве своем по происхождению являются именными формами. В качестве изъявительных форм функционируют разные причастия, принимающие в качестве личных показателей предикативные суффиксы. Таким образом выходит, что причастия (именные формы) без личного показателя являются причастиями в нашем понимании этого термина, т. е. употребляются м. п. как attributum, напр., jабăґшă хўӈ 'идущий человек'. С личными показателями эти именные формы являются уже изъявительными, напр., jабăґшăп 'я хаживаю'. Как видно, принцип тот же, что в спряжении любого имени — хўӈ 'человек': хўм 'я человек' = jабăґшă 'идущий': jабăґшăп 'я хаживаю' ('я есмь идущий').

Принимая суффиксы притяжания, именные формы имеют уже несколько иное значение, напр., hўхă 'такой, который будет жить', hўхăп 'я буду жить', но hўхăмнĕ 'мне следует жить' ('мое житье в будущем').

Далее, входя в состав сложных оборотов типа jабā белĕ 'ходил', эти именные формы функционируют как изъявительные, но по существу они в таких случаях не являются глагольными формами, но именными: как в ўбĕ'тĕ белĕп 'я был беден' ўбĕ'тĕ 'бедный' есть только член сложного сказуемого, точно также в jабā белĕп 'я ходил' jабā не есть глагол, но имя ('такой, который шел и продолжает итти'), так что jабā белĕп дословно можно перевести 'я был шедшим'.

[1] К происхождению **bü* см. G. J. Ramstedt. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. MSFOu LII, S. 198 u. f.

[2] ХБГ, § 142; ср. Castrén, p. 72, Орлов, стр. 112; Подгорбунский, op. cit., p. 54.

Наконец, принимая ныне, как самостоятельные именные формы, в языке отсутствующие формы глагола а- ʻбытьʼ с личными показателями, именные формы играют роль опять-таки изъявительных форм, напр., jабāhăм. Но по существу jабāhăм совершенно такая же форма, как ўбē'тē-hĕм ʻя был беденʼ, т. е. предикативно употребляемая именная форма.

Из всего вышесказанного вытекает, что говорить здесь об изъявительных формах, если понимать под изъявительными формами такие, как изъявительные формы латыни или греческого языка, не приходится. Правильнее всего было бы даже избегать названия „изъявительные формы" и ввести вместо них термин формы предикативные и противопоставить их формам аттрибутивным. За исключением всего нескольких изъявительных форм, действительно являющихся по происхождению своему таковыми, все изъявительные формы бурятского наречия являются формами, функционирующими лишь как предикаты, но всегда могущие употребляться и аттрибутивно.

Таким образом, суммируя все сказанное, можно насчет структуры предикативно употребляемых именных форм заметить, что они представляют собою либо 1) глагольное имя с личным показателем (предикативным суффиксом), напр., jабāп, 2) либо глагольное имя + глагольное же имя от глагола а- (напр., *ahăң > -hăң) + личный показатель, напр., jабāhăм.

Почему личный показатель присоединяется не к глагольному имени, спрягаемого в данный момент глагола, а к -hăн (т. е. jабāhăм, а не jабāп-hăң), объяснять не приходится, ибо это ясно само по себе: jабāп ведь является предикативной формой и потому не может быть принадлежностью сложного сказуемого при глагольной форме.

§ 113. Личное спряжение является чрезвычайно характерной чертой бурятских говоров, которые в этом отношении стоят значительно ближе к ойратским говорам, где глагольные формы изменяются точно также по лицам. В халхаском наречии, как известно, личного спряжения нет, и в этом заключается основное различие бурятского наречия и халхаского, если оставить в стороне различия фонетического характера.

По этому же признаку наличия личного спряжения и селенгинско-бурятский говор должен быть отнесен именно к бурятским говорам, хотя в фонетическом отношении он стоит значительно ближе к халхаскому наречию, ср. сохранение ч, ц, ц̣, ʒ, с и т. д., давших в остальных бурятских говорах ш, с, ж, з, h.

§ 114. Переходя к именным формам, я даю их в следующей последовательности: сперва указываю именную форму, а затем привожу те формы, которые от нее являются образованными и употребляются предикативно.

Изъявительные формы, к которым не имеется соответствующих глагольных имен, и которые употребляются только как сказуемое, я выделяю в особую группу.

Nomen actoris.

§ 115. Nomen actoris.

Nomen actoris — имя деятеля имеет значение причастия настоящего времени.

Суффикс -ɣ̆шă (-ɣ̆шĕ, -ɣ̆шŏ).

Пример: jабăɣ̆шă 'ходящий' (в настоящее время).

Употребляется как определение.

Форма эта засвидетельствована во всех бурятских говорах,[1] в халхаском[2] и других монгольских наречиях.

Восходит к -**γči* = мо. -*γči*.

С личными показателями, т. е. в роли предиката, это praesens durativum; с -hăŋ < **aγsan* это praeteritum durativum I.

§ 116. Praesens durativum.

Форма эта выражает действие, которое совершается неоднократно и совершение которого обычно для данного лица.

Пример:

jабăɣ̆шăп 'я хаживаю',
jабăɣ̆шăш,
jабăɣ̆шă,
jабăɣ̆шăбдĕ,
jабăɣ̆шăт,
jабăɣ̆шă(т).

Форма эта наблюдается и в хоринском говоре.[3] Совершенно созвучна с формой 1-го л. ед. ч. форма опасения будущего времени III лица ед. ч., указанная мне Г. Д. Санжеевым jабăɣ̆шăп 'как бы он не пошел'.

Форма эта, повидимому, того же происхождения, что и praesens durativum.

§ 117. Praeteritum durativum I.

Выражает действие, длительно и постоянно совершавшееся в прошлом.

Пример:

jабăɣ̆шăhăм 'я хаживал',
jабăɣ̆шăhăнш,
jабăɣ̆шăhăŋ и т. д.

[1] ХБГ, § 165; Castrén, § 138.
[2] ККМ, S. 41.
[3] ХБГ, § 151.

Спирант h в положении между гласными обычно исчезает и получается -ґ̯шāм и т. д.

Форма эта распространена и в хоринском.[1]

§ 118. На ряду с упомянутой в § 115 формой nominis actoris существует другая, отличающаяся только функционально: эта вторая форма аттрибутивно не употребляется и употребляется только как дополнение или подлежащее, а также (с личными показателями) как сказуемое.

Суффикс -āшă (-ēшĕ, -ōшŏ, -ō̄шĕ).

Примеры: jабāшă 'тот, кто идет', yhă зō̄гō̄шĕ 'водонос'.

Форма эта очень распространена во всех бурятских говорах,[2] в халхаском[3] и других наречиях. Восходит -āшă к -*γači = мо. -γači (ср. alaγači 'убойник').

С личными показателями образует praesens consuetudinis.

§ 119. Praesens consuetudinis.

Эта форма имеет почти то же значение, что и praesens durativum (§ 116).

Пример:

jабāшăп 'я вообще имею обыкновение ходить'
jабāшăш,
jабāшă,
jабāшăбдĕ,
jабāшăт,
jабāшă(т).

В отличие от формы praesentis durativi, я ее называю praesens consuetudinis.

Nomen imperfecti.

§ 120. Nomen imperfecti.

Nomen imperfecti только исторически является причастием и ныне в роли такового в аларском говоре не встречается и употребляется только как изъявительная форма.

Суффикс его -ā (-ē, -ō, -ō̄).

Первоначально причастный характер этой формы в аларском не утратился окончательно. Следом его являются такие синтаксические обороты, как jабā белē и т. д.: белē требует при себе всегда именных форм и сочетания из изъявительной, по происхождению, формы с белē невозможны, как невозможно, напр., jабăбă белē и т. д.

[1] ХБГ, § 156.
[2] ХБГ, § 165; Орлов, § 107; Подгорбунский, op. cit., p. 88.
[3] ККМ, S. 41.

В качестве причастия, эта форма является общей для большинства остальных бурятских говоров,[1] для халхаского[2] и др. наречий. Восходит -ā к -*γa = мо. -γa.

С личными показателями образует praeteritum I, с -ґшă < *aγči — praeteritum durativum II и с -hăң < *aγsan — plusquamperfectum.

§ 121. Praeteritum I.

Эта форма выражает действие, совершавшееся вообще в прошлом без уточнения, совершалось ли оно давно или недавно, завершено ли действие окончательно или нет. В силу такой неопределенности качества выражаемого действия, форма эта является, как правильно заметил еще Подгорбунский,[3] наиболее распространенной формой прошедшего времени.

Примеры:

jабāп 'я ходил',	jёрēп 'я пришел' ('и нахожусь здесь'),
jабāш,	jёрēш,
jабā,	jёрē,
jабāбдĕ,	jёрēбдĕ,
jабāт,	jёрēт,
jабā(т),	jёрē(т).

Форма эта распространена во всех бурятских говорах.[4]

§ 122. Praeteritum durativum II.

По значению совпадает почти с формой praeteriti durativi I. Восходит к nomen imperfecti с -ґшă < *aγči. Формантом, таким образом, является -āґшă.

Пример: ба$^{-i}$ҕāґшăп 'я бывал'.

§ 123. Plusquamperfectum.

Выражает действие давнопрошедшее, которое уже в прошлом могло считаться совершившимся до того. Эту форму образует nomen imperfecti с -hăң, и формантом этой формы является -āhăң.

Пример:

jабāhăм 'я ходил' (уже тогда был ходившим),
jабāhăйш,
jабāhăң и т. д.

Распространена в хоринском говоре[5] и других бурятских говорах.[6] В халхаском образует perfectum imperfecti.[7] Восходит к -*γa aγsan.

[1] ХБГ, § 167, Орлов, § 107; Подгорбунский, op. cit., p 91.
[2] ККМ, S. 26.
[3] Подгорбунский, op. cit., p. 77.
[4] ХБГ, § 152, Castrén, § 113.
[5] ХБГ, § 158.
[6] Castrén, § 115.
[7] ККМ, S. 33.

Nomen perfecti.

§ 124. Nomen perfecti.

Форма эта имеет значение причастия прошедшего времени совершенного.

Суффикс ее -hăң (-hĕң, -hŏң).

Примеры:

jабăhăң 'пошедший', ўхĕhĕң 'умерший'.

Причастие это распространено во всех бурятских говорах,[1] в халхаском[2] и т. д. Восходит к -**γsan* = мо. *-γsan*. С личными показателями образует форму недавнего прошедшего времени.

§ 125. Praeteritum II.

Форма эта встречается обычно в таких предложениях, в которых имеется еще какая-нибудь другая глагольная форма и выражает в таких случаях действие, совершавшееся одновременно с действием, выражаемым другой глагольной формой.

Пример:

jабăhăм 'я ходил' (когда было то-то),
jабăhăӈш,
jабăhăң,
jабăhăмдĕ,
jабăhăнт,
jабăhăң.

В хоринском эта форма отсутствует, но имеется по словам Руднева в агинском говоре.[3]

Перевод на русский язык некоторых приведенных пока форм прошедшего времени не дает ясного представления о качестве выражаемых ими действий. Гораздо удачнее они могут быть переведены на немецкий язык: ich ging (praeteritum I), ich bin gegangen (praeteritum II), ich war gegangen (plusquamperfectum).

Nomen futuri.

§ 126. Nomen futuri.

Nomen futuri имеет значение причастия будущего времени.[4]

Суффикс -хă (-хĕ, -хŏ).

[1] ХБГ, § 166; Castrén, § 137, Орлов, § 107; Подгорбунский, op. cit., p. 92.
[2] ККМ, S. 27.
[3] ХБГ, § 155.
[4] ХБГ, § 168; Castrén, § 133; Орлов, § 107; Подгорбунский, op. cit., p. 93; ККМ, S. 29.

Примеры:

jабăхă 'тот, который пойдет', ўхĕхĕ 'morituru̇s' и т. д.

Форма эта известна многим грамматикам, как неопределенное наклонение, почему jабăхă ~ jаб̯хă переводится м. п. как 'итти'.

Распространена во всех бурятских говорах. Восходит к -*χи = мо. -χи. С личными показателями (предикативно) это форма будущего времени, (futurum I), с -hăң это perfectum futuri.

§ 127. Futurum I.

Значение этой формы — будущее время.

Пример:

jаб̯хăп 'я пойду',
jаб̯хăш,
jаб̯хă,
jаб̯хăбдĕ,
jаб̯хăт,
jаб̯хă(т).

С суффиксами притяжания вместо названных выше личных показателей (предикативных суффиксов) форма эта выражает желание совершить действие, указывая на то, что следует совершить его или придется совершить.

Пример:

jаб̯хăмнĕ 'мне хочется (придется) пойти',
jаб̯хăшнĕ,
jаб̯хă,
jаб̯хăмнā,
jаб̯хăтнā,
jаб̯хă.

Форма второго лица ед. ч. -хăш часто имеет значение повелительной формы или оттенок уверенности, напр., jёрхĕш 'ты придешь' — 'ты непременно придешь' — категорическое приказание, не допускающее никаких возражений, ср. русск. „вы сейчас же пойдете!".

Эта форма futuri хорошо известна во всех бурятских говорах.[1]

§ 128. Perfectum futuri.

Форма эта имеет значение сослагательного наклонения и может быть переведена как „следовало бы....", „сделал бы то-то и то-то". Она выражает несбыточное желание или раскаяние, в результате того, что нечто,

[1] ХБГ, § 161, Castrén, § 119; Подгорбунский, op. cit., p. 84.

что следовало бы сделать, осталось несделанным. По русски довольно хорошо переводится сослагательным наклонением.

Восходит к nomen futuri с *ahăң > -hăң, т. е. имеем -хăhăң с личными показателями, причем h часто исчезает и гласные сливаются в один долгий.

Пример:

jaḓхăhăм 'пошел бы я',
jaḓхăhăн̓ш,
jaḓхăhăң,
jaḓхăhăмд̓ĕ,
jaḓхăhăнт,
jaḓхăhăң,

jāхāшхĕ jāхāм 'хоть что сделать, сделал бы я!' (='что поделаешь!' 'ничего не поделаешь', 'чтобы ни сделал, все напрасно, уже слишком поздно!'); jамăр н̓ӯсă бā̄ˈхăhāм (с эмфатической долготой) 'какие у меня секреты!'.

Форма эта известна в хоринском[1] и в других говорах,[2] а также в халхаском.[3]

Nomen usus.

§ 129. Nomen usus.

Nomen usus или причастие настоящего времени многократное имеет значение „имеющий обыкновение что-либо делать".

Суффикс его -дăk (-дĕк, -дŏk).

Пример:

jабăдăk 'имеющий обыкновение ходить', 'неоднократно ходящий'.

Имя это известно во всех бурятских говорах,[4] халхаском[5] и других монгольских наречиях. Восходит к -*daγ = мо. -daγ.

С -hăң < *ahăң образует praeteritum usus.

§ 130. Praeteritum usus.

Форма эта выражает действие, которое было в обычае совершать прежде.

[1] ХБГ, § 160.
[2] Castrén, § 128.
[3] ККМ, S. 35.
[4] ХБГ, § 164; Castrén, § 138; Орлов, § 107; Подгорбунский, op. cit., p. 90.
[5] ККМ, S. 30.

Пример:

јабдăґ̮hăм 'я имел обыкновение ходить',
јабдăґ̮hăн̀ш,
јабдăґ̮hăң и т. д.

Форма эта распространена в хоринском говоре,[1] в халхаском наречии[2] и т. д.

Nomen descriptionis.

§ 131. Это отглагольное имя является всегда качественным или количественным определением и может быть переводимо „такой, что...", „до того, что...".

Суффикс его -мă (-мĕ, -мŏ).

Примеры: тĕн̀јĕртĕ хӯрĕмĕ саҕāң ӧргѡ̄к 'белая ставка, которая может достигнуть неба'; м̀інā хајăжă ур̀ăлдăмă херĕнсē 'крыльцо, на котором можно бегать взапуски стегая (коня) плетью'; hоґ̮тŏмŏ арс̀ă 'водка от которой можно опъянеть', ґаң гемĕ халӯң 'жара такая, что можно сказать засуха'; дӧргĕмĕ халӯң 'палящий зной' и т. д. Восходит к -*ma = мо. -ma.

Форма эта имеется и в хоринском говоре,[3] в халхаском[4] и др. наречиях.

Nomen acturi.

§ 132. Форма эта уже не принадлежит к живым и сохранилась лишь в некоторых омертвелых образованиях. Значение ее „такой, который может, способен сделать то-то и то-то".

Суффикс ее -мăр (-мĕр).

Пример: ӗд̀ĕмĕр 'тот, кто может много съесть', 'обжора', ж-āлдăмăр 'такой, который может потерять своего хозяина' (ругательство) и т. д.

Форма эта более распространена в хоринском[5] и некоторых других бурятских говорах,[6] также в халхаском (-мăр или -мāр)[7] и т. д. Восходит к -*mar = мо. -mar.

Nomen exacti.

§ 133. Nomen exacti, имеющее значение имени, испытавшего на себе действие, засвидетельствовано лишь в немногих случаях.

Суффикс его -мăл.

[1] ХБГ, § 157.
[2] ККМ, S. 35.
[3] ХБГ, § 180.
[4] ККМ, S. 37.
[5] ХБГ, § 180.
[6] Ср. Castrén, § 138.
[7] ККМ, S. 38.

Восходит к -*mal = мо. mal.

Пример: зурăмăл 'разрисованный'.

Форма эта известна в хоринском[1] и других говорах,[2] в халхаском[3] наречии и т. д.

Nomen status.

§ 134. Так называю я глагольное имя, имеющее значение причастия прошедшего времени страдательного залога, напр., „поставленный". Форма эта чрезвычайно распространена в аларском говоре.

Суффикс ее -ātē (-ētē и т. д.).

Примеры: тамґāр дарāтē 'к которому приложена печать', уjāтē 'привязанный', hӯлґāтē 'посаженный', хӧмрӯлēтē 'опрокинутый' и т. д.

Форма эта хорошо известна в ойратских говорах, ср. дэрб. Астр. ölгāтā̄ 'повешенный', в халхаском ср. хēтē 'инкрустированный' и т. д. В прежних исследованиях бурятских говоров она не упоминается. Восходит она к nomen imperfecti -ā < -*γa + суфф. -тē < -*tai.

Nomen cupiditatis.

§ 135. Мною сохранено здесь это название, присвоенное одной халхаской форме,[4] хотя в аларском говоре она имеет несколько иное значение, чем там. Форма эта имеет значение „нечто, что подходит, годно для того-то и того-то", „нечто, что питает склонность к тому-то".

Суффикс -мăҕā̄ⁱ (-мєҕēⁱ).

Пример: hāмăҕā̄ⁱ н̇ēӊ 'корова, которую можно доить'.

Форма эта имеется и в хоринском.[5]

Nomen possibilitatis.

§ 136. Имя это имеет значение „такой, который может...". Употребляется только с отрицанием у̇бēⁱ и значит в таком случае „такой, который не может...".

Суффикс его -шă (-шĕ).

Пример: шёлжĕршĕ ӯбēⁱ шёрēӊ „непоколебимый престол".

Форма эта имеется и в хоринском[6] и очень распространена в халхаском.[7]

Восходит -шă к -*si = мо. -si.

[1] ХБГ, стр. CVII.
[2] Ср. Орлов, § 38.
[3] ККМ, S. 38.
[4] ККМ, S. 39.
[5] ХБГ, стр. CVIII.
[6] ХБГ, стр. CXI.
[7] ККМ, S. 40.

Nomen actionis.

§ 137. Имя это имеет значение „такой, которого следует сделать". Суффикс его -лтӗ (-лтē).

Примеры: jабӑлтӗ 'нужно итти', hӯлтӗ сӧл 'дом, в котором следует жить'.

Соответствующая отрицательная форма образуется при помощи суфф. -л или -лтӑ (-лтӗ и т. д.) с ӱбē[1], напр., jабӑл ӱбē[1] 'без хождения', jабӑлтӑ ӱбē[1] ґазӑр 'местность, куда не следует ходить' и т. д.

Форма эта распространена в хоринском говоре,[1] в халхаском[2] и других наречиях.

Восходит -лтӗ к -**l* + суфф. -**tai*.

§ 138. Все именные формы принимают в качестве отрицания ӱбē[i]. В отрицательном спряжении в изъявительных формах, образованных от именных, мы поэтому тоже встретимся с этим ӱбē[1] (см. § 147).

ИЗЪЯВИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ[3]

§ 139. Praesens imperfecti.

Форма эта выражает действие, совершаемое, если угодно, вне времени. Она очень часто встречается, напр., в языке эпических произведений, где глаголом в этой форме выражается действие, которое в эпоху, о которой идет речь, действительно совершалось в настоящем времени (praesens historicum).

Суффиксом является -нӑ (-нӗ, -нӧ). Личные показатели: -п (~ -м), -ш, -бдӗ (~ -мдӗ), -т. Личным показателем третьего лица мн. ч. является часто, но не обязательно, тоже -т.

Пример:

jабӑнӑп (~ jабӑнӑм) 'я иду',
jабӑнӑш,
jабӑнӑ,
jабӑнӑбдӗ (~ jабӑнӑмдӗ),
jабӑнӑт,
jабӑнӑ(т).

В хоринском и других бурятских говорах соответствует то же самое.[4] Также образуется эта форма и в халхаском.[5] Соответствующие, по значению, формы письменного языка -*mui* и -*nam*. Восходит -нӑ к -**na*.

[1] ХБГ, стр. CVI.
[2] ККМ, S. 40.
[3] Изъявительные par excellence, никогда не употребляемые в качестве определений или подлежащих, но только как verbum finitum.
[4] ХБГ, § 150; Castrén, § 140; Орлов, § 105; Подгорбунский, op. cit., p. 72.
[5] ККМ, S. 15.

§ 140. Когда требуется выразить, что действие происходит именно в тот момент, когда об этом говорится, что действие еще продолжается и не кончилось, что оно относится ни к прошлому, ни к будущему, но именно к настоящему, тогда употребляется описательный синтаксический оборот: глагол в форме деепричастия соединительного (converbum imperfecti) и при нем форма настоящего времени вспомогательного глагола ба̄ⁱ-.

Пример:

јабăжă ба̄ⁱнăп 'я иду',
„ ба̄ⁱнăш,
„ ба̄ⁱнă,
„ ба̄ⁱнăбд̀ĕ,
„ ба̄ⁱнăт,
„ ба̄ⁱнă(т).

Глагольная форма ба̄ⁱнă при этом часто как бы сливается с деепричастной формой глагола и получается:

јабăжā̄нăп (~ јабăжā̄нăм),
јабăжā̄нăш,
јабăжā̄нă и т. д.

Получается нечто вроде особого форманта -жā̄нă, как в ойратских говорах, ср. в дэрбетском сӯцāнăw 'я сижу'. Такая конструкция очень распространена во всех бурятских говорах,[1] в халхаском[2] и др. наречиях, где заменяет отсутствующую отдельную форму, которая означала бы, что действие происходит именно сейчас.

Аналогично этой форме настоящего времени образуются формы:

-жā̄hăң < -*ǰi bayiγsan,
-жā̄дăk < -*ǰi bayidaγ,
-жā̄ґā < -*ǰi bayiγa.

§ 141. Praeteritum praesentis.

Форма эта выражает действие, совершившееся только что.

По происхождению своему это сложная форма, в состав которой входит суффикс praesentis imperfecti -нă и -hăң < *ahăң (nomen perfecti от а- 'быть').

Примеры: ёлĕгēнĕhĕң 'послал' (только что), 'посылает' в следующем контексте — бāба̄ⁱтнā̄ танā јёрхĕ гежĕ ур̀ăжă ёлгēнĕhĕң гежĕ хелĕбĕ 'он сказал: ваш отец посылает (послал) [сказать], чтобы вы пришли';

[1] ХБГ, § 136; Подгорбунский, op. cit., p. 73.
[2] ККМ, S. 16.

хеб̮тĕнhāӊ 'лег'; бӯнhăӊ 'спустился'; jабăнăhăӊ 'шел' ('идет'). В зависимости от контекста эта форма может переводится настоящим или прошедшим временем. Она может быть поэтому названа praeteritum praesentis. Все же, я ее отношу к формам прошедшего времени, ибо она всегда выражает действие уже совершившееся.

Как известно, -hăӊ < *ahăӊ может присоединяться только к именным формам и это доказывает, что суфф. -нă по происхождению своему именной. На это указывает и отрицательная форма -нăбōп и т. д. (см. § 147).

§ 142. Praesens perfecti.

Эта форма выражает действие совершенное, совершенность которого не подлежит никакому сомнению. Поэтому она может переводиться „как известно, произошло то-то и то-то".

Часто этой формой выражается действие, которое говорящим мыслится, как уже совершившийся факт. Так напр., собираясь уходить, могут сказать: „ну, я пошел!", хотя говорящий еще не ушел. То, что он через несколько секунд будет уже ушедшим, для него не подлежит сомнению. По сообщению Г. Д. Санжеева, эта форма может иногда выражать опасения перед возможностью совершения действия.

Суффикс -лā (~ -лē).

Пример:

jабăлāп 'я пошел',
jабăлāш,
jабăлā,
jабăлāбд̀ĕ,
jабăлāт,
jабăлā.

Суффикс -лā восходит к -*lai ~ -luγai=мо. -luγa. Форма эта чрезвычайно распространена в халхаском.[1] В хоринском говоре она отсутствует,[2] но имеется в других бурятских говорах.[3]

§ 143. Praeteritum II.

Этой формой выражается действие, совершенное в недавнем прошлом, причем действие краткое, длившееся недолго.

Образуется при помощи суфф. -бă (-бĕ, -бŏ).

Пример:

ошŏбŏп 'я ушел' (только что),
ошŏбŏш,
ошŏбŏ,

1 ККМ, S. 17.
2 ХБГ, § 153.
3 Castrén, § 116; Орлов, § 105; Подгорбунский, op. cit., p. 81.

ошӧбӧбдӗ,
ошӧбӧт,
ошӧбӧ(т).

Распространена в хоринском и других бурятских говорах,[1] в халхаском[2] и т. д. Восходит -бӑ к -**ba* = мо. *-ba* ~ *-bai*.

§ 144. Futurum II.

Форма эта выражает действие, которое будет совершено в неопределенном будущем, и имеет сплошь да рядом значение вынужденного согласия на совершение действия.

Суффиксом является -ӯжӑ (-ӯжӗ) с личными показателями.

Пример:

јабӯжӑп 'ужо как-нибудь пойду',
јабӯжӑш,
јабӯжӑ,
јабӯжӑбдӗ (~ јабӯжӑмдӗ),
јабӯжӑт,
јабӯжӑ.

Довольно часто форма эта принимает частицу -л, ср. јабӯжӑлтӑ 'вы ужо придете когда-нибудь'.

Форма эта известна также в хоринском.[3] В халхаском, где она встречается очень редко, она имеет значение dubitativi (форма опасения „как бы не пришел").[4] Восходит к -**γuǰai* = мо. *-γuǰai* (dubitativus).

ФОРМА ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

§ 145. Сомнение выражается формой бӥзӗ = мо. *bui-ǰa* с причастием другого глагола, напр., јаӈхӑ бӥзӗ 'вероятно придет', јабӑ бӥзӗ 'вероятно пошел', јёрхӗ бӥзӗп 'вероятно я приду', баӈхӑ бӥзӗш 'вероятно поймаешь' и т. д. В хоринском бӥзӗ уже слилось с причастной формой, к которой оно относится и получился как бы суффикс -ӑбзӑ.[5] Аналогичную аларской конструкции находим и в других говорах.[6]

§ 146. Будущее предположительное.

От этой формы наблюдается только третье лицо ед. ч. Выражает она действие, которое может совершиться.

[1] ХБГ, § 154; Орлов, § 105; Подгорбунский, op. cit., p. 80.
[2] ККМ, S. 19.
[3] ХБГ, § 162.
[4] ККМ, S. 90.
[5] ХБГ, § 190.
[6] Ср. Castrén, § 126.

Суффикс -хăй (-хŏй).

Пример: хурă орхŏй 'дождь, пожалуй, пойдет'.

Такая форма наблюдается и в халхаском, ср. ǫорō орхŏн, т'а jawхăнӯ „вы пойдете что-ли?" и т. д., в ойратких говорах, ср. хур орхŏй и т. д. Восходит к форме nominis futuri с частицей сомнения *ni.*[1]

§ 147. Отрицанием при изъявительных формах является ẏбē' 'нет' = мо. *ügei*, которое присоединяется непосредственно к глагольной форме, причем личные показатели присоединяются тогда к ẏбē'. В отрицательных сложных формах, происшедших от тех или иных глагольных имен и *ahăң > -hăң, отрицание ẏбē' ставится между глагольным именем и -hăң, причем личные показатели в таких случаях присоединяются уже к -hăң.

Схема: 1) глагольная форма + ẏбē' + личный показатель;

2) глагольн. имя + ẏбē' + -hăң + личный показатель.

Отрицание ẏбē' появляется как бы в роли инфикса и является инкорпорированным.

В случаях под 1), т. е. когда ẏбē', присоединяемое к глагольной форме, принимает личные показатели, оно в известных случаях сокращается и подвергается разным изменениям.

Показателя личного для третьего лица обоих чисел нет, и ẏбē' сохраняется в этом виде, теряя только свой начальный гласный.

С показателем первого лица ẏбē' дает в формах с задним вокализмом -бō-, т. е. -бōп в единственном числе и -бōбдĕ во множественном числе, и в формах с передним вокализмом -бō̆п и -бō̆бдĕ. С показателем второго лица обоих чисел ẏбē' дает -бē- ~ -бē'-, т. е. -бēш и -бēт (~ -бē'ш и -бē'т).

Получается следующего рода картина:

1 л. ед. ч. -бōп (-бō̆п),
2 л. ед. ч. -бēш,
3 л. ед. ч. -бē',
1 л. мн. ч. -бōбдĕ (-бō̆бдĕ),
2 л. мн. ч. -бēт,
3 л. мн. ч. -бē'.

Отрицательная форма praesentis imperfecti (см. § 139) образуется путем наращения -бōп и т. д. к -нă (-нĕ):

jабăнăбōп я не иду,
jабăнăбēш,
jабăнăбē',
jабăнăбōбдĕ,
jабăнăбēт,
jабăнăбē'.

[1] Geserica, S. 184.

Так как ẏбē' < *ügei в монгольских наречиях является отрицанием только при именах, это доказывает, что -нă первоначально является суффиксом глагольного имени.

Praesens durativum отрицательное -ґ̌шăбōп и т. д., напр., jабăґ̌шăбōп 'я не имею обыкновения ходить'.

Praeteritum I отрицательное -ābōп и т. д., напр., jабābōп 'я не ходил' ('я еще не ходил').

Futurum I отрицательное -хăбōп, -хăбē̄ш и т. д., напр., jаб̌хăбōп 'я не пойду'.

Переходя к сложным, по происхождению, глагольным формам, возникшим из глагольного имени и -hăң < *ahaң, можно заметить, что -ẏбē' и здесь оказывается инкорпорированным, оказываясь между глагольным именем и -hăң. При этом ẏбē' в первом лице обоих чисел дало -бō-, а во втором и третьем сохранилось как -бē'. Получается следующего рода формант:

1 л. ед. ч. -бōhăм,
2 л. ед. ч. -бē'hăңш,
1 л. мн. ч. -бōhăмдĕ,
2 л. мн. ч. -бē'hăнт.

Plusquamperfectum отрицательное -ābōhăм, -ābē'hăңш и т. д., напр., jабābōhăм 'я не был ходившим', 'не ходил' (когда было то-то и то-то).

Praeteritum durativum отрицательное -ґ̌шăбōhăм и т. д. напр., jабăґ̌шăбōhăм 'я не хаживал'.

Praeteritum usus отрицательное -дăґбōhăм, -дăґбē'hăңш и т. д., напр., jабдăґбōhăм 'я не имел обыкновения ходить'.

Perfectum futuri отрицательное -хăбōhăм и т. д., напр., jаб̌хăбōhăм 'не ходил бы'.

Таковы отрицательные глагольные формы именного происхождения. Что касается чисто-глагольных, по происхождению, форм, напр., praesens perfecti (-лā), preteritum II (-бă), futurum II (-ӯжă), то от них отрицательных форм нет. Любопытно заметить, что, в частности, отсутствуют те отрицательные форм, которые в письменном языке имеют *ese* или *ülü*, и имеются только те, которые в письменном языке принимают *ügei*. Только в эпическом языке, где сохранились отрицания ẏлĕ < *ülü и ehĕ < *ese, возможны такие формы, как ẏлĕ хӯсĕбĕ 'не достиг'.

УСЛОВНЫЕ ФОРМЫ

§ 148. Conditionalis I.

Форма эта соответствует условному наклонению. Переводится словами „если совершится то-то и то-то".

Образуется при помощи суффикса -бăл (-бĕл, -бŏл). В качестве личных показателей принимает личные притяжательные суффиксы:

1 л. ед. ч. -бăлн̇ĕ,
2 л. „ „ -бăлшн̇ĕ,
3 л. „ „ -бăл,
1 л. мн. ч. -бăлнā,
2 л. „ „ -бăлтнā,
3 л. „ „ бăл.

Примеры: захă тоḇшŏ таhăрбăл 'если оторвется пуговица воротника'; хӯн̇ĕ хемдĕ орŏбŏл 'если достигнет человеческого роста' ('если станет взрослым'); унăҕāбăл 'если свалит'; та̇бăбăлшн̇ĕ 'если отпустишь'; хортŏ шортŏ дā'ндă ґархăјā тӧхӧ̄рбĕлн̇ĕ 'если я снаряжусь, чтобы выйти на зловредного и зловещего врага'.

В хоринском такой формы нет,[1] но в других бурятских говорах она встречается.[2] В халхаском соответствует ей форма на -wăл.[3] Восходит -бăл к *-*bala* < *-*ba ele* и соответствует по значению письменному -*basu*.

§ 149. Conditionalis II.

По значению эта форма совпадает с предыдущей.

1) Образуется при помощи суфф. -hā (-hē ~ -hā, -hō) с личными показателями.

Примеры: болhōмн̇ĕ 'если я сделаюсь'; јӯ ӧгĕhā̄ш 'если что дашь'; hарă геhē 'если сказать луна'; у̇к'к'ᶜīң зајāң болhō 'если судьба помереть'; у̇хĕhē танāрā 'если умереть, то с вами'; ошŏhō ошīш-тā 'коли уходить, то уходи'!.

2) По значению совпадает с формой на -hā и т. д. форма на -āhā (-ēhā, -ōhā, -ӧ̄hā), напр., јабāhā 'если пойдет', ошōhā 'если уйдет' и т. д.

В хоринском этой форме соответствует форма на -āhā (-ēhā, -ōhā), а форма, указанная выше под 1), не засвидетельствована.[4]

Вторая форма отличается от первой тем, что -hā, во-первых, всегда сохраняет гласный ā, независимо от вокализма глагола, а во-вторых, этому суффиксу предшествует долгий гласный. Поэтому можно полагать, что формы на -āhā по происхождению своему сложные, в образовании которых участвует *ahā от глагола а- 'быть'. Что касается первого долгого ā (в -āhā), то, повидимому, это суффикс nominis imperfecti. Другими словами, формы типа јабāhā восходят к **yabuγa asuγa*.

[1] ХБГ, § 183.
[2] Ср. Орлов, § 106; Подгорбунский, op. cit., p. 96.
[3] ККМ, S. 45.
[4] ХБГ, § 183.

Что касается аларского суфф. -hā, то он восходит к *-*suγa*, напр., jабăhā < **yabusuγa*. Суффикс *-*suγa*, и в хоринском (в -āhā), и в аларском того же происхождения, что суффиксы optativi.[1]

§ 150. Conditionalis III.

В аларском, кроме указанных форм conditionalis, существует еще одна. Это не есть самостоятельная форма, но синтаксическое сочетание nominis imperfecti с частицей хадā ~ хедā.

Примеры: jабā-хадā 'если пойдет', орō-хадā 'если войдет', хелē-хедā 'если скажет'.

Соответствующей формой прошедшего времени является -hīмĕ хадā, напр., jабăhīмĕ-хедā 'если пошел'. Суффикс -hīмĕ восходит к суфф. nominis perfecti -hăң < *-*γsan* + īмĕ < **yaγuma*.

§ 151. Concessivus.

Concessivus или уступительная форма, как отдельная форма, отсутствует. В уступительном значении употребляется форма nominis imperfecti с уступительной частицей -шхĕ < **čigi* = мо. *ču* и обычно с условной формой глагола бол- 'делаться' (болhō).

Примеры: ӯ'лāшхĕ болhōмнĕ 'хоть я и буду плакать', алā́шхĕ болhō 'хотя бы и убил', гертēшхĕ бā'гāhā 'хоть находился бы в своей юрте'.

В этом же значении, но чаще в значении прошедшего времени, употребляется форма на -hăӓшхĕ < -*γsan* -*čigi* с болhō, напр., jабăhăӓшхĕ болhō 'хотя и пошел'.

В значении concessivi употребляется также форма conditionalis II на -hā с уступительной частицей -шхĕ, напр., андăлдăhāшнĕшхĕ 'хоть бы ты и обменял'.

§ 152. Отрицательные формы образуют из упомянутых в отделе условных conditionalis III и concessivus. Отрицание то же, что при nomen imperfecti, т. е. ӱбē'.

Примеры: jёрē-бē'-хедā 'если не придет', jёрē-бē'шхĕ болhō 'хотя и не придет'.

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ

§ 153. Converbum imperfecti.

Converbum imperfecti или деепричастие соединительное выражает действие, определяющее другое и подчиненное ему.

Суффиксом его является -жă (-жĕ, -жŏ), -шă (-шĕ, -шŏ).

Примеры: jабăжă 'идя', бошшŏ < *бодшŏ 'вставая' и т. д.

С частицей -л < *ele* имеет значение более продолжительного действия, напр., hӯжăл бā'нă 'живет все'.

[1] Ср. ККМ, S. 105.

Деепричастие это принадлежит к наиболее распространенным и участвует, между прочим, в некоторых синтаксических оборотах, заменяющих отсутствующие отдельные глагольные формы, напр., јабăжă бā^{i}нă 'идет' ('идя есть'). Сливаясь с некоторыми формами вспомогательного глагола **bayi-* 'быть', деепричастие это входит в состав таких форм, как:

-жāнă (Praesens imperfecti),
-жāҕāт < **ǰi baiγad,*
-жāжă < **ǰi bayiǰi,*
-жāсрā < **ǰi bayitara ~ atala* и т. д.

В хоринском соответствует ему -жі,[1] то же и в других бурятских говорах,[2] в халхаском -ц̣ĭ[3] и т. д. Восходит к **-ǰi* = мо. **ǰu.*

Форма эта очень часто играет роль verbi finiti, встречаясь в предложениях, где никаких других глагольных форм нет. В таких случаях она имеет всегда значение третьего лица прошедшего времени и в точности соответствует халхаскому praeteritum imperfecti на -ц̣ĭ[4] и мо. *-ǰuχui* < *-*ǰu-χui.*

§ 154. Converbum perfecti.

Converbum perfecti или разделительное деепричастие выражает действие, предшествующее другому и законченное, напр., 'уйдя'.

Суффиксом является -āт (-ēт, -ōт, -ѿт).

Примеры: јабāт 'пошедши', ошōт 'уйдя', јёрēт 'придя', ёгѿт 'давши' и т. д. В других бурятских говорах, в халхаском и т. д. соответствует то же.[5] Восходит к **-γad* = мо. *-γad.*

§ 155. Converbum modale.

Деепричастие это всегда определяет качество другого и имеет значение русского деепричастия настоящего времени.

Суффикс -ӊ. Положительная форма встречается сравнитсльно редко и можно поставить вопрос, является-ли эта форма живой, так как она засвидетельствована мною всего несколько раз от глагола а- 'быть', напр., аӊ hӯжă 'существуя, живя' и некоторых других, напр., јабăӊ 'ходя', ср. еще омертвелое образование ӯдĕшĕлĕӊ 'вечером' (< **üdesi-le-n*). Отрицательная форма с ӯбē^{i} встречается зато очень часто. При этом отрицание ӯбē^{i} обычно является в форме instrumentalis, напр., алăӊбĕјēр 'не убивая', харăӊбĕјēр 'не видя'. Под влиянием б звук н (> ӊ) суффикса дает часто м, напр., харăмбĕјēр 'не видя', харăмбē^{i} јабāп 'я ходил, не видя' ('ходил и не видел').

[1] ХБГ, § 169.
[2] Castrén, § 134; Орлов, § 106; Подгорбунский, op. cit., p. 100.
[3] ККМ, S. 46.
[4] ККМ, S. 18.
[5] ХБГ, § 170; Castrén, § 135; Орлов, l. c.; Подгорбунский, l. c.; ККМ, S. 47.

Форма эта так же редка и в хоринском,[1] но засвидетельствована и в селенгинском[2] и других говорах.[3] Довольно редка эта форма и в халхаском.[4] Восходит -ӊ к *-*n* = мо. -*n*.

То обстоятельство, что деепричастие это принимает отрицание ӯбē^{i}, показывает, что оно именного происхождения.

§ 156. Converbum terminale.

Эта деепричастная форма переводится словами „до тех пор, как...“, „так, что...“, „пока происходило то-то и то-то“.

Образуется при помощи суфф. -сăр (-сĕр, -сŏр), который часто и даже обычно теряет свой конечный р, т. е. суффиксом в таком случае является -сă (-сĕ, -сŏ).

Примеры: јабăсăр ʻпока пойдуʼ, ʻдо тех пор, как пойдуʼ, ґарсă ʻтак, что вышелʼ.

Обычно форма эта принимает суффиксы личного или безличного притяжания, напр., јабсăр̀ĭн̀ ʻпока он шелʼ, т̀ĭсĕр јāсăр̀ĭн̀ ʻпока делал так и что делалʼ, јабăсăрā ʻпока пойдетʼ и т. д. С притяжанием суффиксом является всегда -сăр и теряет свой р только в случаях, когда нет притяжания.

Восходит -сăр к *-*tara* = мо. -*tala*. В большинстве бурятских говоров соответствует -тăр(ă).[5] В халхаском наиболее обычным является суфф. -ʻтʻăл,[6] но в северной Халхе, к северу от Уланбатора до советской границы и до Селенги на запад чаще наблюдается суфф. -ʻтʻăр.

Суфф. *-*tala* ~ *-*tara* дал в аларском -сăр. Но от глагола а- ʻбытьʼ сохранилась форма на -дăлă, ср. адăлă в бодōт адăлă ʻпока пребывал вставʼ, ӯзē-бē^{i}-дĕлĕ < **üjege ügei atala* ʻпока еще не увиделʼ. Этот суффикс восходит к *-*tala*. Ему соответствует в некоторых бурятских говорах -дăл,[7] а в халхаском по Рамстедту -д̆ăлă ~ -д̆ăл.[8] Повидимому, раньше существовало в языке чередование *-*tala* ~ *-*tara*. Эти чередующиеся формы дали:

1) *-*tala* > мо. -*tala*, халх. -д̆ăл, аларск. -дăлă в адăлă;

2) *-*tara* > халх. -ʻтʻăр, общебурятск. -тăр и аларск. -сăр.

Подгорбунский отделяет упоминаемую у него тоже форму на -сăр от формы на -тăр и возводит -сăр к -мсăр.[9] Такое разграничение этих

[1] ХБГ, § 176.
[2] Castrén, § 134.
[3] Ср. Bálint, op. cit., p. 224; Орлов, § 106; Подгорбунский, op. cit., p. 102.
[4] ККМ, S. 49.
[5] ХБГ, § 171; Castrén, § 134; Орлов, § 106; Подгорбунский, op. cit., p. 107.
[6] ККМ, S. 50.
[7] Подгорбунский, op. cit., p. 107.
[8] ККМ, l. c.
[9] Op. cit., p. 106.

форм находит себе оправдание безусловно в том, что -сăр < *-*tara* является единственным примером развития *t > с. С другой стороны, однако, значение форм на -сăр совершенно не то, что значение форм на -мсăр. Главное же то, что форма на -мсăр продолжет в ряде говоров существовать на ряду с формой на -сăр со свойственным ей значением, а это указывает уже на то, что -сăр восходит во всяком случае не к -мсăр.

§ 157. Converbum finale.

Converbum finale или конечное деепричастие играет роль супина и имеет значение „для того, чтобы".

Суффикс -хăjā (-хĕjē, -хŏjō, -хĕjѡ̄).

Примеры: jаб̥хăjā 'чтобы пойти', алăхăjā 'чтобы убить', ёд̆ĕхĕjē 'чтобы съесть', орхŏjō 'чтобы войти', ӧкʻкʻĕjѡ̄ 'чтобы дать'.

Восходит -хăjā к форме дательного падежа на *-*a* от имени будущего времени (nomen futuri) = мо. -*χui-a* (напр., *olχui-a berke*)[1] и только по значению соответствует мо. -*ra* (деепричастию конечному).

В хоринском этой форме соответствует форма на -хā или -хăjā,[2] то же и в других бурятских говорах.[3] В халхаском соответствует суффикс -хā.[4]

На ряду с этой формой converbi finalis существует еще форма на -хāр (чаще с безличным притяжанием, т. е. -хāрā), напр., jаб̥хāр 'чтобы итти', дархāрā 'чтобы подавить', ёд̥хēрē jёрĕбĕ 'пришел, чтобы съесть' и т. д.

Эта форма восходит к форме instrumentalis от nomen futuri (= мо. -*χu-ber*) и тоже распространена во всех бурятских говорах.[5] В отличие от предыдущей формы на -хăjā эта выражает в то же время уверенность в том, что являющееся целью действие, действительно, будет совершено.

§ 158. Converbum successivum.

Converbum successivum или последовательное деепричастие выражает действие, после которого в тот же момент наступает другое. Оно переводится словами „лишь только произошло то-то и то-то, как"... Часто принимает личные притяжания.

Суффикс -хăлāр (-хĕлēр, -хŏлāр).

Примеры: jаб̥хăлāр 'лишь только пошел', jёрхлēр̀īн̀ 'лишь только пришел', хojŏр бергĕнē орхŏлāр 'лишь только обе невестки вошли'.

Восходит -хăлāр к форме instrumentalis на -āр от формы comitativi на *-*luγa* от имени будущего времени (nomen futuri), т. е. к *-*χu-luγa-βar*.[6]

[1] Ср. ККМ, S. 113.
[2] ХБГ, § 179.
[3] Castrén, § 136.
[4] ККМ, S. 51.
[5] Ср. ХБГ, § 179.
[6] Ср. ККМ, S. 114.

В хоринском этому суффиксу соответствует -хла̄ра̄ (с безличным притяжанием).[1] В халхаском соответствует тоже -хла̄р.[2]

По смыслу этой форме, до некоторой степени, соответствует синтаксический оборот converbum modale + гєhа̄н̓, напр., јабӑӊ гєhа̄н̓ 'лишь только пошел, как оказалось, что...', харӑӊ гєhа̄н̓ 'лишь только посмотрел, как оказалось, что...' и т. д.

§ 159. Converbum contemporale.

Converbum contemporale или деепричастие предварительное по значению близко к предыдущему. Оно выражает действие, которое предшествует другому, и после которого наступает действие, выражаемое окончательной глагольной формой. Оно может переводиться словами „когда произошло то-то и то-то, тогда"...

Суффикс -мсӑр (реже -мса̄р).

Примеры: јабӑмсӑр ~ јабӑмса̄р 'когда пошел...', орӧмса̄р 'когда вошел'.

Восходит -мса̄р к форме творительного падежа деепричастия на *-*maγča* = мо. -*maγča*. Из -мса̄р, когда форма перестала сознаваться как форма instrumentalis, получилось -мсӑр.

Наряду с этой формой имеем другую, с этим же значением, образуемую при помощи суффикса -мсла̄р (-мслē̄р). Эта форма восходит к форме творительного падежа от comitativ'а на *-*luγa* от *-*maγča*, т. е. к *-*maγča* -*luγa-βar*.

Пример: орӧмсла̄р̓ӣн̓ 'как только он вошел'.

Эта форма обычно употребляется с притяжанием третьего лица.

В хоринском соответствует -мса̄р,[3] распространенное также в селенгинском. Согласно Орлову, в балаганском говоре (неясно, что он подразумевает под ним) наблюдается уже -мhа̄р.[4] Суффикс -мса̄р имеется и в халхаском.[5]

§ 160. Converbum abtemporale.

Converbum abtemporale или деепричастие продолжительное выражает действие, с момента наступления которого и в течение совершения которого происходит действие, выражаемое окончательной глагольной формой, напр., „с тех пор, как произошло то-то и то-то"..., „тем временем, как происходило то-то и то-то"...

Суффикс -hа̄р (-hē̄р, -hō̄р, -hѿ̄р).

Примеры: јабӑhа̄р' тем временем, как шел', 'с тех пор, как шел', 'пока продолжал итти'; ґарhа̄р 'с тех пор, как вышел' и т. д.

[1] ХБГ, § 175.
[2] ККМ, S. 52.
[3] ХБГ, § 172.
[4] Орлов, § 106.
[5] ККМ, S. 53.

Восходит -hāр к nomen perfecti, являясь формой творительного падежа, каковой является и письменное *-γsaγar*.

В хоринском говоре соответствует то же.[1] Форма эта распространена, повидимому, во всех бурятских говорах[2], а также в халхаском[3] и в других наречиях.

Когда требуется выразить действие, продолжающееся очень долго, в аларском употребляется конструкция глагольная основа + converbum abtemporale, напр., јабă јабăhāр 'между тем, как шел он и шел...', ошŏ ошŏhōр 'между тем, как отправлялся и отправлялся...', хўрĕ хўрĕhēр 'тем временем, как достигал он и достигал...'.

§ 161. Converbum momentanei.

Эта форма выражает очень краткое, мгновенное действие. Между прочим, может быть переводима словами 'слегка сделав то-то и то-то'. Самостоятельно не употребляется, но всегда с гежĕ 'говоря'.

Суффикс -ґăт (-ґĕт, -ґŏт).

Примеры: арбăґăт гежĕ 'внезапно ерошась', мешĕгĕт гежĕ 'усмехаясь', ёндĕгĕт гежĕ 'внезапно (или слегка) поддавшись вверх' и т. д.

В хоринском соответствует форма на -ăт или -āт и т. д. с гежі.[4] В халхаском -с хīц (напр., т'а't'ăс хīц, ухху́с хīц и т. д.). Восходит -ґăт к *-*γas*.

Кроме этой формы засвидетельствована еще другая, на -ӯт, в общем не очень распространенная. Мною наблюдалась эта форма только от глагола јабă- 'ходить', напр., јабӯт, јабӯт дундă в значении 'в скором времени, немедленно'.

Форма на -ӯт наблюдается и в хоринском и, судя по примерам, приводимым Рудневым, тоже только от глагола јабă-.[5]

§ 162. Converbum prolocutivum.

Converbum prolocutivum или деепричастие заменное переводится словами „чем делать то-то и то-то, лучше"...

Суффикс -ңхāр (-ңхēр, -ңхōр).

Примеры: харбăңхāр 'чем стрелять', алăңхāр 'чем убить', хелĕңхēр 'чем говорить'.

Форма на -ңхāр в этом же значении имеется и в хоринском говоре.[6] В халхаском и говора восточной Монголии соответствует -хāр.[7] По мнению Рамстедта -ңхāр восходит к *-ң ахāр, т. е. форма converbum modale и instrumentalis от nomen futuri глагола а- 'быть'.[8] Со своей стороны я пред-

[1] ХБГ, § 173.
[2] Подгорбунский, op. cit., p. 104; ср. Castrén, § 135.
[3] ККМ, S. 54.
[4] ХБГ, § 181.
[5] ХБГ, l. c.
[6] ХБГ, § 177.
[7] Мат., стр. 225; ср., однако, ККМ, S. 110.
[8] ККМ, S. 110.

лагаю другое объяснение, а именно -ӊхāр instrumentalis от *-ӊхăӊ, которое является одной из форм converbi modalis в халхаском, ср. там ед̯ʒĕlĕӊхę̆ т̇ȯрсę̆ 'рожденный владеть'.

Вместо этой формы в аларском часто употребляется форма ablativi от имени будущего времени на -хā < -хăhā, напр., јаб̯хā < јаб̯хăhā 'чем итти'.

§ 163. Converbum intentionis.

Так называю я деепричастную форму, засвидетельствованную всего только от глагола јадă- 'не быть в состоянии'. По русски ее можно было бы назвать деепричастием усиления.

Суффиксом является -āӊ. Всегда следует гежĕ.

Пример: јадāӊ гежĕ 'едва, едва'.

Соответствий в других говорах найти не удалось.

§ 164. Деепричастие образа действия.

Так названа Рудневым хоринская форма на -мґăшā, отвечающая на вопрос „каким образом?"[1]

В аларском это деепричастие образуется при помощи суфф. -мҕă, -мҕā¹ или -мҕā¹шă, напр., јабăмҕă или јабăмҕā¹шă 'идя' (напр., „говорю идя").

Вопреки утверждению Руднева, эта форма в аларском очень распространена.[2]

Деепричастие это не что иное, как nomen cupiditatis, о котором шла речь выше (см. § 135). Суффикс -мҕā¹шă восходит к *-*maγai-ča*, где *-*ča* суффикс старого quantitavi.

§ 165. Из деепричастий отрицательные формы образует только converbum modale, отрицанием при котором является у̇бē¹, о чем уже говорилось выше (см. § 155). Остальные деепричастные формы с отрицанием не встречаются, и взамен них употребляются описательные обороты. Таково, напр., сочетание converbum modale с у̇бē¹ и адăлă < **atala*, ср. харăм-бē¹-делĕ 'пока не видел', 'тем временем, как не видел', харāбē¹-делĕ 'даже не видев', 'раз не видел, то...' и т. д.

ЧАСТИЦЫ

§ 166. Бурятская речь вообще и речь аларских бурят в частности изобилует различными частицами. Частицы, не являющиеся самостоятельными словами, придают тем словам, к которым они относятся, разные мелкие оттенки — сомнения, подтверждения, подкрепления и т. д. Таковы дā, -л и т. д. Очень часто они употребляются без особой надобности и превращаются в так называемые „пустые слова".[3] Вообще можно заметить, что многие лица в своей речи такими частицами злоупотребляют.

[1] ХБГ, § 178.
[2] Ср. Санжеев, ЗКВ III, стр. 466.
[3] Ср. Мат., стр. 226, ХБГ, § 194.

ЧАСТИЦЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ

§ 167. Частица бӯ.

Частица бӯ подтверждения 'ведь' наблюдается при глагольных формах. Обычно она встречается в сопровождении частицы дā. Особенно часто эти обе частицы наблюдаются при формах praeteriti I, напр., хєлēбӯ-дā 'сказал ведь'.

Частице этой в хоринском соответствует гӯ.[1] Восходит она к *гӯ: г здесь дал в аларском б точно также как в *ügei > ӱбēⁱ 'нет'. На подобного рода частицу обратил внимание и Подгорбунский, но только значение ее осталось им невыясненным (ср. у него м̀інāтāб 'имеет бич').[2]

§ 168. Частица дā.

С частицей дā нам пришлось уже встретиться неоднократно, ср. јёр-дā 'приди-же!', јабăшăбă-дā 'пошел ведь' и т. д.

Частица эта имеется и в хоринском[3] и других говорах, а также в халхаском и т. д.

§ 169. Частица -л ~ -л̀.

С частицей -л ~ -л̀ мы тоже уже встречались неоднократно, ср. јабăнăл̀бĕ 'я иду', јёрēл 'пришел ведь', ħӯжăл бāⁱнặ 'все живет' ('все сидит').

§ 170. Частица хєјā.

Частица эта принадлежит к наиболее распространенным частицам подтверждения. Находясь при глагольных формах, она показатели личные присоединяет к себе, оказываясь между глагольной формой и личным показателем.

Примеры: асăрбă-хєјāп 'я принес кажется', јёрбĕ-хєјāп 'я кажется пришел'. Часто она соединяется с īмє < *уаγита*, напр., јёрбĕ-хєјīмш 'как будто, ты пришел'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

§ 171. Частица -ī.

Частица -ī присоединяется всегда к той или иной форме, когда требуется выразить вопрос. Она соответствует по значению русскому „ли". Присоединяясь к глагольной форме, она личные показатели принимает на себя, напр., јаб̯хᵃīш 'ты пойдешь?', болхᵒīш 'ты станешь?' и т. д.

Когда частица эта присоединяется к форме, оканчивающейся на долгий гласный, то между ней и долгим гласным возникает ј. При этом долгота гласного частицы исчезает, напр., јабāјĕш 'ты ходил?', јёрēјĕш ты пришел?', гєртēјĕ 'в своем доме?' ('дома-ли?') и т. д.

[1] ХБГ, § 189.
[2] Op. cit., p. 113.
[3] ХБГ, § 193.

Частице этой соответствует в ойратских говорах и в говорах восточной Монголии -ī.[1] В халхаском же наречии имеется другая частица вопроса, а именно -ӯ (-ӯ̆).

В хоринском говоре частицей вопроса является -гӯ̆,[2] распространенная и в некоторых других говорах.[3] Частица -ī, кроме аларского говора, наблюдается и в некоторых других, так напр., о ней говорит Подгорбунский, не указывающий только говора, в котором она ему встретилась.[4]

§ 172. Частица ā̆л.

Частица эта, сообщающая оттенок вопроса, чрезвычайно распространена. По моим наблюдениям она встречается только при глаголах. Она точно так же личные показатели присоединяет к себе.

Пример: хӯ̆рēт jёрбā̆лш 'ты прибыл?'.

Частица эта встречается и в хоринском говоре.[5]

§ 173. Частица -п.

Частица эта наблюдается только в тех случаях, когда вопрос уже выражается каким нибудь вопросительным словом, напр., 'где', 'куда', 'когда' и т. д., и, как и остальные вопросительные частицы, помещается между глагольной формой и личным показателем.

Примеры: jāӈāп 'что случилось?', jāӈāпш 'что с тобою случилось?', ха'шӑ ошōп 'куда пошел?' и т. д.

Для форм первого лица эта частица не употребляется.

Если форма оканчивается на ӈ, то ӈ + п дают м.

Суффикс этот восходит к *bui = мо. bui и наблюдается также в халхаском, ср. хаӗ'ч'іц jawāw 'куда пошел?'. Может быть, было бы правильнее суффикс -п назвать „предикативным суффиксом при вопросе".

ОТРИЦАНИЕ

§ 174. Об отрицаниях при глаголе бӑ (бӗ и т. д.) при повелительных формах и ӯбӗ при именных и изъявительных, а также некоторых деепричастных уже говорилось на своем месте.

§ 175. Отрицание ӯлӗ.

Отрицание это принадлежит к редким и наблюдается только в эпическом языке. Встречается только при изъявительных и деепричастных формах.

В письменном монгольском языке соответствует *ülü*, в дагурском ӯл. В унгинском говоре ӯлӗ несколько более распространено, чем в аларском.

[1] Мат., стр. 225.
[2] ХБГ, § 186.
[3] Ср. Castrén, § 184.
[4] Op. cit., p. 86.
[5] ХБГ, § 185.

ВОПРОС С ОТРИЦАНИЕМ

§ 176. Вопросительная и в то же время отрицательная форма, напр., ‘ты не видел?’, образуется путем механического прибавления к той или иной форме вопросительной и отрицательной частиц. При этом вопросительные частицы всегда присоединяются к отрицанию, которое таким образом оказывается между глагольной формой и вопросительной частицей. Что касается личного показателя, то он присоединяется в таких случаях к вопросительной частице.

Примеры: jабāбējĕш ‘ты не ходил?’, jёрёбējёш ‘ты не пришел?’, хелĕгшĕhĕмбōjĕп ‘ведь я говорил’ < ‘не говаривал-ли я?’ и т. д.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИИ

MONGOLIE DU NORD.

I. Compte rendu préliminaire des recherches exécutées en 1925 par les expéditions géologique, géochimique et pédologique-géographique. 1926. Prix Rbs. 3. 15.
Z. Lebedeva. — B. Kupletskij. — E. Kostyleva et N. Prokopenko. — B. Polynov et I. Krašeninnikov.

II. Compte rendu préliminaire des recherches exécutées en 1925 par les expéditions linguistique et archéologique. 1927. Prix Rbs. 2. 25.
B. Vladimircov. — G. Borovka.

III. Compte rendu sommaire de l'expédition Mongole-Tibétaine de 1923—1926, organisée par la Société Russe de Géographie. 1928. Prix Rbs. 1. 50.
P. Kozlov.

MATÉRIAUX DE LA COMMISSION POUR L'ÉTUDE DES RÉPUBLIQUES MONGOLE, ET DE TOUVA ET DE LA RÉPUBLIQUE AUTONOME BOURIATE-MONGOLE.

Livr. 1. Compte rendu préliminaire de l'expédition géologique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rb. 1.
B. Kupletskij.

Livr. 2. Compte rendu préliminaire de l'expédition botanique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rbs. 2.
N. Pavlov. — Ja. Prochanov et N. Ikonnikov-Galickij.

Livr. 3. Compte rendu préliminaire de l'expédition zoologique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rbs. 2. 25.
A. Formozov. — A. Tugarinov.

Livr. 4. Compte rendu préliminaire de l'expédition linguistique dans la Mongolie du Nord pour l'année 1926. 1929. Prix Rbs. 1. 25.
N. Poppe. — B. Bambajev.

Livr. 5. I. Statues funéraires au Dariganga. II. Voyage au Dariganga. 1930. Prix Rbs. 1. 50.
V. Kazakevič.

Livr. 6. Dialecte dahour. 1930. Prix Rbs. 3.
N. Poppe.

Livr. 7. Recherches géologiques dans la région
Nord-Ouest) en 1926. 1929. Prix Rb. 0. 75
M. Neuburg.

Livr. 8. Les particularités phonétiques du par
Prix Rb. 0. 25.
G. Sanžejev.

Livr. 9. Compte rendu préliminaire de l'expédi ogique-géographique dans la Mo
golie du Nord en 1926. 1930. Prix Rbs.
B. Polynov et V. Lisovskij. — N. L Ju. Neustrujev. — A. Krištofovič. — I. Chomenko.

Livr. 10. Les darkhates. Compte rendu du voyage ue dans la Mongolie en 1927.
1930. Prix Rb. 1.
G. Sanžejev.

Livr. 11. Dialecte alare. Première partie. 1930. Prix R
N. P pe.

Livr. 12. Les oiseaux de la Transbaïcalie du Sud-Oues Mongolie du Nord et du Gobi Central (sous presse).
E. Kozlova.

СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ.

I. Предварительные отчеты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. 1926. Цена 3 руб. 15 коп.
З. А. Лебедева. — Б. М. Куплетский. — Е. Е. Костылева и Н. М. Прокопенко. — Б. Б. Полынов и И. М. Крашенинников.

II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. 1927. Цена 2 руб. 25 коп.
Б. Я. Владимирцов. — Г. И. Боровка.

III. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического Общества 1923—1926 годов. 1928. Цена 1 руб. 50 коп.
П. К. Козлов.

МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛЬСКОЙ И ТУВИНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК И БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР.

Вып. 1. Предварительный отчет геологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. 1929. Цена 1 руб.
Б. М. Куплетский.

Вып. 2. Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. 1929. Цена 2 руб.
Н. В. Павлов. — Я. И. Проханов и Н. П. Иконников-Галицкий.

Вып. 3. Предварительный отчет зоологической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. 1929. Цена 2 руб. 25 коп.
А. Н. Формозов. — А. Я. Тугаринов.

Вып. 4. Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. 1929. Цена 1 руб. 25 коп.
Н. Н. Поппе. — Б. Б. Бамбаев.

Вып. 5. I. Намогильные статуи в Дариганге. II. Поездка в Дариангу. 1930. Цена 1 руб. 50 коп.
В. А. Казакевич.

Вып. 6. Дагурское наречие. 1930. Цена 3 руб.
Н. Н. Поппе.

Вып. 7. Геологические исследования в районе хр. Батыр-хаирхан (Северо-Западная Монголия) в 1926 году. 1929. Цена 75 коп.
М. Ф. Нейбург.

Вып. 8. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. 1930. Цена 25 коп.
Г. Д. Санжеев.

Вып. 9. Предварительный отчет почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 году. 1930. Цена 3 руб. 50 коп.
Б. Б. Полынов и В. И. Лисовский. — Н. Н. Лебедев и Ю. С. Неуструев. — А. Н. Криштофович. — И. П. Хоменко.

Вып. 10. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. 1930. Цена 1 руб.
Г. Д. Санжеев.

Вып. 11. Аларский говор. Часть первая. 1930. Цена 3 руб.
Н. Н. Поппе.

Вып. 12. Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби (печатается).
Е. В. Козлова.

Цена 3 руб.